

СТАНИСЛАВ ЛЕМ —
СВИДЕТЕЛЬ
КАТАСТРОФЫ

ВАДИМ ВОЛОБУЕВ

Вадим Волобуев

**Станислав Лем –
свидетель катастрофы**

«НЛО»

2023

УДК 821.162.1(438)(092)Лем С
ББК 83.3(4Пол)6-8Лем С

Волобуев В. В.

Станислав Лем – свидетель катастрофы / В. В. Волобуев —
«НЛО», 2023

ISBN 978-5-4448-2148-0

Станислав Лем (1921—2006) — самый известный писатель Польши второй половины XX века и первый фантаст к востоку от Германии, прославившийся на весь мир. Однако личность Лема, как и его творчество, остается не до конца разгаданной: в биографии писателя слишком много противоречий. Почему Лем одновременно ненавидел и любил Россию? Зачем творил в жанре научной фантастики, если не выносил ее как читатель? Каким образом он пережил нацистскую оккупацию и как этот опыт повлиял на его мировоззрение? Вадим Волобуев ищет в своей книге ответы на эти вопросы, прослеживая судьбу Лема как историю интеллигента, ставшего не только свидетелем, но во многом и жертвой безжалостного XX столетия. Автор вписывает судьбу фантаста в контекст польской истории, столь важной для понимания его личности и художественного метода. Вадим Волобуев — историк и политолог, старший научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН.

УДК 821.162.1(438)(092)Лем С
ББК 83.3(4Пол)6-8Лем С

ISBN 978-5-4448-2148-0

© Волобуев В. В., 2023

© НЛО, 2023

Содержание

Введение	7
Катастрофа первая	11
Чужой среди своих	11
Беспечное время	20
Новый мир	32
Холокост	47
Катастрофа вторая	64
Свобода	64
Время больших надежд	70
Через тернии – к звездам!	90
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Вадим Волобуев

Станислав Лем – свидетель катастрофы

© В. Волобуев, 2023

© С. Тихонов, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

Выражаю глубокую признательность профессору Иерониму Грале, Андрею Степановичу Павлышину, а также администрации и посетителям сайта «Лаборатория фантастики» (fantlab.ru), которые оказали мне неоценимую помощь при написании этой книги.

...Не могу это читать, научная фантастика меня совсем не интересует. В ней нет никакой познавательной ценности. Авторы вообще об этом не думают, речь идет исключительно о том, чтобы написать и продать текст. Я лучше выберу заурядный роман о ссоре американских, польских или мексиканских супругов на кухне, чем эти галактические небылицы. Это даже не инфантильность, потому что инфантильные сказки часто бывают забавными. А это совершенно нечитаемо. Я просто не знаю жанра, который был бы мне более неприятен¹.

Станислав Лем, 1982

---

¹ Tako rzecz... Lem. Ze Stanisławem Lemem rozmawia Stanisław Bereś. Kraków, 2002. S. 194–195. Перевод мой, если не указано иное. – В. В.

Введение

«Лем критикует Россию до степени русофобии. Он также выступает с обширной критикой США, Германии и Польши (и других стран), но ни к какой стране не относится так негативно, как к России», – написала немецкая исследовательница поздней публицистики Лема². Действительно, в политических текстах Лема, написанных на злобу дня, Россия (а до нее – Советский Союз) предстает если не средоточием всего плохого, то неизменно враждебной Польше страной, против которой хороши любые средства. А в личных письмах Лем иногда проявляет такую ксенофобию, что кажется, будто их написал ярый шовинист. Чего стоит хотя бы такая филиппика, вышедшая из-под его пера в мае 1977 года: «Собственно, все, что следовало сказать о Советах, уже много раз, со старательной артикуляцией, сказано, написано и опубликовано. Я здесь (в Западном Берлине. – В. В.), естественно, читаю книги, которых не могу достать в Польше. Среди прочего – воспоминания немцев, которых в год поражения Гитлера, 1945-й, накрыла волна наступления Красной армии. Главным образом – с Поморья (Pommern). Например, заметки одного врача, хотя и графа, верующего, который прошел через тот ад и видел все, на что способны русские, воспитанные в той уродливой системе. Эти воспоминания иногда вторили и моим мыслям и суждениям, разве что я их не излил на бумаге, пусть я и не видел всего, что видел он. Жестокость немцев, которые при Гитлере оккупировали ту или иную страну, при всем своем размахе НЕСРАВНИМО ИНАЯ, чем советская. Немцы (начну с банальностей) были методичны, выполняли приказы без личностной вовлеченности, в целом – механически, считали себя Высшей Расой, а нас, евреев, – Ungezeifer, червями для истребления, но такими хитрыми червями, с такой хуцпой, что эти червяки посмели подлю имитировать под человека. Русские же были распоясанной сворой, безусловно и глухо понимавшей то, что она ниже и хуже других, а потому, насилуя 80-летних старух, между делом убивая, мимоходом уничтожая все проявления благосостояния, порядка, цивилизованного достатка и проявляя в равнодушном разрушении немало Изобретательности, Инициативы, Внимания, Концентрации и Воли, тем самым мстили не столько немцам (ДРУГИМ, впрочем) за то, что немцы устроили им в России, сколько миру, лежавшему за границами их тюрьмы, и мстили самым низменным образом – никакие звери не обнаруживают такой, так сказать, ЭКСКРЕМЕНТАЛЬНОЙ, ЯРОСТИ, какую обнаружили русские, заполняя своими экскрементами разбитые салоны, больничные палаты, биде, клозеты, гадя на книги, ковры, алтари; в этом обсирании всего мира, который русские к своей большой радости МОГЛИ бить, крушить, обосрать, к тому же еще насилуя и убивая (насиловали рожениц и женщин после тяжелых операций, женщин в луже крови, насиловали и срали; а кроме того, ДОЛЖНЫ были красть часы, а когда их бедный солдатик не мог ничего отнять у немцев в больнице, поскольку его опередили, он РАЗРЫДАЛСЯ и заорал, что, если не получит немедленно ЧАСЫ, застрелит троих человек). Однажды в Москве в 61 году³, после 12 ночи сразу с самолета я попал в ресторан „эсклюзивного отеля“ (на улице толпа других желающих РАЗВЛЕЧЬСЯ бесплатно ломилась в двери гостиницы), и – хоть там никто никого не насиловал, не убивал и не обсирал – я видел ТО ЖЕ САМОЕ, и это произвело на меня незабываемое впечатление, я это назвал безумной ордой, поскольку она не верила в БОГА, то есть я наблюдал людей, из которых выбили все ценности, людей с ампутированной этикой, и это зрелище было невероятно отвратительным. Эти истории и диагнозы известны, а наша цивилизация делает что может, чтобы это скрыть, затоптать, засыпать, не замечать, не признаваться в этом, а если не получается, то объяснять самым про-

---

² Пёрцген И. Фельетоны Лема // Пятые Лемовские чтения: сб. материалов Международной научной конференции памяти Станислава Лема / Отв. ред. А. Ю. Нестеров. Самара, 2020. С. 299.

³ Описка Лема. Впервые он приехал в СССР в октябре 1962 года.

стым способом. Советская система как *corruptio optimi pessima* („худшее падение – падение честнейшего“ (*лат.*) – В. В.) фактически есть система торговли всеми чертами, на какие оподлившийся человек вообще способен. Предательство и отдача на муки друзей, ложь на каждом шагу, жизнь в фальши с колыбели до могилы, растаптывание традиционных ценностей культуры и бетонирование определенных формальных аспектов этой культуры; в общем, ясно, что эти насилия, убийства и обсираие – одна сторона монеты, а другая – это советское пуританство, викторианство, „родинность“, „патриотизм“, „коммунистическая мораль“ и т. д. Что тут писать и что добавить! И радикально неверующему, как я, мысль о том, что Бога, вероятно, нет, но сатана, пожалуй, есть, если есть Советы, эта мысль должна приходить в голову снова и снова. Огромная держава с фальшивой идеологией (никто в нее не верит), с фальшивой культурой, музыкой, литературой, общественной жизнью – все фальшиво от А до Я, и так старательно, с такими репрессиями, с таким полицейским надзором, что прямо-таки напрашивается мысль: КОМУ это может служить лучше, чем Повелителю Мух (Вельзевулу. – В. В.)? Я знаю, что его нет, но в ОПРЕДЕЛЕННОМ смысле отсутствие еще и Отрицательного Полюса Трансценденции даже хуже»⁴.

«Вот, значит, что думал о нас писатель, которого мы так любили!» – наверное, воскликнет с горечью житель России, прочитав эту эмоциональную речь. Однако у Лема имелись и другие высказывания об СССР, противоположные по духу. Вот, например, что он писал в ноябре 1965 году драматургу Славомиру Мрожеку, делясь впечатлениями от второй поездки в Советский Союз: «Русские и мы – это два мира, разделенные миллионами световых лет, они верят в искусство, оно им нужно как не знаю что, они горят, в любую минуту готовы заняться принципиальными проблемами, днем и ночью – для них без разницы. Это безоглядность какой-то дикой молодости, или <...> они просто не познали еще движения авангарда, и оттого у них еще не девальвировались какие-то смысловые версии слов девятнадцатого века. Они не боятся называть все напрямую – жестко, жадно, они не стыдятся своих чувств, не стыдятся вообще ничего. Может быть, у них наступило время пророков, то есть время, когда писатель выполняет обязанности предсказателя, Господа Бога, любовницы, спасательного плота, благоговения, помазания, посвящения в трансцендентность...»⁵ А вот что он говорил в интервью 1982 года: «Когда готовили „Книгу друзей“⁶ на русском и польском языках, множество наших писателей настрочили лживые тексты о том, как они любят Советский Союз или как их любят в этой стране. Там есть, пожалуй, лишь один искренний текст – мой. Искренний потому, что приключение, которое я пережил в СССР, невероятно... Температура русских, когда они под впечатлением интеллектуального приключения, куда выше той, что бывает в других странах. Сартр, возвращаясь из Москвы, был буквально пьян от того, как его носили на руках. Я это тоже испытал. Русские, когда кому-то преданы, способны на такую самоотверженность и так прекрасны, что это трудно описать»⁷. И наконец, в том же году, когда Лем опубликовал свое «русофобское» письмо, он расписался в уважении к русской культуре: «Я просто-таки изумлен тем, что поляки внезапно утратили все контакты с Россией – как будто мы переселились куда-то в район Антарктиды. А ведь русская культура была и остается чрезвычайно оригинальной <...> Я питаю некоторую слабость к русской поэзии, которая не рассталась, как это произошло с польской, с рифмованным и ритмизированным стихом. Я до сих пор регулярно читаю русские журналы, особенно научные <...> Я интересуюсь новейшей русской литературой, причем интереснее всего мне кажутся мемуарная литература и репортажи <...> Вот

⁴ *Stanisław Lem. Listy albo opór materii. Wybór i oprac. J. Jarzębski. Kraków, 2002. S. 261–263.* Это отрывок из письма, которое Лем хотел послать своему американскому переводчику Майклу Канделю, но не послал, а написал другое. Однако письмо сохранилось в архиве и было опубликовано при жизни Лема.

⁵ *Stanisław Lem. Sławomir Mrożek. Listy. Kraków, 2011. S. 488.*

⁶ *Księga przyjaciół. Wybór i oprac. I. Sikirycy. Warszawa, 1975 / Книга друзей. Пер. А. Григорьевой. М., 1975.*

⁷ *Tako rzecze... S. 240.*

уже 12 лет мы живем в независимом государстве, но, к сожалению, не обладаем даже четвертью всех этих потаенных, приглушенных, придавленных гнетом духовных богатств, которыми могут гордиться русские. Особенно в науке»⁸.

Как один и тот же человек мог говорить столь разные вещи? Может, дело в цензуре? Или Лем менял взгляды? Было и то и другое, но самое главное – первая цитата в восприятии Лема (да и многих поляков) не столь уж противоречит остальным, хоть нам трудно это понять. И дело даже не в том, что Лем отнюдь не ставил знака равенства между Россией и коммунистической властью. Посткоммунистическую Россию он тоже атаковал, и еще как! При этом не забывал регулярно пускать стрелы и в собственный народ. Его немецкий агент Франц Роттенштайнер в интервью 2006 года признался, что среди полученных им от Лема писем «немало решительно антипольских. Множество раз он высказывался о земляках так, как говорят только самые отъявленные враги поляков»⁹. А вот что сам Лем заявлял в уже упоминавшемся интервью 1982 года: «Как любой ребенок в Польше, я был воспитан на культе Жеромского, а потому лишь изредка отваживался задаться вопросом, да и то где-то в выпускном классе: как это – Жеромский и Прус? Это ведь период более-менее, с некоторыми подвижками, Достоевского и Толстого! Там „Война и мир“ – а у нас „Фараон“? Там „Преступление и наказание“ – а у нас „Пепел“? В таком сравнении они выглядят ужасно. Если нет точек опоры, можно и „Верной рекой“ восхищаться – но ведь они есть. Там Достоевский со своей антипапской язвительностью, антикатоличеством и антипольским ядом, проблематикой мрачной литературы и философскими рассуждениями, глубже которых в литературе нет, – а у нас? Ничего. И это меня сильно беспокоило»¹⁰. Вообразите, тот самый Лем, который столь неприязненно отзывался о советских солдатах, ставил русскую литературу выше польской! Мало того, как-то он признался в большой любви к симфонической картине Мусоргского «Ночь на Лысой горе» и к творчеству Пушкина – причем заявил это полякам, а не россиянам¹¹. Нам может показаться, что тут нет ничего особенного (кто не знает великой русской культуры?), но для поляка, окончившего школу до войны, такое признание дорогого стоило. Убеждение в культурном превосходстве над всеми соседями и нацменьшинствами (кроме немцев, пожалуй) – один из основополагающих мифов межвоенной Польши, по сей день укорененный в обществе. Известнейший литературовед Ян Юзеф Липский в 1981 году писал: «Русских средний поляк воспринимает иначе, чем немцев. Эти последние вызывают немало ненависти пополам со страхом, но немало и уважения. А вот к русским наряду с ненавистью (пожалуй, далеко не столь глубокой, как к немцам) и страхом родом из ночных кошмаров о советских танках, стреляющих в польских бунтарей, налицо пренебрежение и чувство превосходства. Откуда оно взялось, черт его знает, но поляки в целом уверены, что русская культура ниже польской»¹². Зато «русофоб» Лем, как видим, так совсем не считал. Кроме того, он высоко ставил российскую и советскую науку, его письма и публицистические тексты пестрят ссылками на Петра Капицу, Иосифа Шкловского, Василия Налимова, Андрея Маркова – старшего, а журнал «Природа» был одним из двух научных изданий, которые Лем выписывал до самой смерти.

Так как же все вышесказанное сочеталось в одном человеке? Чтобы понять это, надо не только проследить духовный путь писателя, но и постичь страну, в которой он жил. А уже через

⁸ О Польше, России и о «Новой Польше». Беседа Яна Стшалки со Станиславом Лемом // Новая Польша. 01.2002. С. 8.

⁹ *Oramus M.* Bogowie Lema (pdf). Stawiguda, 2016. S. 173. К сожалению, письма С. Лема Ф. Роттенштайнеру пока не опубликованы, так что нам остается верить агенту на слово.

¹⁰ Gusta I dyzgusta // Tako rzecze... S. 223.

¹¹ Przyszłość jest otwarta. Ze Stanisławem Lemem rozmawia Tomasz Fiałkowski // Tygodnik Powszechny. 17.09.2001; Między czosnkiem a wiecznością // Gazeta Wyborcza. 16–17.08.2003.

¹² *Lipski J. J.* Dwie ojczyzny, dwa patriotyzmy. S. 23–24. URL: <http://otwarta.org/wp-content/uploads/2011/11/J-Lipski-Dwie-ojczyzny-dwa-patriotyzmy-lekkie3.pdf> (проверено 03.11.2021).

призму истории Польши в XX веке заглянуть во внутренний мир самого известного польского писателя прошлого столетия. Этим мы и займемся.

Катастрофа первая

Чужой среди своих

Мои предки были евреями, но я не имел представления ни об иудаизме, ни, к сожалению, о еврейской культуре. Собственно, лишь благодаря нацистским законам я осознал, что в моих жилах течет еврейская кровь¹³.

Станислав Лем, 1983

Невозможно уничтожить предрассудки. Впрочем, сейчас, особенно среди молодых людей, антисемитами являются люди, которые в жизни ни одного еврея не видали, а потому не проявляют таких людоедских качеств, как их отцы. Да у нас и евреев-то почти не осталось. Хотя есть такие, кто утверждает, что мы все – евреи¹⁴.

Станислав Лем, 2001

«Обратим внимание на то, что поляки, справедливо гордясь своим антинацистским движением Сопротивления, во время войны в сущности перебили куда больше евреев, чем немцев. И хотя польских католиков жестоко преследовали в период оккупации, они сами проявили мало сочувствия к главным жертвам нацизма. Юзеф Мацкевич, консерватор и антикоммунистический писатель с безупречно патриотической биографией, написал, что во время оккупации не было буквально никого, кто не слышал бы известного присловья: „Гитлер сделал одну хорошую вещь – ликвидировал евреев, но об этом нельзя громко говорить“», – написал в сентябре 2015 года польско-американский социолог Ян Томаш Гросс¹⁵. Это заявление вызвало в Польше скандал. Народ, шесть лет сражавшийся с фашизмом и потерявший наибольший процент населения во Второй мировой войне, приравнивал к нацистским преступникам! Варшавская прокуратура начала следствие по обвинению Гросса в публичном оскорблении польского народа, а канцелярия президента обратилась в МИД с предложением лишить профессора Кавалерского Креста ордена за заслуги перед Польской республикой, который тот получил в 1996 году.

Однако резкое заявление Гросса при всей его спорности вырвало поляков из блаженной дремы. До сих пор они считали себя исключительно жертвой агрессивных соседей – «Христом народов», выражаясь словами Мицкевича. И вдруг оказалось, что они сами могут являться такими агрессорами или хотя бы пособниками агрессоров. Не отдельные отщепенцы, а большинство народа! Это был удар в самое сердце романтической традиции, в самую суть польского мировосприятия.

Какое это имеет отношение к Лему? Самое прямое. Он родился в семье 42-летнего отоларинголога Самуэля Лема и 29-летней домохозяйки Сабины Вольнер – чистокровных евреев, заключивших брак во львовской синагоге реформистского толка в мае 1919 года. Сам Станислав, хоть и получил славянское имя, прошел обрезание (его сандеком, то есть «восприемником», был брат покойного деда Бенямин Лем), в гимназии ходил на уроки иудаизма, а

---

¹³ Lem S. Przypadek iład // Официальный сайт творчества С. Лема URL: <https://solaris.lem.pl/home/biografia/przypadek-i-lad> (проверено 04.11.2021).

¹⁴ Tako rzecz... S. 415.

¹⁵ Gross J. T. Eastern Europe's Crisis of Shame // Project Syndicate. 13.09.2015 – URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/eastern-europe-refugee-crisis-xenophobia-by-jan-gross-2015-09> (проверено 03.11.2021).

большинство его одноклассников были евреями¹⁶. Что об этом говорил сам Лем? Абсолютно ничего. Даже в «Высоком Замке», где писатель любовно нарисовал картину своего детства в довоенном Львове, тщетно искать хотя бы косвенное указание на то, кем был он и его многочисленные (как мы сейчас знаем) родственники.

Лем, однако, не был одинок в таком нарочитом забвении своих корней. Например, поэт Адам Важик никогда не упоминал, что вырос в еврейском районе Варшавы, окруженный исключительно евреями – начиная от одноклассников и заканчивая гостями богача-отца, – а его брат вдобавок был известным сионистом. Более того, в одном из своих произведений он тоже, как и Лем, подробно описал родной район, но даже не намекнул, что решительное большинство его населения составляли евреи¹⁷.

Точно так же повел себя поэт Виктор Ворошильский, избегнувший Гродненского гетто лишь благодаря фальшивым документам и нехарактерной для еврея внешности. Даже в дневнике, который он писал для себя, Ворошильский никогда не касался еврейской темы. И только однажды, в разгар «антисионистской кампании» 1968 года, отразил свои оккупационные переживания в повести «Литература». Аналогичным образом поступил и Леопольд Тырманд, когда создавал «Дневник 1954»: рассуждая о происхождении своей фамилии, он забрался аж в Скандинавию, но ни словом не упомянул, что происходит из еврейской семьи. А прозаик Мариан Брандыс однажды устроил скандал своей жене, когда та в разговоре со священником-антисемитом с гордостью заявила, что ее супруг – еврей. «Я орал, что никто, а уж тем более моя жена, не имеет права представлять меня как еврея, поскольку я такой же добрый поляк, как и она, и этот ксёндз из-под Ченстоховы, а мое происхождение тут роли не играет. Для доказательства своей правоты я перечислил всех своих предков и родных, которые за время трехсотлетнего пребывания в Польше деятельно участвовали в ее жизни. А именно: того мудрого лекаря из чешского Брандейса (ныне Брандыса), который был придворным врачом Владислава IV Вазы и дал начало не одной чисто польской и шляхетской семье; и того капитана-медика в повстанческой армии Костюшко; и того члена Национального правительства в январском восстании (1863 года. – В. В.); и троих моих дядей-легионеров; и last but not least мои собственные сентябрьско-октябрьские сражения 1939 года в армии генерала Клееберга». – «Да ты хоть на голову встань, они все равно не признают тебя поляком», – сказал ему писатель Юлиан Стрыйковский, тоже еврей¹⁸.

Жизнь научила этих людей, что быть евреем вне общины – это быть изгоем, а они не хотели оставаться вечными изгоями. «Они словно кожей чувствуют неприязнь читателя, а потому надевают маску», – объяснил такой «камуфляж» Адольф Рудницкий, еще один польский писатель еврейского происхождения, который, однако, своих корней не скрывал, а даже, напротив, сделал их одной из тем своего творчества¹⁹.

Как тут не вспомнить Бориса Стругацкого, который в статье «Больной вопрос» описал, как его, советского школьника, ровесники поставили перед фактом, что он, оказывается, еврей. «Уже в Ленинграде в пятом или шестом классе я обнаружил вдруг, что у меня есть отчество. Вдруг пошла по классу мода – писать на тетрадке: „...по литературе ученика 6-а класса Батурина Сергея Андреевича“. Но я-то был не Андреевич. И не Петрович. Я был Натанович.

¹⁶ Gajewska A. Zagłada i gwiazdy. Przeszłość w prozie Stanisława Lema. Poznań, 2017 (pdf). S. 78, 139–140; Rojt E. Wojciech Orliński znowu o Stanisławie Lemie czyli zmyśleń ciąg dalszy // Блог Э. Ройта «Kompromitacje. Przypadki słabości ludzkich» – URL: KOMPROMITACJE: Wojciech Orliński znowu o Stanisławie Lemie albo zmyśleń ciąg dalszy (проверено 04.11.2021). В 1998 году, давая интервью Т. Фиалковскому, Лем покривил душой, сказав: «Из тридцати парней (в классе. – В. В.) примерно четверть или пятую часть составляли евреи, две или три пятых – поляки, остальные – украинцы» (Świat na krawędzi. Ze Stanisławem Lemem rozmawia Tomasz Fiałkowski. Kraków, 2000. S. 28). Религиозный состав учеников гимназии Лема в период, когда он в ней учился, выяснила А. Гаевская (Gajewska A. Stanisław Lem. Wypędzony z Wysokiego zamku. Kraków, 2021. S. 94–98).

¹⁷ Bikont A., Szczególna J. Lawina i kamienie. Pisarze wobec komunizmu. Warszawa, 2006. S. 373–374.

¹⁸ Bikont A., Szczególna J. Lawina i kamienie. Pisarze wobec komunizmu. Warszawa, 2006. S. 370, 375–377.

¹⁹ Ibid. S. 374.

Раньше мне и в голову не вступало, что я Натанович. И вот пришло, видно, время об этом задуматься. В нашей школе антисемитизм никогда не поднимался до сколько-нибудь опасного градуса. Это был обычный, умеренный, вялотекущий антисемитизм. Однако же быть евреем не рекомендовалось. Это был грех. Он ни в какое сравнение, разумеется, не шел с грехом ябедничества или, скажем, чистоплюйства любого рода. Но и ничего хорошего в еврействе не было и быть не могло. По своей отвратительности еврей уступал, конечно, гогочке, который осмелился явиться в класс в новой куртке, но заметно превосходил, скажем, нормального битого отличника. Новую куртку нетрудно было превратить в старую – этим с азартом занимался весь класс, клеймо же еврея было несмываемо. Это клеймо делало человека парией. Навсегда. И я стал Николаевичем. „...по арифметике... ученика 6-а класса Стругацкого Бориса Николаевича...“ Мне кажется, я испытывал стыд, выводя это на тетрадке. Но страх был сильнее стыда. Не страх быть побитым или оскорбленным, нет, – страх оказаться изгоем, человеком второго сорта»²⁰.

Все эти люди – Лем, Вазик, Брандыс, Ворошильский, Стрыйковский, Рудницкий, Стругацкий – были современниками Холокоста, и все они имели за плечами увлечение коммунизмом. А значит, у всех был схожий опыт, и все они когда-то сделали один и тот же политический выбор: сначала искренне поддержали социалистический строй, а потом разочаровались в нем. Вряд ли это было случайностью. «Коммунистический энтузиазм заменил ему утраченное чувство идентичности, – сказал о Ворошильском другой бывший воспеватель строя Анджей Мандалян. – Он сознательно отрекся от этого чувства, мечтал раствориться в „мы“, коммунизм же был заменой этой утраты»²¹.

Коммунистический выбор многих польских евреев был вызван теми же причинами, что и уход в революцию немалого числа евреев Российской империи полувеком раньше. Во второй половине XIX века на волне реформ Александра II возникла прослойка светски образованных выходцев из традиционных еврейских семей, которые стремились найти достойную интеллигентную работу и вырваться за пределы культурного гетто (в Западной Европе то же самое происходило в эпоху Просвещения, когда появились реформистский иудаизм и движение за эмансипацию евреев – Хаскала). Но поскольку в сословном обществе России добиться еврею успеха было даже труднее, чем в независимой Польше с ее «арийскими параграфами» и «лавками-гетто», многие евреи либо эмигрировали, либо включались в революционное движение. Тогда-то и возник миф о «жидокоммуне», который польские правые начали раскручивать еще в 1905 году. Аналогичное явление можно было наблюдать и в независимой Польше. Поэт Чеслав Милош так вспоминал свою юность в польском Вильно (Вильнюсе): «Первое мая у нас в городе называли „еврейским праздником“. По улицам в этот день двигалось многолюдное шествие с флагами и транспарантами. В толпе, объединявшей разные направления левых сил, и вправду преобладала еврейская молодежь. Причина проста: основную массу христианского населения у нас составляли ремесленники, сплоченные в цехи под покровительством святых, или рабочие, сохранившие крестьянскую закваску <...> В университете я убедился, что водораздел между левыми и правыми проходит как раз по „еврейскому вопросу“. Сравнивая своих товарищей, я заметил, что они шли двумя совершенно разными колеями. Еврейскими мальчиками и девочками рано овладевал дух прогресса, их бунт против отцовских взглядов на жизнь, против религии был куда горячее, чем у христиан. Они ополчались на предрассудки, в священных книгах видели собрание нелепостей, штудировали Ленина и чаще причисляли себя к марксистам»²².

²⁰ Стругацкий Б. Большой вопрос. Бесполезные заметки // Звезда. 1993. № 4 – URL: <http://www.rusf.ru/abs/books/publ41.htm> (проверено 08.11.2021).

²¹ Bikont A., Szczesna J. Op. cit. S. 378.

²² Милош Ч. Родная Европа. М., 2011. С. 92, 95.

Одновременно – вследствие моды на рационализм и позитивизм – возник особый тип «польского еврея» (как правило, инженера или врача), то есть человека, отрекшегося от иудейской ортодоксии, пользующегося в обиходе польским языком, живущего среди поляков, но не расставшегося с еврейским самосознанием (хотя встречались и сторонники ассимиляции)²³. Отсюда происходил такой парадокс: если в XIX веке евреев обвиняли в том, что они не желают растворяться в массе христиан, то, когда на исходе столетия еврейская интеллигенция начала перенимать культуру титульной нации, зазвучали обвинения в еврейском засилье. А эти обвинения как раз препятствовали ассимиляции, так как из-за них о своем еврействе вспоминали даже те, кто рад был бы о нем забыть²⁴.

Отец Станислава Лема, Самуэль, как раз и был таким «польским евреем»: говорил по-польски, читал польских писателей и польские газеты, жил в польском районе Львова, пусть и по соседству с еврейским кварталом (а еще не забывал вкладываться в бюджет еврейской общины – на всякий случай). Женитьба на Сабине Вольнер, воспитанной в традиционалистской семье, наверняка неоднозначно была воспринята родственниками обоих молодоженов и, видимо, порождала некоторую напряженность между супругами. Судя по тому, что в своих произведениях Самуэль (в молодости увлекавшийся писательством) осуждал эмансипацию женщин²⁵, он как раз и искал себе такую девушку – домовитую и покорную. Вышло, однако, немного иначе. Сын Станислава Лема, Томаш, писал, что бабка очаровала деда красотой, но имела трудный характер и тот немало с ней натерпелся²⁶. Это можно заметить и по воспоминаниям Лема: если об отце он говорил много и с удовольствием, то о матери – почти никогда, хотя она и дожила до 1979 года. «Мать происходила из бедной семьи из Пшемысля, поэтому женитьба на ней моего отца среди его родственников считалась прямо-таки морганатической. К сожалению, они не раз давали моей матери понять, что в этом есть что-то неестественное <...> Мать никогда не была моим душевным другом. Эту роль выполнял отец»²⁷. В одном из интервью Лем проговорился, что мать была недовольна его решением уйти из медицины, считая писательство занятием малопочтенным. А вот отец, который и сам когда-то стоял перед похожим выбором, отнесся к шагу сына с пониманием и очень ценил роман Лема «Больница Преображения», которого так и не успел увидеть изданным. А еще Самуэль Лем занимался наукой: работал ассистентом у первого ректора Львовского университета в независимой Польше Антония Юраша и даже получил диплом «доктора всех медицинских наук» (в российской номенклатуре это соответствовало бы степени кандидата). В медицинской прессе довоенной Польши сохранились упоминания о его статьях, написанных в соавторстве с довольно известными учеными. Так, в 1918 году он издал отчет об исследовании методов лечения склеромы, проведенном вместе с председателем Объединения украинских врачей Марианом Панчишиным. А в 1928 году Самуэль Лем опубликовал текст, написанный вместе с микробиологом Людвиком Флеком – основоположником социологии науки²⁸. Сейчас Флек известен главным образом философскими идеями. Лем причислял микробиолога к числу тех, чьи взгляды оказали на него влияние, не подозревая, что тот имел опыт научного сотрудничества с его отцом.

Довоенная Польша была страной с самой крупной долей еврейского населения в мире – 9,8 %, что составляло 3 110 000 человек, согласно переписи 1931 года. Однако эта доля постепенно уменьшалась из-за эмиграции и не столь высокой, как у поляков, рождаемости. 75 % евреев проживали в городах, где естественный прирост всегда ниже, чем в деревнях.

²³ Марковский А. Польские евреи, русские евреи и эволюция социальных представлений: Польша и Россия в XIX веке // *Judaic-Slavic Journal*. 2020. № 1 (3). С. 82–84.

²⁴ Рудницкий Ш. Евреи Второй Речи Посполитой: 1918–1939 // *Judaic-Slavic Journal*... С. 101.

²⁵ *Gajewska A. Stanisław Lem...* S. 33–34.

²⁶ *Lem T. Awantury na tle powszechnego ciężenia*. Kraków, 2012 (pdf). S. 9.

²⁷ *Tako rzeczy...* S. 10.

²⁸ *Jaźniewicz W. Doktor Lem. Anekdoty* – URL: [WJ_Doktor_Lem_Anekdoty.pdf](#) (проверено 14.11.2021).

Каждый третий горожанин центральной Польши и Галиции был евреем, а на северо-востоке – каждый второй.

В отличие от основной массы поляков, евреи, как правило, были грамотны – ведь католикам запрещалось самостоятельно изучать Священное Писание, в то время как мужчинам-иудеям это предписывалось. При таком раскладе евреи обречены были на чиновничью карьеру, но как раз туда доступ им был закрыт. Их неохотно брали даже в городские службы. Например, сразу после провозглашения независимости Польши работу потеряли несколько тысяч еврейских железнодорожников, а в последующие годы процент евреев среди лиц этой профессии не превышал одного (в этот процент, кстати, повезло попасть старшему брату Самуэля Лема – Юзефу²⁹). В 1935 году из трехсот пяти городов страны в ста пятидесяти девяти не взяли на работу в государственные учреждения ни одного еврея, а в остальных это были единицы, хотя в некоторых евреи составляли большую часть населения. В Варшаве на 22 000 работников городских служб приходилось 150 евреев. Из 26 457 работников почты евреями были всего 457 человек³⁰. Мало того, в разгар Варшавской битвы 1920 года под подозрение попали даже еврейские добровольцы и офицеры: 17 000 из них интернировали в Яблонском лагере (который, впрочем, просуществовал всего двадцать пять дней). В итоге евреи, имея мало шансов для карьерного роста, шли в торговлю и свободные профессии. Отсюда такое количество деятелей культуры и искусства еврейского происхождения.

Польское государство дискриминировало евреев и в образовании. В 1926 году из 23,5 миллиона злотых, выделенных Министерством вероисповедания и образования для нацменьшинств, евреи (крупнейшее меньшинство!) получили всего лишь 185 000. В Польше так и не появилось ни одной государственной школы с изучением идиша или иврита, в то время как для других нацменьшинств такие школы существовали. Поэтому евреи, кроме оплаты общих налогов, которые шли на развитие системы образования, вынуждены были содержать и собственные школы. А если учесть, что крестьяне были освобождены от подоходного налога, евреи, составляя 60 % городского населения, несли самое тяжелое финансовое бремя. Иногда им помогали магистраты, но с годами эти суммы уменьшались, пока не дошли до нуля. Вдобавок по закону 1919 года гражданам Польши нельзя было работать в воскресенье, вследствие чего евреи вынуждены были сидеть сложа руки два дня в неделю (работать в субботу запрещала вера). А если добавить к этому запрет на работу в католические праздники, получалось, что еврейские магазины и мастерские были закрыты 134 дня в году, а христианские – лишь 62 дня. Даже идеолог польского антисемитизма Роман Дмовский писал в 1931 году, что «быстро растущее обнищание всегда, впрочем, бедного еврея из местечек является неопровержимым фактом». И действительно, представления о еврейском достатке были далеки от истины. Из двухсот богатейших людей Польши евреями были лишь трое, а из пятисот крупнейших помещиков – всего тринадцать³¹.

Евреи, конечно, старались помогать друг другу. Во Львове с 1868 года существовало Общество ригорозантов (то есть «аспирантов»), выдававшее беспроцентные ссуды еврейским студентам для оплаты обучения. В 1902 году в его правление вошел Самуэль Лем, который вместе с тремя товарищами взял курс на превращение Общества в политическую организацию. Одним из этих товарищей был Эмиль Зоммерштейн – будущий депутат Сейма и один из лидеров сионистского движения в стране. Спустя сорок лет Зоммерштейн вошел в созданный Сталиным Польский комитет национального освобождения как единственный представитель еврейских организаций страны³².

²⁹ Gajewska A. Stanisław Lem... S. 25.

³⁰ Рудницкий И. Указ. соч. С. 104.

³¹ Там же. С. 100–101, 103–104, 114–115.

³² Rędziński K. Żydowskie studenckie Towarzystwo Rygorozantów we Lwowie (1868–1914) // Prace naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie. 2017. T. XXVI. № 2. S. 269–270 – URL: <http://dlibra.bg.ajd.czyst.pl:8080/>

Каждый жертвователь Общества должен был вносить не менее шести злотых в год. Обременительно это или нет? О материальном положении Лемов до нас дошли противоречивые сведения. С одной стороны, по утверждению Станислава Лема, частная практика отца приносила 900 злотых в месяц, а кроме того, по наследству от родителей он якобы получил два доходных дома, в одном из которых находилась его квартира и квартира шурина, тоже отоларинголога³³. По словам Томаша Лема, его бабка Сабина лично обходила квартиросъемщиков, собирая с них плату. Эти деньги позволяли вести жизнь обеспеченного буржуа, нанять сыну французскую гувернантку, приглашать домработницу, швею, прачку, кухарку и еще оплачивать ребенку школу по цене 110 злотых за полгода (стоимость детского костюма или пяти пар ботинок). Из анкеты, которую заполнил Самуэль Лем в 1945 году, известно, что до войны он владел имуществом примерно на 260 000 злотых, в том числе тридцатью пятью картинами польских художников общей стоимостью 45 000 злотых. В год он получал 24 000 злотых, что соответствовало зарплате председателя Верховного суда или генерал-полковника («генерала брони»). С другой стороны, его сын учился в совсем непрестижной государственной гимназии (хотя и располагавшей единственной на всю страну школьной радиостанцией), а сам Самуэль регулярно получал от властей «пособия на дороговизну» (что-то вроде индексации), которые и составляли его основной заработок. Однажды Самуэль Лем вынужден был даже взять кредит в государственном банке на срочное покрытие расходов³⁴.

Как и его сын, Самуэль Лем в молодости тоже сочинял стихи и прозу и даже печатался во львовской периодике, пока родители не заставили его бросить эти глупости и заняться медициной. «Помню в детстве выдвижной ящик стола с вырезками из газет, где были его произведения, – вспоминал Лем. – Меня это тогда совсем не интересовало»³⁵. А вот двоюродный брат будущего фантаста Ян Мариан Хешелес, творивший под псевдонимом Мариан Хемар, сумел добиться на этом поприще большого успеха. На двадцать лет старше своего кузена, он дебютировал уже в 1922 году. Что интересно, первым, кому он открылся в своих литературных увлечениях, был... Самуэль Лем! Более того, после войны с украинцами в 1918 году Хемар некоторое время ночевал в той самой квартире, куда вскоре перебрался отец Лема с молодой женой³⁶. Спустя три года Хемар переехал в Варшаву, где влился в коллектив литературного кабаре *Qui Pro Quo*, основанного Юлианом Тувимом. Этот театр задавал стандарты, в нем зажглась звезда Эугениуша Бодо (одного из популярнейших киноактеров межвоенной Польши), а исполняемые там номера и песни моментально уходили в народ. Среди прочих шлягеров Хемар сочинил стихи для песенки о Львове «Столько есть городов», которую в том же *Qui Pro Quo* с большим успехом исполняла уроженка Ровно Зофья Терне (Вера Хайнер) – певица и актриса музыкальных фильмов. Хемар, кроме того, участвовал в одной из автогонок, проходивших по львовским

Content/4746/19_REDZINSKI_Zydowskie_studenckie_Towarzystwo.pdf (проверено 14.11.2021).

³³ *Jaźniewicz W. XIV // Jaźniewicz W. Doktor Lem. Aniekdoty. A. Гаевская утверждает, что данных о владении Самуэлем Лемом недвижимостью нет, зато ею торговал средний из братьев Лем Фридерик, работавший адвокатом. Кроме того, по мнению Гаевской, шурин Самуэля Лема – отоларинголог Гецель Вольнер – просто использовал его приемную, но не жил в том же доме. По воспоминаниям Лема, отец поддерживал Гецеля, когда тот был студентом, а затем помог ему устроиться в клинику. См.: *Gajewska A. Stanisław Lem... S. 28, 63–64; Tako rzecze... S. 224.**

³⁴ *Gajewska A. Zagłada... S. 141–142; Gajewska A. Stanisław Lem... S. 98–103, 180–181; Лем С. Высокий Замок // Лем С. Собрание сочинений; в 10 т. Т. 5 / Пер. Е. Вайсброта. М., 1994. С. 229. Лем Т. Op. cit. S. 9. Кажется, А. Гаевская что-то перепутала в своей книге, смешав реалии довоенных и межвоенных лет. По ее словам, до 1923 года Самуэль Лем работал ассистентом в клинике, а затем открыл частную практику, которая позволила ему вести более обеспеченную жизнь. Следовательно, если пособия и составляли основную часть его заработка, то это было до начала двадцатых годов, а не в межвоенное двадцатилетие. Иначе я не могу объяснить противоречие между этими фразами: «Из немногочисленных сохранившихся документов следует, что послевоенные годы были для молодого врача необычайно трудными, и лишь частная практика позволила ему поднять уровень жизни <...> В качестве ассистента он зарабатывал мало, основное содержание в межвоенное двадцатилетие получал за счет пособий на дороговизну» (*Gajewska A. Zagłada... S. 141–142*). Во второй своей книге о С. Леме «*Stanisław Lem. Wypędzony z Wysokiego Zamku*» (Kraków, 2021) А. Гаевская повторила эти фразы (S. 58).*

³⁵ *Świat na krawędzi... S. 12.*

³⁶ *Gajewska A. Wypędzony... S. 188.*

улицам, – Лем вспоминал, как ради этого заливали гипсом трамвайные пути, а края тротуаров обкладывали мешками с песком³⁷. В середине тридцатых Хемар возглавил театр «Новая комедия» в Варшаве, а в 1939 году, незадолго перед войной, спровоцировал германского посла на ноту протеста, высмеяв Гитлера в песне «Этот усик» – своей версии знаменитой французской «Titine» (известной по фильму Чарли Чаплина «Новые времена»). В общем, Хемар гремел на всю Польшу, еще когда его кузен Станислав Лем ходил в школу. Между прочим, в его репертуаре был и номер на стихи Самуэля Лема, но без указания авторства (осталось неизвестным, что об этом думал старший Лем)³⁸. Немаловажно, что, в отличие от своих родственников, Хемар в 1936 году перешел в протестантизм. Отказ от иудаизма считался в еврейской общине равносильным смерти³⁹. Быть может, именно Хемара имел в виду Лем, когда писал Канделю о некоем родственнике, опозорившем семью? «Когда я был студентом медицины и начинающим литератором, то не раз рассказывал Жене (именно так, с большой буквы, написал Лем. – В. В.), что ожидаю из США письма от нотариуса о миллионном наследстве, поскольку одного дальнего родственника еще до последней мировой войны (родственника, принесшего позор семье отца) отправили в Штаты с „шифкартой“, а поскольку он был подлецом, то, должно быть, немало там заработал <...>»⁴⁰. Хемар действительно остался после войны за границей, правда, не в США, а в Великобритании, где вел собственную юмористическую передачу на радио «Свободная Европа», а еще писал тексты для другой эмигрантки, Влады Маевской, бывшей «музы» развлекательной радиопередачи «Веселая львовская волна».

Эту передачу создали участники студенческой самодеятельности, многие из которых были евреями. Она быстро превратилась в самую популярную радиопередачу межвоенной Польши. Лем хорошо помнил ее: «Мне тогда ужасно нравилась „Веселая львовская волна“, Тонько, Щепко и советник Стронч. Боюсь, сегодня я не был бы так восхищен»⁴¹. Тонько и Щепко – это батяры⁴², чьи диалоги в исполнении актеров Генрика Фогельфенгера и Казимира Вайды каждые три недели начиная с июля 1933 года слушали по львовскому радио до шести миллионов поляков, в том числе добрая половина горожан. А советник Стронч – австро-венгерский бумагомарака в исполнении актера и автора текстов Вильгельма Корабёвского. В 1936 году всех троих задействовали в фильме «Будет лучше», а в 1939 году – в фильме «Бродяги», где Щепко и Тонько спели хит «Только во Львове», обретший после этого бессмертие.

Согласно декрету начальника государства Юзефа Пилсудского от 1919 года полномочия иудейских общин (к радости ортодоксов) ограничивались религиозными функциями. Однако евреи, как любые граждане Польши, имели право выбирать и быть избранными в органы местного самоуправления, а также в Сейм. Государство при этом делало все, чтобы сократить их число, регулярно вмешиваясь в ход выборов и назначая наблюдателей-комиссаров. Некоторые иудеи, однако, умудрялись достигать высоких постов. К примеру, в тридцатые годы, когда Лем ходил в гимназию, заместителем львовского градоначальника был еврейский банкир Виктор Хаес, который вел записи событий своей жизни под красноречивым названием «Дневник поляка веры Моисеевой» (впрочем, во Львове почти всегда одним из трех вице-мэров становился еврей⁴³). Его дневник обрывался 22 сентября 1939 года фразой «Да здравствует Польша!»⁴⁴.

³⁷ Świat na krawędzi... S. 17; Лем С. Высокий Замок... С. 234.

³⁸ Gajewska A. Stanisław Lem... S. 32.

³⁹ Ibid. S. 188.

⁴⁰ Lem S. Sława i fortuna. Listy do Michaela Kandla. 1972–1987. Kraków, 2013. S. 399–400.

⁴¹ Świat na krawędzi... S. 32.

⁴² Батяры – представители львовской субкультуры, гуляки и сорвиголовы, говорившие на особом жаргоне.

⁴³ Бумтлин Ю. Мой Львов / Пер. С. Морено // Иностранная литература. 2021. № 6. С. 12.

⁴⁴ Hnatiuk O. Odwaga i strach. Wojnowice, 2016. S. 316.

Внутри общин государство старалось поддерживать влияние традиционалистов. Если на выборах кагалов побеждали сионисты, власти просто не утверждали состава правлений⁴⁵. Это не мешало регулярно проходить в городской совет Львова двоюродному брату Хемара, Генрику Хешелесу – главному редактору сионистской газеты *Chwila* («Хвиля»/«Минута»).

По-настоящему тяжелые времена для евреев настали в 1935 году, после смерти Пилсудского, который не допускал к власти шовинистов и строил республику многих народов. Как из рога изобилия посыпались законы, явно направленные против евреев. Например, в 1936 году под предлогом гуманного обращения с животными был запрещен ритуальный забой скота, что лишило работы десятки тысяч человек. При этом авторы законопроекта и не скрывали, что речь шла о вытеснении евреев с мясного рынка. В 1937 году министр промышленности и торговли обязал размещать на вывесках полную фамилию хозяина заведения, что играло на руку сторонникам экономического бойкота еврейских магазинов и лавок. Совершенно так же, как в Германии, польские антисемиты (обычно это были эндеки, то есть сторонники Национально-демократической партии Романа Дмовского) выставляли пикеты у таких магазинов, агитируя ничего не покупать у евреев. Некоторые городские советы взяли за правило устраивать торговые дни по субботам или переносить ярмарки за город, подальше от еврейских лавок. В 1938 году будущих адвокатов обязали проходить судебную стажировку, а министр юстиции получил право запрещать доступ в адвокатуру до 1945 года всем, кроме лиц из его ежегодного списка. Естественно, в первом таком списке не оказалось ни одной еврейской фамилии. В том же году был принят откровенно манипулятивный закон о лишении гражданства всех, кто «утратил связь с Польским государством». В итоге гражданство потеряли польские евреи, проживавшие в Германии. «<...> Теперь в Польше все – антисемиты, – с раздражением заявил еврейской делегации один из представителей польского МИДа. – Мы не можем отправлять полицию охранять каждого еврея. Мы не можем придирается ко всякому молодому человеку за то, что он антисемит». Левая оппозиция негодовала. «Это же страшно – жить в условиях, когда законодательство гарантирует всем одинаковые права, и чувствовать, что тебя, вопреки этому, лишь терпят из милости, что к тебе относятся как к зачумленному, быть изолированным от общества, как прокаженный, – только потому, что родился евреем», – возмущался социалист Зыгмунт Жулавский⁴⁶.

Особенно горячие споры вызвала идея запретить евреям получать высшее образование в государственных вузах. Этого требовали эндеки, которые заявляли, что бесконечный поток евреев мешает поступить в вузы крестьянским детям⁴⁷. Эндеки то и дело объявляли в вузах «дни без евреев», когда у ворот университетов вставали молодчики с палками и проверяли у всех документы. Кроме того, эндеки настаивали на введении в аудиториях сегрегации, чтобы евреи садились на отдельные «лавки-гетто». Некоторые профессора поддерживали идею с такими лавками, мотивируя это заботой о еврейских студентах: мол, так они будут чувствовать себя в безопасности. На практике это лишь помогло правым нападать на евреев в вузах⁴⁸.

Вопрос с лавками достиг накала именно тогда, когда подросший Лем собрался поступать в Политехнический институт Львова. Как раз в этом институте два декана первыми в стране ввели «лавочное гетто», после чего такая практика стала распространяться по всей Польше, так что к 1937 году они уже существовали в большинстве вузов – с согласия министра вероисповеданий и просвещения⁴⁹. В январе 1938 года в знак протеста против такой практики

⁴⁵ Рудницкий Ш. Указ. соч. С. 101.

⁴⁶ Рудницкий Ш. Указ. соч. С. 111–113.

⁴⁷ В сентябре 1939 года из 4860 учащихся Львовского университета было 665 украинцев и 385 евреев (*Hnatiuk O.* Op. cit. S. 188).

⁴⁸ *Ibid.* S. 161.

⁴⁹ *Tomaszewski J.* Getto ławkowe // Сайт Wirtualny Sztetl – URL: <https://sztetl.org.pl/pl/slownik/getto-lawkowe> (проверено 10.11.2021).

ушел в отставку ректор Львовского университета Станислав Кульчинский, а проректор тут же утвердил «лавочное гетто» в вузе. Именно Львов наряду с Варшавой стал ареной наиболее ожесточенных столкновений студентов-эндеков с противниками «лавковой сегрегации» (не только евреями, но также и поляками – сторонниками социалистов и пилсудчиков). В учебном 1938/39 году трое еврейских студентов погибли во Львове от рук шовинистов⁵⁰. Родители будущего фантаста находились в затруднении, боясь отпускать Лема на учебу в институт, где он вполне мог получить палкой по голове от националистических молодчиков. Но проблема разрешилась самым неожиданным образом. Приближалась осень 1939 года, и Риббентроп полетел в Москву, чтобы подписать с Молотовым советско-германский пакт о ненападении.

---

⁵⁰ Żyndul J. Głównym celem getta ławkowego było wypchnięcie Żydów z Polski // Исторический портал Dzieje.pl – URL: <https://dzieje.pl/aktualnosci/dr-hab-jolanta-zyndul-glownym-celem-getta-lawkowego-bylo-wypchniecie-zydow-z-polski> (проверено 10.11.2021).

Беспечное время

Я живу в Кракове уже пятьдесят лет, но когда мэр города попросил что-нибудь написать на глобусе в ратуше, я вежливо отказался. Здесь для меня лишь убежище. Я – изгнанник, ich bin auch ein Vertreber. Всегда говорю это немцам, когда они рассказывают мне о своих несчастьях, как, например, бургомистр Берлина, пастор Генрих Альберц, однажды за ужином. Я ему ответил: «Не думаю, чтобы государства были чем-то вроде мебели, которую можно передвигать из угла в угол. Но вам хотя бы можно громко жаловаться. В ПНР ни говорить, ни писать об этом нельзя, рот на замке»⁵¹.

Станислав Лем, 1998

Рост сил, в том числе вооруженных, маскирует глубокий, постоянно усугубляющийся хаос в обществе. Эти симптомы видны в современной России. Поразительно, что Путин в своем выступлении упорно замалчивал все опасные для страны проблемы, как будто их нет вообще. По-моему, он недостоин называться государственным мужем. Государственный муж – это человек, который старается заглянуть за горизонт срока своих полномочий. В Польше таким человеком был Юзеф Пилсудский⁵².

Станислав Лем, 2005

Когда в октябре 1934 года «медвежатник» Генрик Квинто – персонаж фильма «Ван-банк» – вышел из тюрьмы после шестилетнего заключения, в стране шли облавы на украинских террористов. Причиной тому было убийство министра внутренних дел Бронислава Перацкого, совершенное 15 июня членами Организации украинских националистов (ОУН) в центре Варшавы. Перацкий стал очередной жертвой в польско-украинском противостоянии за земли, которые обе стороны считали своими.

Для поляков Львов, Тернополь и Станиславов – такие же польские города, как Варшава, Краков и (sic!) Вильно. Больше половины жителей Львова были поляками, в городе стояли памятники польским королям, героям и деятелям культуры, здесь же размещался галицийский Сейм, в котором тон задавали польские помещики (спасибо австро-венгерской избирательной системе), а кафедру львовского архиепископа латинского обряда за последние пятьсот лет никто, кроме поляков, и не занимал. Здесь же, в парке имени Яна Килиньского (повсеместно известном как Стрыйский парк), в 1894 году была возведена Рацлавицкая панорама в память о единственной победе Костюшко над русскими войсками. Здесь же в начале XIX века граф Юзеф Оссолинский основал национальную библиотеку, администратор которой Владислав Бэлза написал знаменитое патриотическое стихотворение: «Кто ты? – Маленький поляк». Здесь жили драматурги Александр Фредро и Габриэла Запольская, поэты Леопольд Стафф и Мария Конопницкая, писатели Корнель Макушинский и Казимир Сейда. А еще здесь обитал «польский Лавкрафт» Стефан Грабиньский, чье творчество так поразило Лема, что полвека спустя он включил его сборник «Демон движения и другие рассказы» в свою серию рекомендованных книг. Здесь же политик и любитель науки Влодзимеж Дзедушицкий основал в середине XIX века Музей природы, который спустя тридцать лет преобразовали в Зоологический музей (один из первых в Европе), когда вернувшийся из сибирской ссылки польский ученый Бенедикт Дыбовский передал ему свою коллекцию байкальской фауны. Здесь же

---

⁵¹ Świat na krawędzi... S. 69.

⁵² Лем С. Россия Путина // Лем С. Раса хищников. М., 2008 / Пер. Х. Сурты. С. 125.

Казимир Твардовский основал логико-философскую школу, из которой вышли ученые с мировыми именами: Тадеуш Котарбиньский, Владислав Татаркевич, Станислав Оссовский, Казимир Айдукевич, Альфред Тарский, Роман Ингарден. Здесь же, в Шотландской кофейне, встречались Стефан Банах, Гуго Штейнгауз, Станислав Улам, Вацлав Серпинский и многие другие, благодаря которым Львов стал одной из европейских столиц математики (наряду с Парижем и Геттингеном). Эти люди вели тетрадь своих обсуждений, которая, по счастью, сохранилась и считается ценнейшим источником по истории функционального анализа. Львовские вузы оканчивали премьер-министры Польши Леон Козловский и Владислав Сикорский, министр иностранных дел Юзеф Бек, главнокомандующие Эдвард Рыдз-Смиглы и Казимир Соснковский, командир Армии Крайовой Тадеуш «Бур»-Коморовский. Именно здесь, на Кадетской улице (ныне Героев Майдана), накануне Первой мировой располагался штаб Пилсудского. Здесь же еще до Первой мировой возник первый польский футбольный клуб и был образован Союз польского футбола. Отсюда же в 1925 году перевезли в Варшаву прах неизвестного солдата, чтобы создать мемориал защитникам родины. Наконец, именно из Львова началось движение за освобождение Речи Посполитой от шведов и московитов в середине XVII века, когда король Ян II Казимир в соборе Успения Девы Марии принес обет Богородице, обещая улучшить положение своих подданных, если та поддержит его в борьбе с врагами.

Ян II Казимир отметил в львовской истории еще и тем, что даровал местной коллегии иезуитов звание академии и университета (правда, Сейм не утвердил его решение). Поэтому первое, что сделали новые университетские власти после провозглашения Польшей независимости, – это придали вузу имя Яна Казимира. А второе – уволили с работы тех, кто отказался присягать возрожденному Польскому государству. Главным образом это коснулось украинских ученых – например, Мариана Панчишина, с которым Самуэль Лем писал статью о лечении склеромы. Чуть позже были упразднены украинские кафедры и предписано читать лекции только по-польски⁵³. В итоге в университете остался лишь один украинец, и даже кафедру «русинского» (то есть украинского) языка возглавил поляк⁵⁴.

Если для поляков Львов – неотъемлемая часть «кресов» (то есть тогдашних восточных областей страны), то для украинцев – живая память их древней славы, город «короля Руси» Даниила Галицкого, носящий имя его сына. Во Львове находится собор Святого Юра – главный храм украинских греко-католиков. Здесь усилиями кружка «Русская троича» начал складываться украинский литературный язык. Здесь во время «Весны народов» возникла Головна руська рада – первое политическое объединение украинцев в XIX веке. Здесь же протекала деятельность писателя и политика Ивана Франко. Именно Львов стал центром украинской культуры, когда в России запрещалась литература на украинском языке («Валуевский циркуляр» 1863 года) и предписывалось не использовать этот язык в правительственных, образовательных и культурных учреждениях («Эмский указ» 1873 года). В австрийском Львове возникло Научное общество имени Тараса Шевченко, появились украинские журналы, а в университете открылась кафедра всеобщей истории, которую возглавил будущий академик Михаил Грушевский. Чуть позже в галицийском Сейме зародилась украинская фракция, потребовавшая наделить избирательными правами хотя бы крестьян-середняков. Поляки были категорически против, понимая, что тогда они превратятся в меньшинство: ведь Львов, Станиславов, Тернополь и Пшемьсль (Перемышль) – лишь польско-еврейские островки в украинском море⁵⁵. В пред-

⁵³ Буковська-Марчак Э. Університет імені Яна Казиміра // Сайт «Виртуальний Львів» – URL: <https://lia.lvivcenter.org/uk/organizations/jan-kazimierz-university/> (проверено 10.11.2021).

⁵⁴ Madajczyk Cz., Torzecki R. Świat kultury i nauki Lwowa (1936–1941) // URL: <https://www.lwow.home.pl/swiat.html> (проверено 14.11.2021). Прилагательное «ruski» в польском языке относится к украинцам; «русский» же по-польски – rosyjski.

⁵⁵ Согласно переписи 1910 года, в регионе проживали 3 291 000 униатов (61,7 %), 1 350 000 католиков (25,3 %) и 659 000 иудеев (12,4 %). Вероисповедание довольно точно отражало национальный состав: подавляющее большинство поляков исповедовали католицизм, а почти все украинцы – униатство (про иудеев нечего и говорить). В самом Львове украинцы тоже

дверии каждых выборов во Львове поднималась волна украинских протестов, иногда заканчивавшихся схватками с поляками и полицией. В 1908 году украинский студент застрелил наместника Галиции Анджея Потоцкого, мстя за смерть кандидата в депутаты, заколотого жандармами на демонстрации протеста. В свою очередь польские присяжные в 1914 году оправдали четверых украинских москвофилов, судимых австрийскими властями во Львове по обвинению в подрывной деятельности – те выступали против галицийских самостийников, а это было на руку полякам.

Претензии украинцев на город поддерживал, между прочим, сотрудник британского МИДа Льюис Нэмир, или Людвик Бернштейн-Немировский, – польский еврей, родившийся под Люблином, но имевший за плечами годы учебы во Львовском университете. Именно с его подачи, как считается, линия Керзона прошла к западу от Львова. В целом это соответствовало взглядам министра иностранных дел Великобритании Джорджа Керзона и главы правительства Дэвида Ллойд-Джорджа, которые с самого начала предлагали в качестве новой польско-русской границы ту, которая пролегла в 1795 году, то есть после третьего раздела Речи Посполитой. Проблема заключалась в том, что Львов после третьего раздела отошел не к России, а к Австрии, которая теперь проиграла мировую войну и распалась. Ллойд-Джордж и Керзон предлагали образовать в Восточной Галиции независимое украинское государство или дать ей автономию в составе Польши, но с условием провести через 25 лет плебисцит среди местного населения. Однако они не ориентировались, где именно в том регионе живут поляки, а где – украинцы. Тут-то и проявил себя Нэмир, решительно прочертивший границу⁵⁶.

Юный Лем не только пересекался с украинцами, но и знал украинский язык. Его преподавал профессор Турчин – украинец, который вел также и немецкий. Ученики шутили, что украинская литература делится на четыре периода: «Перший був, але загинув, другого не було, третій – Шевченко та Іван Франко, а четвертий буде». А еще в классе Лема преподавал математику Мирон Зарицкий – товарищ Панчишина по несчастью, отец участницы ОУН Екатерины Зарицкой, попавшей в тюрьму за покушение на Бронислава Перацкого. Среди одноклассников Лема были украинцы, но никто, по его словам, не обращал на это внимания – все общались по-польски, а различие обнаруживалось лишь во время уроков религии, когда украинцы уходили к греко-католическому священнику. Еще Лему запомнилось, что в форточке родительской спальни зияла дырка – след от пули, влетевшей «во время боев 1918 года». В «Высоком Замке» он не уточнил, что это были за бои, но в беседе с Томашем Фиалковским в 1998 году сказал уже без обиняков: «Да, это после польско-украинской войны, когда украинцы хотели завладеть Львовом. Я об этом узнал куда позже, это было для меня чем-то вроде исторической легенды»⁵⁷.

жили, но их число сокращалось: если в 1910 году греко-католиками назвали себя 39 314 горожан (19,1 %), то в 1921 году – лишь 19 866 (9,1 %). К 1926 году это количество возросло до 23 450 человек (10,3 %), и на этом рост остановился. Иногда случалось так, что близкие родственники декларировали разную национальность. К примеру, брат греко-католических иерархов Андрея и Клементия Шептицких, Станислав, выбрал службу Польше и стал министром обороны страны, а двоюродный брат подполковника Михала Карашевича-Токажевского, Ян, работал послом Украинской народной республики.

⁵⁶ Eberhard P. Linia Curzona jako wschodnia granica Polski – geneza i uwarunkowania polityczne // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. XLVI. S. 141 – URL: http://www.sdr-ihpan.edu.pl/images/2011-tom-46/06_Eberhardt.pdf (проверено 14.11.2021). Не следует переоценивать влияние Нэмира. Тот лишь следовал в русле внешнеполитической концепции Ллойд-Джорджа, заключавшейся в сохранении равновесия между Россией и Германией. Польша при таком подходе вообще была не нужна. Поэтому британский премьер стремился сделать Польшу как можно меньше, то есть удержать ее в этнических границах. Нэмир же выполнял функции картографа и к тому моменту, когда Керзон послал свою ноту Чичерину с предложением пресловутой линии (июль 1920), уже три месяца не работал в МИДе. Значение Нэмира в британском внешнеполитическом ведомстве было настолько мало, что он даже не попал в опубликованный «Таймс» 30 марта 1920 года почетный список британцев, работавших над проектом Версальского мирного договора. См.: Rusin B. Lewis Namier a kwestia «linii Curzona» i kształtowania się polskiej granicy wschodniej po I wojnie światowej // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. XLVIII. S. 110–114 – URL: http://rcin.org.pl/ihpan/Content/41859/WA303_59317_A453-SzDR-R-48_Rusin.pdf (проверено 14.11.2021).

⁵⁷ Świat na krawędzi... S. 14.

В конце XIX века в Галиции возникли несколько украинских партий, а также гимнастическое общество «Сокол» и скаутская организация «Пласт». Из этих-то структур вырос Легион сечевых стрельцов, который в составе австро-венгерской армии отправился воевать с Россией за свободу Украины. В ноябре 1918 года, после капитуляции Австро-Венгрии, он попытался установить контроль над Львовом, действуя от имени только что провозглашенной Западно-Украинской народной республики. Попытка не удалась: львовские поляки взяли за оружие. Среди добровольцев оказалось немало школьников и студентов, что породило легенду «львовских орлят» – юных бойцов, почитаемых в Польше так же, как некогда в СССР почитали пионеров-героев. «Орлята» вкуче со своими старшими товарищами сумели продержаться до прибытия отряда подполковника Карашевича-Токажевского, который и выбил украинцев из города. Вторично «орлята» проявили себя в августе 1920 года, когда сражались с наступающими большевиками и были подчистую истреблены Первой конной армией Буденного под Задворьем. Пропаганда окрестила это сражение «польскими Фермопилами».

Благодарный львовянам за стойкость, Пилсудский в ноябре 1920 года наградил город орденом *Virtuti militari* (лат. «За военную доблесть»). Местные поляки не оценили чести – город как был, так и остался твердыней враждебных лидеру страны эндеков. Если до Первой мировой Пилсудский не смог набрать во Львове добровольцев в свой легион (эндеки всегда были настроены антинемецки, а значит, и антиавстрийски), то после войны здесь то и дело происходили погромы, власти же лишь разводили руками – не в силах унять соотечественников, податливых на эндецкую пропаганду.

«Чего вы, собственно, хотите? Чтобы мы арестовали своих детей?» – спросил однажды львовский воевода Альфред Билык делегацию родителей еврейских студентов, которая явилась жаловаться на бесчинства националистов в университете⁵⁸.

Во Львове эндеки чувствовали себя хозяевами. Студенты-националисты Политехнического института запросто могли гонять по коридорам вуза свинью с намалеванной на боку фамилией неблагосклонного к ним ректора Бартеля (на минуточку – пятикратного премьер-министра)⁵⁹. А когда летом 1929 года во время очередных беспорядков городской староста Александр Клётц с военной прямоотой (он был из легионеров Пилсудского) назвал участников антиеврейских акций «шайкой негодяев, бандитов и воров», студенты устроили забастовку и организовали похоронную процессию, где роль катафалка играла тачка, а роль покойника – полено («клётц» по-польски – «полено»). Власти вынуждены были очень скоро отозвать вспылчивого офицера, а всех задержанных (среди которых, кстати, затесался и будущий писатель Теодор Парницкий) освободить. Когда же в декабре 1932 года молодчики, взбудораженные смертью одного из студентов в пьяной драке, разгромили половину еврейских магазинов и сожгли стадион футбольного клуба «Хасмонея Львов» (да, у иудеев были свои футбольные клубы), полиция наконец решила отправить в тюрьму самых отпетых, но вот руководителей местной молодежной организации эндеков, которая и стояла за этими событиями, выпустила уже через месяц. После освобождения тех приняли католический епископ Франтишек Лисовский и архиепископ армянского обряда Юзеф Теодорович, выразившие радость, что «у предводителей молодежи не сломлен дух». И это происходило в разгар гонений на эндеков в остальной стране, когда власти с помощью полицейского и судебного произвола, почти не считаясь с законом, громили внепарламентскую коалицию Дмовского «Лагерь великой Польши»! Видимо, не случайно термины «геноцид» и «преступления против человечества» пришли в голову именно еврейским выпускникам Львовского университета Рафаэлю Лемкину и Гершу Лаутерпахту – американским юрисконсультам на Нюрнбергском трибунале и членам Комис-

⁵⁸ Hnatiuk O. Op. cit. S. 64. Билык занимал свой пост в 1937–1939 годах.

⁵⁹ Kalbarczyk S. Kazimierz Bartel – ostatnia ofiara zbrodni na profesorach lwowskich w lipcu 1941 roku // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej. 07.2011. S. 89 – URL: <http://www.polska1918-89.pl/pdf/kazimierz-bartel-ostatnia-ofiara-zbrodni-na-profesorach-lwowskich-w-2201.pdf> (проверено 14.11.2021).

сии международного права ООН: уж они-то не понаслышке знали, что такое преследования на национальной почве.

Под прицелом эндеков однажды оказался и Самуэль Лем. В 1924 году одна из правых львовских газет опубликовала фамилии тридцати шести врачей, отвечавших за распределение пособий на лечение (в их числе был и Лем). Половина фамилий были польскими, другая половина – по большей части еврейскими, имелось несколько украинских. Такое соотношение не помешало авторам статьи заявить, что раздачу денег монополизировала «этническая группа, представителями которой являются вышеперечисленные» (подразумевалось – «евреи», хоть их и было меньше, чем поляков)⁶⁰.

Вообще-то между эндеками и пилсудчиками было много общего. Пилсудчики обожали военные парады, на которых блистали орденами и сверкали саблями. Эндеки тоже устраивали марши своих сторонников: одетые в рубахи песочного цвета и коричневые штаны, со вскинутыми в фашистском приветствии руками, те стройными колоннами маршировали по улицам городов, неся знамена с изображением церемониального меча Пястов («щербца») в красно-белой ленте и распевая «Гимн молодых» авторства знаменитого поэта Яна Каспровича, ректора Львовского университета в 1921–1922 годах.

Эндеки выступали за приоритет интересов нации над интересами личности и за строгую общественную иерархию, пилсудчики же вообще презирали демократию и склонялись к корпоративному государству. Дмовский с симпатией взирал на итальянский фашизм, а идеологи пилсудчины черпали вдохновение у поборника власти элит Вильфредо Парето, которого уважал сам Муссолини. Памятуя, насколько инертен был народ во время Первой мировой и как трудно было legionерам найти добровольцев в свои ряды, пилсудчики заявляли, что бойцы легионов и есть лучшие сыны отчизны, достойные управлять государством без оглядки на широкие массы.

За Дмовским стояла большая партия, пилсудчики опирались на армию и формально отвергали партийность, но создали Беспартийный блок сотрудничества с правительством, который, в сущности, был такой же массовой организацией, стремившейся пронизать все общество сверху донизу. Оппозиционные партии при этом подвергались систематическому давлению, их деятелей и сторонников очерняли провластные СМИ и избивали «неизвестные» (как самого популярного писателя Польши того периода Тадеуша Доленгу-Мостовича, писавшего язвительные фельетоны о пилсудчиках), противники диктатуры тайно исчезали (как командующий Северным фронтом в войне с большевиками, генерал Влодзимеж Загурский) или эмигрировали (как лидер крестьянской партии и бывший премьер Винценты Витос). В 1930 году за два месяца до парламентских выборов полиция арестовала несколько десятков бывших депутатов и сенаторов, около 5000 политиков местного масштаба, провела обыски у многих деятелей оппозиции; кроме того, были понижены в должности госслужащие, подозревавшиеся в нелояльности. Одновременно в ответ на террор ОУН в Галиции против чиновников и польских переселенцев полиция и армия провели «пацификацию» (усмирение) 450 украинских сел, арестовав 1739 человек и изъяв 2500 единиц огнестрельного оружия. 1143 человека из числа схваченных украинцев попали в тюрьму за антигосударственную деятельность. В 1931 году в Бресте прошел суд над одиннадцатью лидерами оппозиции по обвинению в провоцировании беспорядков и попытке переворота. Оправдали лишь одного, прочие получили сроки от года до трех лет. А спустя еще три года под впечатлением от убийства Перацкого власти создали возле Бреста, в Березе-Картузской, лагерь интернирования, куда сотнями начали отправлять противников режима – от эндеков до коммунистов и украинских националистов (любопытно, что второй комендант лагеря во время оккупации сам погиб в Аушвице)⁶¹.

⁶⁰ Gajewska A. Stanisław Lem... S. 59–60.

⁶¹ Матвеев Г. Ф. Вторая Речь Посполитая // Польша в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. А. Ф. Носкова.

Пилсудский пришел к власти в ходе военного переворота в 1926 году, провозгласив «санацию» (оздоровление) государства, эндеки же звали к националистической революции. В 1922 году они чуть было не совершили ее, когда один из приверженцев Дмовского застрелил президента Габриэля Нарutowича. Для пилсудчиков вопрос национальной принадлежности и вероисповедания был вообще не принципиален. Целый ряд высокопоставленных офицеров и чиновников перешли в протестантизм, когда разводились с женами. Клир негодовал по этому поводу и с тем большей теплотой смотрел на эндеков, которые не только целиком поддерживали клише «поляк-католик», но и разделяли подозрительное отношение большей части духовенства к польским иудеям, видя в них источник всяческой идеологической заразы – от масонства до коммунизма.

Эндеки не уставали пенять Пилсудскому на снисходительное отношение к инородцам, религиозное лицемерие (то ли католик, то ли нет) и социалистическое прошлое. Больше всего их выводила из себя «еврейская заноза», впившаяся в тело католического народа. По мнению эндеков, вообще недопустимо было наделять иноверцев гражданскими правами. Эндеков возмущало, что кресло вице-председателя Сейма занимает главный редактор украинской газеты, Союз авторов и сценических композиторов Польши (ZAiKS) возглавляет бывший заместитель министра в петлюровском правительстве, а Профсоюзом польских литераторов руководит еврей⁶². Пилсудский вообще, на взгляд эндеков, ограничился полумерами: не допустил еврейской автономии (чего требовали сионисты), но одобрил равноправие вероисповеданий; отстоял кресы, но не преследовал бывших членов сепаратистских республик; создал государство, но не создал устойчивой политической системы, которая работала бы без него.

В чем эндеки не могли равняться с пилсудчиками, так это в культе личности своего лидера. Дмовского тоже славили как вождя и отца польской независимости (он возглавлял польскую делегацию на Версальской мирной конференции 1919 года), но куда ему было тягаться с Пилсудским, на которого работали армия и госаппарат! Восстановитель страны взирал с портретов, денежных банкнот и марок, художники писали бесчисленные картины о его жизни, ему посвящали сборники стихотворений, издавали его сочинения, его именем называли спортивные состязания, самолеты, корабли и учреждения, ему давали членство в разнообразных организациях, сорок семь городов и одна местность (Виленица) провозгласили его своим почетным жителем. Младшие школьники учили стихи про «дедушку», который любит детей и одолеет всех врагов Родины. Считалось, что Пилсудский должен принимать решения по самым мелким вопросам жизни страны. На его именины летели поздравления со всей Польши, в этот день раздавали офицерские звания и увольняли в запас. Пропандой культа Пилсудского активно занимались молодежные организации, созданные в противовес эндекам, – Легион молодых и Передовая стража. Когда Пилсудский скончался, Гитлер устроил в честь него поминальную мессу в Берлине (что убедило эндеков в неизменном германофильстве покойного). Гроб с телом Пилсудского поставили в Вавельском замке Кракова, среди гробов королей и великих поэтов. В 1937 году возле Кракова вознесся курган Пилсудского, для чего свозили землю с мест всех сражений Первой мировой, в которых участвовали поляки. А в 1938 году Сейм принял постановление о защите доброго имени Пилсудского, запретив отзываться о нем плохо.

М., 2012. С. 199–200, 203, 205–206.

⁶² Василь Мудрый, Валерий Ястшембец-Рудницкий и Остап Ортвин соответственно. Нам сейчас трудно представить, насколько пестрой в этническом плане была Польша до Второй мировой. Писатель Юзеф Виттлин вспоминал: «Годовщины Январского восстания отмечали во Львове не только застольями. В этот день возвышеннейшие сантименты доставались немалой, хотя и тающей год от года компании ветеранов 1863 г. <...> В патриотических шествиях их возглавлял скромный, однако бодрый гражданский, пан Изидор Карлсбад. Ибо так уж вышло, что из осевших во Львове повстанцев самым высоким чином капитана обладал еврей» (Виттлин Ю. Указ. соч. С. 34).

Пилсудский умер 12 мая 1935 года, успев за месяц до этого увидеть принятие новой, авторитарной Конституции, в которой президент наделялся диктаторскими полномочиями (сам маршал, правда, президентом никогда не был, ограничиваясь созданным для него постом генерального инспектора вооруженных сил). Общенациональный траур по Пилсудскому крепко засел в памяти Лема. «Это было после смерти Пилсудского, вечером. Не знаю, почему именно в эту пору. Мы долго маршировали, все время в положении „смирно“, так что руки занемели от тяжелого „лебеля“ (марка винтовки. – В. В.), прижатого к самому поясу; мы шли центральными улицами, через Мариацкую площадь, где – кажется, неподалеку от памятника Мицкевичу, тогда в темноте невидимого, – одиноко стоял небольшой постамент с каменным бюстом, перевязанным черной лентой, освещенный откуда-то сверху прожектором, а мы под траурный, заполняющий, казалось, весь город, угрюмый грохот барабанов шли, изо всех сил колотя ногами по брусчатке»⁶³.

Один из рецензентов упрекал Лема, что в его автобиографической повести «Высокий Замок» не говорится о тяжелой жизни низших слоев населения в довоенной Польше. «Должен сказать, – комментировал Лем, – что это ярчайший идиотизм. Как ребенок из буржуазной семьи <...> я не мог знать, что существует такая вещь, как классовая борьба». Это верно, но социальное расслоение он мог наблюдать и в собственной гимназии, несколько десятков учеников которой (из четырех с половиной сотен) страдали рахитом и анемией, а школьное руководство устраивало платные танцевальные вечера, чтобы собрать деньги в помощь нуждающимся⁶⁴. «Разумеется, мы знали, что существуют безработные, бедняки и нищие, – писал Лем, – однако только через много лет, уже в Кракове, я получил письмо от одной уже преклонного возраста женщины, в котором она писала, что, когда была девочкой, жила в нашем доме на Браеровской и с большой завистью наблюдала за мной через окно, когда в мундире с блестящими пуговицами и шапке с окольшком я ежедневно шел в гимназию, ей же пришлось ограничиться начальной школой»⁶⁵.

Лем, однако, не был слеп. В доказательство он напомнил, что описал в «Высоком Замке» не только детские развлечения, но и, скажем, похороны жертвы полицейской расправы⁶⁶. «С балкона нашей квартиры, прячась за его каменным парапетом, я видел атаку конной полиции на демонстрантов, это было в день похорон Козака; со скрипом падали железные жалюзи – торговцы спасали свои витрины, – а я смотрел, как слетает с коня полицейский в блестящей каске. Но это было, словно неожиданно налетевшая буря, – она прошла, и, когда дворники убрали с брусчатки разбитые стекла, опять вернулся покой...»⁶⁷ Таким маленький Лем запомнил «кровавый четверг» 16 апреля 1936 года. В тот день несколько тысяч человек приняли участие в траурном походе на Яновское кладбище, где хоронили убитого за два дня перед тем в столкновении с полицией безработного Владислава Козака. Поход вылился в бои с конной полицией, в ходе которых погибли то ли девятнадцать (по официальным данным), то ли тридцать один человек (по данным коммунистов).

«Неожиданная налетевшая буря» вкупе с произошедшими месяцем раньше волнениями в Кракове обнаружила всю глубину экономического кризиса, в который погрузилась страна. Взвинчивали цены монополии и картели, из-за высоких акцизов алкоголь, сахар и электричество превратились в товары средней доступности. Как следствие, поляки были одним из беднейших народов Европы, а продукция польской промышленности была неконкурентоспособна за рубежом. Об отсталости польской промышленности свидетельствовал и Лем, когда писал

⁶³ Лем С. Высокий Замок... С. 287–288.

⁶⁴ Gajewska A. Stanisław Lem... S. 102–103.

⁶⁵ Лем С. Жизнь в вакууме / Пер. В. Язневича // С. Лем. Черное и белое / Сост. В. Язневич. М., 2015. С. 367.

⁶⁶ Tako rzecze... S. 224.

⁶⁷ Лем С. Высокий Замок... С. 284.

в «Высоком Замке», что за три года военных сборов ему так и не объяснили, как бороться с танками: «<...> Все это выглядело – теперь я это вижу – так, словно нас готовили на случай войны вроде франко-прусской 1870 года»⁶⁸.

Тем временем элиту сотрясали коррупционные скандалы, а задававшие в ней тон легионеры все больше растворялись в массе новых лиц, примкнувших к власти из конъюнктурных соображений. В правящем лагере, потерявшем непререкаемого лидера, началась борьба за власть. Президент Мосцицкий, который при Пилсудском играл глубоко второстепенную роль, вдруг обнаружил большие амбиции и не захотел уходить со своего поста, как обещал перед принятием новой Конституции. В стремлении сохранить должность он ухватился за нового генерального инспектора вооруженных сил Эдварда Рыдза-Смиглого – скромного офицера, ранее не участвовавшего в политике. Результат превзошел все ожидания: Рыдз-Смиглы, которому президент передал часть своих полномочий и которого произвел в маршалы, вдруг превратился в настолько весомую фигуру, что потеснил самого президента. И не удивительно – ведь он занимал пост Пилсудского⁶⁹.

«Почему вы никогда не говорите о наших успехах? Вот, например, в Гдыне строится порт», – упрекали пилсудчики поэта Антония Слонимского, сотоварища Хемара и Тувима по творческой группе «Скамандр» и популярного журналиста. «Хорошо, – отвечал Слонимский. – Теперь каждую критическую статью я буду начинать с аббревиатуры НТЧГСП – „Несмотря на то что в Гдыне строится порт“». Гдыньский порт был стратегическим проектом межвоенной Польши, не имевшей других выходов к морю. За его строительством надзирал вице-премьер Эугениуш Квятковский, когда-то учившийся во Львовском политехническом институте, а теперь заведовавший экономическим блоком в правительстве. Но даже он отмечал в выступлении перед Сеймом, что польская деревня практически вернулась к натуральному хозяйству, крестьяне опять переходят на лучины, а спички ради экономии делят на несколько частей; самое же вопиющее, что селяне даже на большие расстояния все чаще предпочитают идти пешком либо ехать на телегах, словно вернулся XIX век.

Лем воочию узрел эту нищету летом 1938 года, когда был на военных сборах в Делятине (том самом, который в 1943 году будут штурмовать партизаны Ковпака). По его словам, за пять грошей или кусок хлеба гуцулы готовы были набрать целый котелок малины или земляники – и еще радовались этому. Начальник военного лагеря предупреждал гимназистов, чтобы они не вздумали ухаживать за местными женщинами – велик был шанс подхватить сифилис⁷⁰. В августе 1937 года крестьяне по призыву оппозиции устроили всеобщую забастовку, вылившуюся в схватки с полицией: погибли около 40 человек, а почти 5000 попали под арест⁷¹.

Сейм, и без того немощный, после смерти Пилсудского оказался целиком в руках проправительственных сил. Усложнилась процедура голосования, а избиркомы официально перешли под контроль органов власти. В знак протеста вся оппозиция – от эндеков до социалистов – бойкотировала парламентские выборы 1935 года и призвала население к тому же. Большинство поляков прислушались к этим словам и не пошли на избирательные участки, что вызвало большое разочарование у правящей элиты. Вдобавок росла стачечная волна: в 1934 году бастовали 369 000 человек, в 1935 году – 450 000, в 1936 году – 662 000⁷². Настроения радикализировались. Во второй половине 1930-х зримо набирали силу новые эндецкие организации уже откровенно нацистского толка. В них стекалась молодежь, недовольная легализмом стариков. Лидер одной из таких структур Болеслав Пясецкий, как и многие его едино-

⁶⁸ Там же. С. 288.

⁶⁹ Матвеев Г. Ф. Указ. соч. С. 224–225.

⁷⁰ Лем С. Высокий Замок... С. 290.

⁷¹ Матвеев Г. Ф. Указ. соч. С. 229.

⁷² Там же. С. 228.

мышленники, открыто восхищался Гитлером. Его партия «Национально-радикальный лагерь – Фаланга» (НРЛ – Фаланга) призывала отобрать у евреев собственность, как это сделали большевики в отношении капиталистов, и построить тоталитарное государство.

Тем временем немалая часть пилсудчиков, с возрастом утратив свой интернационализм, начала дрейфовать в сторону эндеции. Созданный на замену Беспартийному блоку сотрудничества с правительством Лагерь национального единства не только по названию, но и в программе следовал идеям Дмовского. Лидером молодежной пристройки этого Лагеря вообще стал выходец из партии Пясецкого. Польша становилась неотличима от фашистской Италии. Страна торопливо милитаризировалась, гражданские права были конституционно ограничены «общественным благом» и объемом выполняемых обязанностей⁷³, а пропаганда твердила, что народ должен неустанно трудиться во имя величия Польши. Все дела вершились триумvirатом в составе президента Игнация Мосцицкого, министра обороны Эдварда Рыдза-Смиглого и министра иностранных дел Юзефа Бека. Бывший премьер и отставной глава Союза польских легионеров Валерий Славек, проиграв борьбу за власть, в апреле 1939 года пустил себе пулю в рот.

Правая диктатура – европейский тренд тех времен. Почин дала Венгрия в 1920 году, подхватила Италия в 1922-м, продолжили Испания и Болгария в 1923 году, на следующий год к ним присоединилась Албания, в 1926 году – Португалия, Польша и Литва. К концу тридцатых большая часть Европы покрылась националистическими диктатурами большей или меньшей радикальности. В 1933 году это произошло в Германии и Австрии, в 1934 году – в Эстонии, Латвии и Болгарии (вторично), а в Париже и Вене тогда же были подавлены мятежи ультраправых. Весной 1936 года националисты едва не пришли к власти во Франции, 17 июля того же года в Испании поднял восстание генерал Франсиско Франко, а спустя две недели, 4 августа, фашистская диктатура утвердилась в Греции. В конце того же года Германия и Япония заключили Антикоминтерновский пакт, обозначив главного врага – коммунизм.

Как известно, Гитлер считал марксизм еврейскими происками и начал свое правление с массовых арестов коммунистов, а также с суда над обвиняемыми в поджоге Рейхстага. В 1935 году Коминтерн, удрученный приходом к власти в Германии нацистов, взял курс на объединение левых антифашистских сил в Народные фронты. Тактика тут же оправдала себя во Франции и Испании, где левые коалиции победили на выборах, одолев националистов (что и вызвало мятеж Франко). Известные деятели культуры зачастили с визитами в Советский Союз, видя в нем спасение от набирающего силу шовинизма.

В Польше Компартия была запрещена, поскольку в ней (с полным основанием) видели руку Москвы: целиком зависимая от Коминтерна КПП выступала за создание Польской советской республики, причем без кресов, которые предполагалось передать Белорусской и Украинской советским социалистическим республикам. Такая «предательская» программа не мешала коммунистам умножать свои ряды, особенно на волне жестокого экономического кризиса 1929–1933 годов. С ними связались даже кинорежиссер-новатор Александр Форд и оппозиционный Пилсудскому генерал Михал Жимерский, разжалованный в 1927 году за коррупцию (возможно, как раз из-за своей оппозиционности).

Быть коммунистом в довоенной Польше означало бросать вызов общественному мнению. Мало того что коммунисты ориентировались на извечного врага Польши – Россию (пусть и советскую – какая разница?), так еще и презирали установившиеся нормы поведения. Например, среди коммунистов не считались зазорными смешанные браки, что было просто невыносимо для лояльных граждан Второй республики – неважно, поляков или евреев. Естественно, что коммунисты, окруженные непониманием в своей стране, были заинтересованы в под-

⁷³ Конституция 1935 года на сайте Сейма Республики Польша: ст. 5, п. 3; ст. 7, п. 1 – URL: <http://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19350300227/O/D19350227.pdf> (проверено 13.11.2021).

держке из-за рубежа. Подобно тому как много позже советские диссиденты апеллировали к «мировому общественному мнению», польские коммунисты обращались к «прогрессивным силам» и к СССР. Коммунисты регулярно ездили в Страну Советов, учились, получали деньги и инструкции. Правда, некоторые там и исчезали. Так случилось, например, с одним из творцов литературного футуризма Бруно Ясенским, который перебрался в Москву в 1929 году и дорос до члена правления Союза писателей СССР. В 1937 году на заседании парторганизации его заклеили как польского шпиона, а затем арестовали. В январе 1938 года орган Коминтерна «Коммунистический интернационал» вдруг объявил, что вся Компартия Польши с самого начала была пронизана агентами санации и будет распущена. Руководство партии, спасавшееся в Москве от польских властей, после этого как в воду кануло. Правительственная пропаганда в Польше торжествовала: Москва выполнила работу польской полиции. Коммунисты, и без того придавленные репрессиями, находились в растерянности. Как теперь быть? Неужели они все время шли на поводу у провокаторов? Не ошибается ли руководство Коминтерна? Не поддалось ли само вражеской провокации?

Роспуск партии, впрочем, не подорвал веру польских коммунистов в свою идею и в СССР. Лишь немногие разочаровались в советском опыте, подавляющее же большинство продолжало видеть в нем надежду человечества. Оно и понятно: каким бы несправедливым ни было первое пролетарское государство мира, другого все равно не существовало, а значит, Советский Союз играл прогрессивную роль и торил дорогу в будущее. Усомниться в этом было равносильно сомнению в марксизме. Точно так же средневековый христианин не мог отречься от веры лишь потому, что его жену или дочь сожгли за ведовство, а Рим превратился в «вавилонскую блудницу». Люди могут ошибаться, даже самые великие из них, но вера остается незыблемой, ибо придает смысл жизни⁷⁴.

В мае 1936 года, когда Генрик Квинто второй раз посмеялся над Густавом Крамером («Ва-банк – 2»), польские левые созвали во Львове Антифашистский конгресс деятелей культуры. Образцом служил парижский съезд прошлого года, который, однако, вместо единения рядов в борьбе с фашизмом превратился в скандал: Андре Бретон взялся атаковать Илью Эренбурга за его обидные слова о сюрреалистах, а соратник Бретона, Рене Кревель, в отчаянии покончил с собой.

Теперь решили обойтись без авангардистов: пригласили, например, бывшего legionера Владислава Броневского, который после убийства Нарutowича резко полевел, и бывшего католического мистика Эмиля Зегадловича, которого только что лишили звания почетного жителя города Вадовице за обличительный роман «Кошмары». Зато не позвали на мероприятие Тувима, Слонимского, Боя-Желеньского и других. Организатором конгресса выступили социалисты в лице депутата городского совета Яна Щирека, независимые профсоюзы и сидевшие в подполье коммунисты, а поддержку мероприятию оказала редколлегия местного литературного журнала «Сигналы» во главе с Каролем Курылюком. Участники конгресса клеймили фашизацию литературного процесса, призывали созвать Общепольское объединение работников культуры и негодовали на засилье правой прессы. Закончился съезд пением «Интернационала».

Полиция и правые внимательно следили за ходом конгресса. Во время одного из выступлений «фалангисты» разбили окна камнями и швырнули внутрь несколько бутылок с пахучей жидкостью, а правая пресса бесновалась по поводу «осквернения» оперного театра Львова коммунизмом и поливала грязью его участников, недвусмысленно намекая на подрывную роль Москвы. После закрытия конгресса некоторых его участников арестовали, других выгнали

⁷⁴ Сравнение с христианской верой здесь не просто оборот речи. Будущий лидер ПНР Владислав Гомулка признавал, что его вера в коммунизм и партию ничем не отличалась от веры христиан в Бога и церковь (см.: *Липинский П.* Польская секта и советский каннибал // Новая Польша. 20.04.2021 – URL: <https://nowayapolsha.pl/article/polskaya-sekta-i-sovetskii-kannibal> (проверено 08.12.2021)).

с работы⁷⁵. И все же тот факт, что власти позволили провести этот съезд, ярко показывал, насколько далек был режим санации от тоталитаризма. Можно ли себе представить, чтобы в Киеве или Минске в 1936 году собрались оппозиционные работники культуры и взялись осуждать сталинизм?

Одной из звезд конгресса была писательница-социалистка Ванда Василевская – польский вариант Александры Коллонтай. Подобно русской революционерке, Василевская отрицала блага, которые ей сулило общественное положение отца – высокопоставленного пилсудчика, – и отдалась борьбе за социальную справедливость, заодно выйдя замуж за украинского рабочего. Ее имя уже тогда гремело не только в Польше, но и в СССР, где до войны успели выйти три ее книги в русском переводе. Во время съезда Василевская приветствовала «украинский Львов» от имени пролетариата Варшавы, что уже смахивало на государственную измену⁷⁶. Как раз через неделю во Львове открывался второй судебный процесс над участниками убийства Перацкого (на скамье подсудимых сидели в том числе Степан Бандера и Роман Шухевич). На этот раз боевикам ОУН вменяли в вину убийство сотрудника советского консульства в 1932 году и директора Львовской академической гимназии в 1934-м. До этого во Львове уже было несколько резонансных покушений. В 1921 году украинцы стреляли в Пилсудского, в 1924 году бросили бомбу в президента Войцеховского, в 1932-м застрелили начальника местного политического сыска Эмилиана Чеховского, который вел дело об убийстве боевиками украинского подполья главы пилсудчиковской фракции в Сейме Тадеуша Голувко, совершенном на курорте в Трускавце годом раньше. Так что слова об «украинском Львове» однозначно звучали как поддержка ОУН, хотя Василевская, конечно, не это имела в виду.

К 1939 году политическая система стабилизировалась. Экономика тоже начала выправляться под умелым руководством Квятковского. В 1936–1938 годах Польша пережила экономический бум: уровень промышленного производства наконец-то обогнал уровень докризисного 1928 года, появилась 151 000 новых рабочих мест⁷⁷. «Пятую колонну» Москвы в виде Компартии Польши уничтожила сама Москва. Украинские террористы сидели по тюрьмам. Как нельзя вовремя подоспел и внешнеполитический успех: 2 октября 1938 года Чехословакия, уже отказавшись от Судет в пользу Германии, согласилась отдать и Тешинскую Силезию Польше.

Спор за эту территорию шел с 1920 года, когда Прага воспользовалась польско-большевистской войной и заняла небольшой клочок населенной поляками земли, ссылаясь на свои исторические права. Теперь Варшава взяла реванш, вернув потерянное и защитив соотечественников от чехизации. Победа ковалась не только в кабинете Бека, но и в разведотделе Главного штаба, который заблаговременно отправил в спорный район диверсантов, чтобы те нападали на чехословацких полицейских, имитируя восстание местных поляков. После благополучного исхода дела диверсантов перебросили на помощь венгерским коллегам, которые пытались осуществить ту же операцию в Подкарпатской Руси. Таким образом правящий триумvirат стремился не только уничтожить очаги украинского сепаратизма, но и добиться общей границы с Венгрией, чтобы заключить с ней действенный союз⁷⁸.

Спустя месяц на волне эйфории власти провели досрочные парламентские выборы, в ходе которых избавились от тех пилсудчиков, кто был недоволен курсом правительства. Пре-

⁷⁵ Zjazd Pracowników Kultury w Obronie Wolności i Postępu // Сайт Rok antyfaszystowski – URL: <https://rokantyfaszystowski.org/lwowski-zjazd-pracownikow-kultury/?utm> (проверено 14.11.2021). По воспоминаниям участвовавшего в конгрессе Ю. Стрыйковского, «Интернационал» пытались исполнить несколько человек в зале, причем по-украински, но их заставили замолчать, так как эта песня была запрещена (см.: *Strykowski J. Wielki starch. To samo, ale inaczej.* Warszawa, 1997. S. 297).

⁷⁶ *Strykowski J.* Op. cit. S. 297.

⁷⁷ *Мамвеев Г. Ф.* Указ. соч. С. 228.

⁷⁸ *Krajewski A. Łom na Czechów* // Newsweek (Polska), 16.08.2009 – URL: <https://web.archive.org/web/20161009151610/http://www.newsweek.pl/swiat/lom-na-czechow,42439,1,1.html> (проверено 20.11.21).

зидент, демонстрируя национальное единство, ввел в сенат таких разных людей, как лидер Младогерманской партии Рудольф Визнер и профессор-раввин Мойше Шор. Страна сплотилась под знаменем Рыдза-Смиглого как наследника покойного маршала. Теперь в его честь сочинялись стихи, его лицо (наряду с лицом Пилсудского) взидало с марок и портретов, о нем писались книги, его имя присваивалось школам, улицам, воинским частям, он стал почетным жителем сорока городов, девяти районов и одного воеводства, а еще – почетным доктором наук четырех вузов.

Что могло пойти не так?

Новый мир

Я недавно читал, каким образом наш Корпус охраны границы был уничтожен 17 сентября огромными советскими силами. Как они защищались в сторожевых вышках, скольких жизней это стоило – и все об этом забыли! Впрочем, нечему удивляться, неволя была страшная. Но хорошо, что вспомнили о судьбах этих солдат, безымянные и трагичные подвиги тоже нужно помнить. Мне как-то легче свыкнуться с мыслью, что нас победили, но куда труднее с тем, что нам ударили в спину⁷⁹.

Станислав Лем, 1998

Зло невозможно измерить! Нельзя же сказать, что если тут убито десять тысяч человек, а там – четыреста тысяч, то там в сорок раз хуже – это абсурд! Разницу между советскими преступлениями и гитлеровскими я вижу в другом. За гитлеровские преступления пару человек все же благополучно повесили, а процессы денацификации действительно привели к созданию государства, в котором любого гражданина бросает в дрожь от мысли, что его отправят на какой-нибудь фронт и ему там отстреляют кусочек уха. А вот все попытки объяснить русским, что они нам причинили, отскакивают, как от щита. Постоянно слышим: что такое ваши двадцать тысяч офицеров, убитых в Катыни и в других местах России, а даже и вся восточная стена Польши с Корпусом охраны границы, погибшая под натиском советских танков, в сравнении с нашими потерями? Торги подобного рода я считаю страшным и решительно недопустимым грехом против элементарной морали⁸⁰.

Станислав Лем, 1998

12 сентября 1939 года Станислав Лем отмечал 18-й день рождения. В этот же день к городу подошли немецкие части полковника Фердинанда Шёрнера. Командование не готовило Львов к отражению атаки с запада. Предполагалось, что он станет ключевым пунктом обороны при нападении с востока. Немцы с марша проникли в город и дошли до костела святой Елизаветы, откуда до Браеровской, 4, где жили Лемы (ныне улица Богдана Лепкого), меньше полутора километров. Но польские солдаты и полицейские сумели их отбросить, после чего Шёрнер обложил город с юга и севера.

В тот же день по радио с ободряющей речью выступил воевода Билык, поклявшийся защищать Львов до последнего. Однако всего через три дня премьер-министр вызвал его в Куты, близ румынской границы, где в то время собралось все правительство, а также верховное командование. Рыдз-Смиглы стягивал все оставшиеся силы на плацдарм, ограниченный Днестром и Стрыем, чтобы держать там оборону, пока Великобритания и Франция не развернут наступление с запада⁸¹.

Во Львове поначалу царила неразбериха. Туда стеклось множество беженцев, то и дело подъезжало гражданское и военное начальство разного уровня. После того как прежнее руководство покинуло город, его оборону возглавил генерал Франтишек Сикорский, а председателем городского совета стал сенатор Бартель, который совсем недавно был ректором Львовского политехнического института. В городе отключили подачу воды и электричества, квартиру

---

⁷⁹ Świat na krawędzi... S. 31.

⁸⁰ Ibid. S. 107–108.

⁸¹ Głowacki A. Inwazja Armii Czerwonej. IV rozbiór Polski // Białe plamy – czarne plamy. Sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich / Pod red. A. D. Rotfelda i A. W. Torkunowa. Warszawa, 2010. S. 219.

Лемов заняли солдаты и поставили на балконе пулемет. Родители Лема, когда-то пережившие тяжелую осаду Пшемисля, вероятно, чувствовали, что история повторяется. Станислав с переносной сиреной в руках устроился на первом этаже вместе с бойцами. Но увидеть боя ему не довелось: мать настояла на том, чтобы перебраться к дяде Гецелю на Сикстускую (ныне улица Петра Дорошенко). Оттуда рукой подать до Поиезуитского сада, или парка им. Т. Костюшко – как он официально назывался (сейчас парк им. Ивана Франко). Лем вспоминал, как во время артиллерийского обстрела с детским восторгом бегал по этому саду в поисках горячих шрапнелин⁸².

К 14 сентября немцы в ходе битвы на Бзуре окружили польские армии «Познань» и «Поморье» и замкнули кольцо вокруг Варшавы. Если бы Львов пал, врагу удалось бы перекрыть главный путь отступления к румынскому плацдарму и отрезать польский Генштаб от основной массы войск. Но Львов устоял. А утром 17 сентября с востока в Польшу вторглась Красная армия. Сталин наконец решил взять то, на что мог претендовать согласно секретному протоколу к пакту Молотова – Риббентропа.

Советским бойцам и комсоставу необходимость вторжения объяснили в духе государственной пропаганды: надо «помочь рабочим и крестьянам Белоруссии, Украины и Польши, которые восстали против помещиков и капиталистов». Правда, единственным зримым свидетельством такого «восстания» (на момент вторжения Красной армии) были участвовавшие диверсии ОУН, которая на один день даже захватила городок Стрый. Но кого это смущало?

А вот вызванному в НКВД послу Вацлаву Гжибовскому зачитали лишенную всякого налета идеологии ноту о том, что «польское государство и его правительство фактически перестали существовать»⁸³. Как раз после этой ноты «фактически переставшее существовать» правительство и решило уйти в Румынию, поскольку оборона плацдарма на Днестре потеряла всякий смысл. Напоследок Рыдз-Смиглы приказал войскам продолжать сражаться против немцев, по возможности избегая столкновений с Красной армией, а тем, кто не находится в окружении, тоже уходить в Румынию. Варшава должна была стоять до конца. Главнокомандующий не терял надежды на наступление союзников.

Зато ее потерял писатель и художник Станислав Игнацы Виткевич, знаменитый Виткацы, когда-то сам участвовавший в русской революции и знавший большевиков не понаслышке. 18 сентября, находясь в поместье знакомых под Ровно, он перерезал себе горло. На следующий день в венгерском Мункаче застрелился львовский воевода Альфред Билык, мучимый совестью, что не сумел сдержать слово, данное львовянам. А спустя еще день в Кутах погиб от огня советского танкового пулемета Тадеуш Доленга-Мостович – автор знаменитого романа «Знахарь», по которому в 1982 году поставят страшно популярный в СССР фильм. 22 сентября Франтишек Сикорский сдал Львов командующему Волочической армейской группой, комкору Филиппу Голикову.

Лем наблюдал, как в город входили красноармейцы. «Сверху, по улице Сикстуской, из Цитадели, спускалась польская конная артиллерия, и вдруг из боковых улиц появились Советы (не знаю почему, но все с монгольскими рожами). У каждого в одной руке наган, а в другой – граната. Приказали нашим снять ремни, все оружие бросить на улице, орудия с лошадьми оставить и идти себе. Мы стояли, изумленные, и плакали. Мы видели, как пала Польша! Сторож, который был свидетелем Йеговы, накрыл лошадей попонами с телег»⁸⁴.

В ПНР болтать об «освободительном походе Красной армии» было не принято, но Лем умудрился втиснуть это воспоминание – почти дословно – в одно из своих ранних, вполне официозных произведений: «У нас на Сикстуской был такой сторож, маленький, черный, с

⁸² Лем С. Высокий Замок... С. 241–242.

⁸³ ¹ Głowacki A. Op. cit. S. 221–222.

⁸⁴ Tako rzeczy... S. 12.

такими красными глазками. А когда наши артиллеристы из Цитадели шли в плен, то на улицах остались пушки, кони – все. Мы стояли с другом в воротах и плакали. Так слезы у нас прямо ручьем лились. Никто не стыдился. А нарядно одетые женщины снимали с коней войлочные попоны, срезали упряжь, все сдирали. Вдруг я смотрю и говорю: „Юзыка – это мой друг, – глянь, Валентий идет“. Это тот сторож. А он пошел в эту сумятицу, открывает мешки с овсом, которые в ящиках были, и дает лошадям: одной, второй, третьей. Его сын – такой маленький оторва – через минуту притащил какой-то патронташ или чего там, так он его по заднице отшлепал и приказал отнести обратно. „Не буду, – говорит, – на чужой беде наживаться“»⁸⁵. Это отрывок из соцреалистической повести «История о высоком напряжении», написанной в 1948 году. Рассказчик предусмотрительно не уточнил, в чей именно плен шли сдаваться «наши», но коль скоро речь о львовских поляках, то сведущий читатель мог догадаться – в советский.

Слова о «монгольских рожах» немного удивляют – едва ли Волочискую группу Украинского фронта комплектовали сугубо якутами, бурятами или калмыками. Может быть, среди конников, увиденных Лемом, было несколько бойцов с азиатскими чертами лица, и это так врезалось ему в память, что со временем вытеснило воспоминания о всех прочих советских бойцах, встреченных в тот день.

Но более вероятно, что сказались пропагандистские клише о большевиках как о восточной орде, идущей разрушить цивилизацию. Эти клише прочно утвердились в сознании тогдашних поляков, так как в свою очередь соответствовали устоявшейся в XIX веке традиции показывать Россию восточной деспотией, слегка подернутой европейским глянцем⁸⁶. Такому отношению, конечно, способствовало то, что поляки и правда на протяжении двухсот лет терпели насилие от российской власти, которая сначала лишила их независимости, а затем подавляла восстания и пыталась уничтожить культуру, проводя русификацию. Так что образ России как страны кнута и сибирской ссылки прочно вошел в польскую литературу. Вдобавок Польша когда-то, в XVII веке, действительно была светочем цивилизации для России. Попасть в лапы того, на кого всю жизнь взирал свысока, было чрезвычайно унижительно. Отсюда родилась истовая вера: «Да, поляки слабее, но зато культурно выше». Эта вера на протяжении веков (включая и социалистический период) служила утешением, компенсируя горькое ощущение подчиненности. Очень «кстати» тут пришелся большевистский террор, направленный против имущих (а значит, образованных) слоев населения в самой России. В восприятии поляков он смыл тонкий слой просвещенных людей, дав власть коллективному Шарикову. Представление об СССР как оплоте «грядущего хама» живо до сих пор, всплывая совершенно произвольно в книгах и фильмах, даже если авторы не хотят сказать ничего плохого о России, – это общее место, атрибут представлений о восточном соседе, столь же естественный, как смена дня и ночи⁸⁷. Например, биограф Лема, Войцех Орлиньский, безапелляционно утверждает, описы-

⁸⁵ Лем С. История о высоком напряжении / Пер. В. Борисова // Лем С. Хрустальный шар / Сост. В. Язневич. М., 2012. С. 401.

⁸⁶ Тихомирова В. Я. Советский человек на «Кресах» в 1939–1941 годах: свидетельства очевидцев и художественные образы // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы / Отв. ред. О. В. Петровская, Е. Ю. Борисёнок. СПб., 2011. С. 302; Прокоп Я. Антирусский миф и польские комплексы // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000. С. 30–38; Мещель А. Отношение к России: взаимопереплетение или насилие? // Поляки и русские... С. 39–51.

⁸⁷ Ярким примером тут может служить известная книга Рышарда Капусциньского «Империя», в которой автор, писавший когда-то хвалебные репортажи об СССР, попытался сделать объективный сборник очерков о советской стране в период ее распада, а в итоге просто сдул пыль с антироссийских штампов (см.: Вальдиштейн М. Новый Маркиз де Кюстин, или Польский травелог о России в постколониальном прочтении // Новое литературное обозрение. 2003. № 3 – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/2/novyj-markiz-de-kyustin-ili-polskij-travelog-o-rossii-v-postkolonialnom-prochtenii-1.html> (проверено 22.11.2021)). Другим примером может служить образ советской армии в польских фильмах, снятых после крушения социализма: почти всегда это разнузданная пьяная банда, в которой, однако, непременно найдется пара приличных человек (чтобы создателей не обвинили в ксенофобии). Апогея такой подход достиг в фильме Е. Гофмана «Варшавская битва» (2011),

вая присоединение Львова к Советскому Союзу в 1939 году: «Медицина в СССР была, как и все, на низком уровне». И в этом находит объяснение особое отношение новой власти к польским врачам⁸⁸.

Так что к воспоминаниям поляков о покинутых креслах надо относиться с осторожностью – правда там перемешана с мифами. Причем мифы создаются даже сейчас. Например, в девяностые годы одна из бывших жительниц Гродно «вспомнила», как входившие в город советские танкисты привязали к броне юного бойца Тадеуша Ясиньского, который якобы бросил в них бутылку с зажигательной смесью. Ничего больше об этом Ясиньском не известно, но есть его могила, улицы пяти польских городов носят его имя, а сам он посмертно (в 2009 году) награжден Командорским Крестом ордена Возрождения Польши.

Это не значит, конечно, что советские войска не творили насилий на занимаемых территориях. Творили – и оно даже поощрялось некоторыми официальными лицами, например председателем Военной коллегии Верховного суда Василием Ульрихом, который приказал военным трибуналам: «Смертные приговоры местному населению и бывшим военным служащим польской армии выполнять немедленно, без санкции Москвы. Отчетов не высылать»⁸⁹. О начавшихся самосудах над поляками, а также о распространившемся мародерстве красноармейцев писал Сталину и Ворошилову прокурор 6-й армии Нечипоренко⁹⁰.

Лем, судя по всему, не особенно переживал в 1939 году по поводу изменения государственной границы. Его воспоминания о том периоде не пронизаны негативом, он скорее посмеивался над этими недалекими большевиками, над их наивным патриотизмом: «Можно было подойти к красноармейцу и спросить: „А шахты пряжи у вас есть?“ А он всегда с каменным лицом отвечал: „Конечно есть“»⁹¹. Станислав Бересь, спрашивая у Лема о тех годах, дважды пытался вывести его на разговор о бесчинствах советских солдат (чтобы встроить слова писателя в дежурный нарратив), но Лем оба раза качал головой: «Нет, такого не было. А если и было, то я не видел»⁹². Надо отдать ему должное – он не стал перечислять всех русофобских штампов, хотя сравнение советского мира с буржуазным вышло явно не в пользу пролетарского государства. Частично в том были виноваты кадры, присылаемые из Киева. Помощник Ровенского областного прокурора Сергеев писал Сталину: «Казалось бы, что с освобождением Западной Украины сюда для работы должны были быть направлены лучшие силы страны, кри-

---

где идущие на польскую столицу красноармейцы выведены сущими орками (явно под влиянием снятого перед тем фильма «Властелин колец»). Однако важно отметить, что как книга Капусциньского, так и фильм Гофмана встретили неоднозначный прием в Польше. «Империю» за предвзятость критиковали известнейший литературовед Мария Янион и не менее известный журналист Мариуш Вильк, а «Варшавская битва» получила целых пять антипремий.

⁸⁸ Орлинский В. Лем. Жизнь на другой Земле / Пер. И. Шевченко. М., 2019. С. 64. Хороший пример такого образа мыслей привел драматург Артур Миллер, которому в 1965 году довелось посетить Югославию в компании главного редактора американского журнала «Комментари» Нормана Подгореца (кстати, отпрыска еврейских эмигрантов из Галиции). «Это было его первое знакомство с коммунистической страной, отторженной землей, которую годы спустя его любимый американский президент назвал „империей зла“. Самолет уже разворачивался, когда на летном поле появились два трактора. – Надо же, у них есть тракторы, – произнес он. Решив, что это шутка, я обернулся и увидел, что его взор полон восторженного удивления. Самолет остановился, и тракторы подъехали ближе. Он прильнул к окну, чтобы разглядеть их. Какая гамма чувств! И какова сила идеологии, если такой образованный человек мог так удивляться, что в Югославии есть тракторы. Техника подъехала совсем близко, и я смог разобрать на радиаторных решетках какую-то надпись кириллицей. – Вполне возможно, что они выпускают их сами, – сказал я не моргнув глазом и указал ему на подпись. Он пришел в полное смятение, и я решил несколько разрядить обстановку. – Но это, похоже, русские. – Наверняка по американским моделям. – Да нет, не похоже. Я думаю, наши лучше. Эти очень уж шумные и неповоротливые. Казалось, он облегченно вздохнул. – Но, я слышал, они практичны. Он все понял и неестественно рассмеялся. Что было бы, попади он в Россию, какую испытал бы гамму чувств – от снисхождения до страха» (Миллер А. Наплывы времени. М., 1998. С. 565–566).

⁸⁹ Науменко К. Е. Отношение населения Западной Украины к процессам советизации. 1939–1941 // Западная Украина и Западная Белоруссия... С. 376

⁹⁰ Письмо Нечипоренко от 08.10.1939 на сайте Хронос – URL: http://www.hrono.ru/dokum/193_dok/19391008.html (проверено 11.08.2022).

⁹¹ Tako rzecze... S. 21.

⁹² Ibid. S. 12, 38.

сталлически честные и непоколебимые большевики, а получилось наоборот. В большинстве сюда попали большие и малые проходимцы, от которых постарались избавиться на родине»⁹³. Вдобавок большинство присланных «с большой Украины» имели лишь начальное образование (сказались репрессии Большого террора, выкосившие множество работников со стажем)⁹⁴. Те, кто прибыл, часто не церемонились с местным населением. На одном крестьянском собрании пропагандисту райкома партии задали вопрос: «А что, будут кулаков принимать в колхозы?» На это пропагандист ответил: «В соответствии с Уставом их в колхоз принимать не будут». Последовал новый вопрос: «А что с кулаками будут делать?» – «У нас, в восточных областях, для тех, кто не хотел идти в колхоз, мы нашли место. Вот товарищ Злидник был в Москве и видел канал Москва – Волга – а кто его выкопал? Кулаки. Мы еще найдем и другой канал копать для тех, кто будет идти против колхоза. У нас в СССР, в Сибири, лесов много, и их рубить будут те, кто активно будет выступать против колхозов, третья же часть получила по 25 граммов – а знаете, что такое 25 граммов? Это пуля». При таком отношении даже те, кто поначалу радовался приходу новой власти, скоро разочаровались в ней. Довольно точная оценка пропагандистской работе была дана на Дрогобычской областной партконференции 27–28 марта 1940 года: «<...> Очень часто наши работники подходят к разъяснению вопроса с меркой восточных областей, не учитывая того, что эти товарищи – рабочие, крестьяне, интеллигенция – многого не знают того, что нам известно <...> Мы допускаем в своей работе ряд ошибок, а потому и получается, что какой-то ксёндз имеет большее влияние на народ, нежели мы»⁹⁵.

Лемы старались не пересекаться с этими людьми. «Мы были очень сильно изолированы от политической русской банды, которая приехала занять посты на „присоединенных землях“. Мне говорили уже после войны, в Москве, что то были худшие советские элементы, одни подонки. Никто из уважающих себя поляков, даже если мог, не тянулся к ним. Это было не только неприятно, но и опасно»⁹⁶.

Воспоминания львовян полнятся описаниями пришельцев из Советского Союза, которые, войдя в город, набросились на неизвестные им блага цивилизации. Особенно часто повторяется история о ночных сорочках, в которых дефилировали жены советских командиров, принимая те за вечерние платья. Лем тоже вспомнил о них, но оговорился, что это может быть просто анекдотом, как и другие истории: о нафталиновых шариках, которые жевали солдаты, думая, что это сладости; об унитазах, в которых красноармейцы мыли руки и головы, и т. д.

Львовяне вспоминали, что советские солдаты имели голодный и измученный вид, пробуждая скорее сочувствие, чем страх⁹⁷. Вероятно, тут не обошлось без преувеличения, но мир капитализма даже в такой бедной стране, как Польша, действительно ошеломил красноармейцев и политработников. «Я думал, что еду в какую-то глушь – Польша представлялась мне страной на обочине Европы, а Западная Украина – захолустьем Польши, – вспоминал командир разведвзвода 274-го тяжелого корпусного артиллерийского полка П. Горелик. – Но Львов оказался городом европейским. Мы знали свои провинциальные города, с пустыми полками магазинов и очередями, идеологически поддутым энтузиазмом и серыми однообразными лозунгами вроде „5“ в „4“, навешавшими скуку на каждом перекрестке. Львов же, несмотря на военное положение, выглядел веселым и преуспевающим. Изобилие товаров и улыбок, несмолкаемость „шума городского“ – все это поразило нас в те дни раннего бабьего лета». Еще удивляли улицы, с утра до ночи полные народа, изумляли частные магазинчики: «<...> На

⁹³ Филиппов С. Г. Деятельность органов в западных областях Украины и Белоруссии в 1939–1941 гг. – URL: <https://web.archive.org/web/20090514085439/http://www.memo.ru/HISTORY/Polacy/FILIPP1.htm> (проверено 11.12.2021).

⁹⁴ Борисёнок Е. Ю. Кадровая политика большевиков в западных областях Украины в 1939–1941 гг. // Западная Белоруссия и Западная Украина... С. 177–184.

⁹⁵ Борисёнок Е. Ю. Кадровая политика большевиков... С. 196–197.

⁹⁶ Tako rzeczy... S. 20.

⁹⁷ Gajewska A. Stanisław Lem... S. 109.

прилежавших к центру улочках, в маленьких лавчонках, ломившихся от мануфактуры, обуви, парфюмерии и косметики, наши солдаты и командиры сметали все подряд... Полки мгновенно пустели, но вскоре наполнялись снова... На толкучем рынке за оперным театром продавалось все»⁹⁸.

Вошедшие в Гродно «красноармейцы не знали, как есть масло. Они мазали его на пирожные с кремом. <...> На колбасу и другие вкусные вещи бросались, как дикари»; во Львове «советские солдаты и офицеры десятками покупали циркули, пуговицы, пачки тетрадей и мыло килограммами. Магазины с тканями за несколько дней были опустошены»; «Приходят в магазин, спрашивают, можно ли купить хотя бы 100 граммов колбасы. Можно, почему бы и нет? А полкило можно? Можно и пять килограммов. Ну, тогда дайте нам по 10 килограммов. Колбасу повесили на шею, потому что все было забито булками, даже шапки. На улицах валялись булки, их покупали сотнями, а когда уставали нести, то просто выбрасывали»; «<...> Два майора с интересом осматривали термос. Один из них честно признался, что был уверен, что это часовая мина <...> Кто-то притащил продавать диван с постелью в автоматически открывающемся ящике. Капитан авиации <...> засомневался в том, что во время сна в ящике на этой постели защелки на пружинах ночью не захлопнутся и человек не задохнется. Продавец объяснял, что <...> спят наверху, на матрасе. Летчик не верил и говорил, что если бы это была правда, то матрас не был бы обтянут таким красивым материалом»; «солдаты <...> бегали от магазина к магазину, покупали, что только могли, в основном часы, булки, колбасы, ткани и велосипеды. Вошли двое советских в магазин <...> и один говорит другому: „Знаешь, Коля, возьмем все ручные часы“. Забрали двадцать часов, заплатили и пошли в следующий. Там снова набрали тканей целыми рулонами, едва несли, но увидели колбасу: „Коля, идем еще колбасы купим, а наверно, там колбасы нет, она только на витрине сделана из дерева, как у нас в Москве“»⁹⁹.

Чиновники тоже не упускали возможности закупить дефицит на присоединенных землях. Повсеместно практиковались служебные командировки с целью приобретения вещей, которыми потом можно было спекулировать. Особый интерес вызывали часы, ковры, пишущие машинки, а также хрусталь, антиквариат и т. п. В январе 1940 года, обращаясь к главе СНК УССР Леониду Корнийцу, заместитель наркома внутренних дел УССР Николай Горлинский написал о том, что «за последнее время все более возрастает количество представителей различных хозяйственных организаций, которые выезжают в западные области Украины». По его словам, в ряде ведомств «деловые соображения отодвинуты на задний план...», а поездки «используются в целях спекуляции и личной наживы»¹⁰⁰. Да и грех было не воспользоваться таким случаем, когда в СССР с 1936 года действовали нормы отпуска товаров в одни руки – причем в 1940 году их еще и уменьшили, предварительно подняв цены¹⁰¹.

Присоединенные территории обогатили Советский Союз не только европейскими товарами и людскими ресурсами, но и культурой. Особенно большую лепту внесли еврейские беженцы. Именно тогда в СССР перебрались композиторы Моисей Вайнберг (позже написавший музыку к мультфильмам о Винни-Пухе) и Ежи Петерсбургский (автор «Утомленного солнца»), менталист Вольф Мессинг и джазмен Эдди Рознер.

На присоединенных землях ввели шестидневную неделю и московское время, то есть перевели стрелки на два часа вперед. Монастырские колокольни при этом упрямо продолжали звонить в старом режиме, будто ничего не произошло. Над входом в оперный театр Львова повесили огромный портрет Сталина, пустые витрины тоже завесили пропагандистскими плакатами, изображавшими вождя и счастливую советскую жизнь. Фасад Главпочтамта украсили

⁹⁸ Борисёнок Е. Ю. Указ. соч. С. 193.

⁹⁹ Тихомирова В. Я. Указ. соч. С. 295–297.

¹⁰⁰ Баран В. К. Экономические преобразования в Западной Украине в 1939–1941 годах // Западная Украина и Западная Белоруссия... С. 172.

¹⁰¹ Там же. С. 169–170.

красной звездой и советским «иконостасом». А в самом центре города, между улицей Легионов (сейчас проспект Свободы) и площадью Святого Духа (ныне площадь Ивана Подковы), прямо перед памятником Яну II Казимиру, поставили многофигурный памятник сталинской Конституции. Когда-то Лем шагал по улице Легионов в траурном походе в честь кончины маршала Пилсудского, а теперь ему пришлось идти по ней в колонне студентов, отмечая День международной солидарности трудящихся: «<...> Не только боковые улицы, но даже входы на эти улицы с противоположных сторон были перекрыты цепями солдат. Все окна были закрыты, и город вымер, точно после атомной атаки. Все попрятались как крысы, никого видно не было. Тогда-то я и понял, что это за система и как работает»¹⁰².

В декабре 1939 года власти произвели обмен валюты по курсу 1: 1 (притом что до войны злотый шел по 3,3 рубля), но в пределах 300 злотых. То есть те, кто имел больше, просто потеряли все сбережения. В июне 1940 года во всем Советском Союзе вернули семидневку, но этим остались недовольны религиозные евреи, которым теперь приходилось работать в субботу¹⁰³. Национализация торговли и введение твердых цен на присоединенных территориях привели к дефициту и расцвету черного рынка. Лем вспоминал: «Когда ехали поезда в Россию, говорили: „Шкура, мануфактура. Шкура, мануфактура“. А когда возвращались, то говорили: „Спички, махорка. Спички, махорка“»¹⁰⁴. Уже в декабре 1939 года в очередях за хлебом и сахаром во Львове стояли по 500–1500 человек. В январе город целую неделю не видел хлеба. Цена буханки на черном рынке достигала 3–4 рублей при официальной в 65 копеек. Стоимость яиц взлетела в пять раз, картофеля – в семь. Резко подскочили цены на говядину, свинину и мясо птицы, а килограмм сахара шел по 80 рублей при средней зарплате рабочих и служащих в 339–357 рублей¹⁰⁵. С апреля 1940 года положение начало выправляться: снабжением присоединенных территорий занялась целая комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) в составе А. И. Микояна, Н. С. Хрущева, Г. М. Маленкова, П. К. Пономаренко и А. Любимова. Но налицо было обеднение ассортимента (Лем особенно переживал исчезновение привычных сладостей, которые заменила стандартная продукция фабрики «Красный Октябрь»).

Начавшаяся коллективизация, высокие налоги на единоличников, запрет частной инициативы в городе пробудили у многих ностальгию по Польше, а на Западной Украине усилили симпатии к ОУН. Советская власть в ответ действовала кнутом и пряником. С одной стороны, всячески поддерживала нацменьшинства, «освобожденные» от польского господства. С другой – проводила беспощадные репрессии и планомерные депортации населения, – причем отбор шел не по национальному, а по социальному признаку, то есть в жернова репрессий попадали и представители тех самых нацменьшинств. К примеру, были арестованы заместитель львовского мэра Виктор Хаес и сенатор Мойше Шор, а также целый ряд сионистов, включая Генрика Хешелеса (остается лишь гадать, что об этом думал Самуэль Лем, близко знавший его). «Бундовца» Виктора Альтера расстреляли за связь с германской разведкой (!), а его товарищ Генрик Эрлих покончил с собой в тюрьме. В Вильно среди прочих евреев в сети НКВД попал будущий премьер-министр Израиля Менахем Бегин, получивший восемь лет лагерей как агент британского империализма¹⁰⁶. Там же был схвачен бывший глава правительства Белорусской народной республики Антон Луцкевич, не раз подвергавшийся репрессиям в Польше. 24 сентября 1939 года он произнес торжественную речь на Лукинской площади, приветствуя советские войска, а уже через три дня был арестован и отправлен в ссылку (где и умер). Во Львове

¹⁰² Tako rzecze... S. 19.

¹⁰³ Розенблат Е. С. Западные области Белоруссии в 1939–1941 годах: оккупация – воссоединение – советизация // Западная Украина и Западная Белоруссия... С. 55–56.

¹⁰⁴ Tako rzecze... S. 20.

¹⁰⁵ Баран В. К. Указ. соч. С. 172.

¹⁰⁶ Сайт Белорусского документационного центра – URL: <https://bydc.info/news/1067-repressii-protiv-evrejskikh-partij-i-organizatsij-v-zapadnoj-belarusi-v-1939-41-godakh-prodolzhenie> (проверено 24.11.2021).

арестовали бывшего главу Западно-Украинской народной республики Константина Левицкого. В мае 1940 года на пороге его квартиры застрелили Мариана Богатко – украинского мужа Ванды Василевской. По официальной версии, это сделали боевики ОУН, но позднее популярным стало мнение, что Богатко пал от рук сотрудников НКВД, которые перепутали адрес и убили не того. Об этом Василевской тогда же якобы рассказал сам Хрущев, отправивший к ней с извинениями двоих украинских писателей: Николая Бажана и Александра Корнейчука (который вскоре сам женился на Василевской)¹⁰⁷. В июне 1940 года приговорили к смерти одиннадцать участников подавления коммунистического бунта в Гродно (вспыхнувшего в сентябре 1939 года), углядев в действиях обвиняемых еврейский погром. И суд не смутило, что среди «погромщиков» оказался еврей Борух Кершенбейм¹⁰⁸.

Сдавшихся польских военнослужащих вопреки договоренностям отправили в Козельский, Осташковский, Путивльский и Старобельский лагеря вместе с полицейскими и крупными чиновниками¹⁰⁹. Затем рядовых либо распустили по домам (если они происходили из новоприсоединенных территорий), либо выслали дальше, в Сибирь, Казахстан и на север европейской части СССР, а всех прочих в апреле 1940 года по большей части расстреляли в Катыни, Медном и Харькове. Среди бессудно казненных оказался и защитник Львова Франтишек Сикорский. Его товарищ Владислав Лянгнер вел в Москве переговоры о положении захваченных военных, затем понял, к чему все идет, и 18 ноября бежал в Румынию. Едва не получил пулю в затылок родственник и тезка советского кинорежиссера Михаила Ромма – военврач из Вильно. В последний момент офицера сняли с состава, шедшего в Медное¹¹⁰. Градоначальник Львова, Станислав Островский, провел девятнадцать месяцев на Лубянке и в Бутырках, после чего отправился на восемь лет в лагерь. И ему еще повезло, так как всех троих его заместителей (например, того же Хаеса) за это время расстреляли. Советское руководство, кажется, вообще имело зуб на поляков: единственной распушенной компартией оказалась польская, самой истребительной «национальной операцией» НКВД во время Большого террора была польская, расстрелу в 1940 году подверглись офицеры опять же польской армии. Короче говоря, каток коммунизма прошелся по полякам так, как, наверное, ни по одному другому народу в Европе.

Депортации шли волнами. В январе 1940 года выслали осадников, то есть бывших польских военных, получивших землю на кресах за отличие в войне с большевиками (15 % из них составляли украинцы и белорусы). Этих вместе с семьями отправили рубить лес и добывать золото и медь. В апреле депортировали членов семей репрессированных офицеров, а также полицейских, жандармов, чиновников, помещиков, фабрикантов, участников повстанческих организаций, учителей, кулаков, мелких торговцев, проституток и беженцев из немецкой зоны оккупации. В мае – июне из приграничной полосы депортировали тех, кого признали неблагонадежными. В июне 1941 года – интеллигенцию, квалифицированных рабочих и железнодорожников (в эту волну попала семья будущего лидера Польши Войцеха Ярузельского, отправленная на Алтай, а также партнерша Хемара по кабаре Qui Pro Quo, певица Ханка Ордонувна, уже сидевшая в тюрьме гестапо, а теперь разлученная с мужем и сосланная в Узбекистан). Всего выслали от 309 до 321 тысячи человек. Самые крупные партии бывших польских граждан приняли Архангельская и Свердловская области¹¹¹. Ссылка была бессрочная: людей, нема-

¹⁰⁷ *Литвинский П.* Ванда Василевская, слуга советского народа // Новая Польша. 14.05.2021 – URL: <https://novayapolsha.pl/article/vanda-vasilevskaya-sluga-sovetskogo-naroda/> (проверено 08.12.2021).

¹⁰⁸ *Милевский Я. Е.* Включение «Западной Белоруссии» в СССР (1939–1941): новая точка зрения // *Западная Украина и Западная Белоруссия...* С. 67, 74.

¹⁰⁹ *Ильюшин И. И.* Антисоветское подполье и НКВД // *Западная Украина и Западная Белоруссия...* С. 383.

¹¹⁰ *Hnatiuk O.* Op. cit. S. 364–365.

¹¹¹ Введение // *История сталинского ГУЛАГа. Спецпереселенцы в СССР. Т. 5* / Отв. ред. и сост. Т. В. Царевская-Дякина. М., 2004. С. 53–55; *Трофимович В. В.* Этнодемографические изменения в Восточной Галиции и Волыни (1939–1941) // *Западная*

лая часть которых составляла элиту Польши, навечно обрекали на прозябание в другой стране, в тяжелом климате и в чуждом окружении. У оставшихся это подогревало антисемитские чувства, ведь презируемые евреи занимали места поляков. Утвердилось мнение, что евреи предали Польшу. Сестре Ярузельского, Терезе, врезалось в память, как в сентябре 1939 года польские коммунисты взяли под контроль Деречин (между Слонимом и Волковыском): «Местечко было украшено красными флагами, какие-то люди – в большинстве своем евреи – бежали по селению с красными повязками и хватали польских офицеров, они запирали их в конюшнях и хлевах и, как говорили, собирались расстрелять. Когда подъехал наш состав, завязалась перестрелка. И тогда в первый и последний раз я видела людей, которых вели на расстрел. Это были те самые люди, захваченные польскими солдатами, те, кто совсем недавно издевался над польскими офицерами»¹¹². «Евреи! Видите, как нас вывозят в Сибирь! И к вам придет горе!» – кричала с подводы поляка из Радзилова, попавшая в список депортированных. Многие мужчины из «социально опасных категорий» (главным образом поляки, конечно) в отчаянии спасались в лесах, надеясь, что семьи без них не выселят. Напрасно. Когда пришли немцы и беглецы вернулись в свои дома, там не было никого¹¹³.

Лемов все это не коснулось. Даже дядя Фриц, торговавший недвижимостью, умудрился просочиться сквозь пальцы советских карательных органов. К Лемам подселили работника НКВД, который оказался настолько лоялен, что стерпел даже поведение Сабины, поначалу не пустившей его на порог. Одной из причин такой снисходительности было то, что советская власть вообще бережно относилась к врачам, и это было сразу подмечено львовянами¹¹⁴. Кроме того, как выяснилось позже, чекист Смирнов (расположившийся, кстати, в столовой) оказался духовно развитой личностью и писал стихи. Лем вспоминал, что всякий раз, когда их подселенец надевал мундир и выходил в город, они всей семьей бежали к знакомым, чтобы те предупредили беженцев об очередной «акции». Тех прятали в частной коммерческой библиотеке, находившейся через дорогу. «Мы на это взирали как на спорт – чтобы сделать Советам назло. Ничего общего с патриотическими мотивами это не имело, совершенно ничего»¹¹⁵.

По словам Лема, родители хотели видеть его врачом, а сам он рвался в Политехнический институт. Однако готовиться к вступительным экзаменам в Политех начал лишь после захвата Львова Красной армией (благо учебный год в Польше начинается 1 октября и Лем еще мог успеть). До того, вероятно, он собирался поступать на медицинский факультет Университета Яна Казимира, где в итоге и оказался. Как же так вышло? Очевидно, в Политехнический его долго не пускали родители, так как там господствовали эндеки. После смены власти ситуация изменилась, коммунисты сурово подавляли антисемитизм, причем в Политехническом прямо во время собрания, на котором принималось решение о ликвидации местного благотворительного общества «Братская помощь» (такие существовали во всех польских вузах), с подачи польских коммунистов в наказание за антисемитизм застрелили четверых членов правления этого общества. На этом собрании, кроме того, выступил Ян Красицкий – 20-летний активист коммунистического движения, чьим именем потом назовут польский комсомол. Красицкий, как и Василевская, происходил из семьи депутата-пилсудчика, но еще в гимназии связался с коммунистами, был исключен из Варшавского университета за драку с эндеками и теперь, сбежав от немцев во Львов, включился в строительство советской власти, начав с осуждения антисемитизма в его эпицентре. Правда, по ходу речи Красицкого возникло недоразумение с присутствовавшим комиссаром, поскольку тот не знал, что «еврей» по-польски – «жид» (*Żyd*),

Украина и Западная Белоруссия... С. 268.

¹¹² Цит. по: Черемушкин П. Ярузельский. Испытание Россией. М., 2016. С. 35.

¹¹³ Machcewicz P. Wokół Jedwabnego... S. 38–39.

¹¹⁴ Hnatiuk O. Op. cit. S. 65.

¹¹⁵ Świat na krawędzi... S. 35.

и чуть не обвинил в юдофобии самого Красицкого¹¹⁶. В дальнейшем полякам стоило немалого труда добиться от Москвы позволения писать «Żyd», а не «Jewrej».

Очевидно, из-за всего этого Лем в итоге и вернулся к мысли поступать на медицинский, где не кипели такие страсти. Сам он объяснял свое решение тем, что ему отказали по причине «буржуазного» происхождения. Но врачей не считали буржуазией. Препятствием скорее могло явиться высшее образование отца: большевики делали ставку на низшие слои, не имевшие до того шансов выбиться в люди. Больше всего, по словам Лема, он боялся призыва в армию, однако комиссия, где сидели знакомые отца, признала его негодным ввиду астигматизма, а затем другие знакомые – бывший начальник Самуэля Лема Антоний Юраш и маститый биохимик Яков Парнас – включили его в список абитуриентов Медицинского института, только что образованного на основе медицинского факультета Львовского университета¹¹⁷. Парнас возглавлял в институте фармацевтический факультет, куда приняли на работу и Людвика Флека – соавтора одной из статей Самуэля Лема. Флек до 1935 года руководил биохимической лабораторией в городском отделении соцзащиты, но затем из-за антисемитских правил вынужден был уволиться. И вот теперь с помощью большевиков он брал реванш над юдофобами.

Новые власти взялись заполнять руководящие посты евреями, украинцами и белорусами (а также приезжими русскими). Оригинально поступили в отношении церковного руководства: ликвидировали католическую митрополию, но не тронули униатскую. Причина, конечно, заключалась в том, что католиками были почти сплошь поляки, а униатами – украинцы. Не стоит видеть в этом исключительно недоверие к полякам и желание противопоставить одну конфессию другой. Москва была последовательна и внедряла ту политику, которую проводила искони. В отличие от польской власти советская всегда считала кресы не Восточной Польшей, а Западной Украиной и Западной Белоруссией. Не случайно в составе Компартии Польши существовали два филиала: Компартия Западной Украины и Компартия Западной Белоруссии.

Благодаря такой кадровой линии в Медицинском институте оказался и другой соавтор Самуэля Лема – Мариан Панчишин, который, кроме того, стал депутатом Народного собрания Западной Украины. А гимназический учитель Лема, Мирон Зарицкий, занял должность заместителя декана физико-математического факультета Львовского университета (который теперь носил имя Ивана Франко). Официальным языком во всех учреждениях был объявлен украинский, но внедрение его шло туго: поляки, как правило, не умели читать на нем лекции, а заменить их было нечем. Так что единственным предметом, который Лему преподавали по-украински, оказалась физика, которую читал Андрей Ластовецкий – младший ассистент кафедры экспериментальной физики Университета Яна Казимира и автор украинского учебника по физике для 5-го класса¹¹⁸. Именно тогда Лема на улице поприветствовал по-украински бывший одноклассник, с которым они прежде никогда на этом языке не говорили. Лем даже опешил: «Мисек, ты що, сдурив?»¹¹⁹

Невзирая на объявленное «освобождение» всех угнетенных, советские власти не доверяли местным и старались поставить их в подчинение присланным с «большой Украины». Например, ректором Львовского университета назначили не кого-то из галицийских ученых, а 37-летнего выпускника Института красной профессуры Михаила Марченко, у которого даже не было степени. Ректором Медицинского института стал присланный из Мариуполя невролог

¹¹⁶ Okres II wojny światowej, okupacji i wielkiego Exodusu (1939–1945) // Politechnika Lwowska. 1844–1945. Komitet redakcyjny: J. Boberski, S. M. Brzozowski, K. Dyba, Z. Popławski, J. Schroeder, R. Szewalski (przewodniczący), J. Węgierski. Wrocław, 1993 – URL: <https://www.lwow.home.pl/politechnika/politechnika2.html#5> (проверено 25.11.2021).

¹¹⁷ Tako rzecz... S. 16.

¹¹⁸ Tako rzecz... S. 17–18.

¹¹⁹ Ibid. S. 30. Интересно, что в беседе с Бересем Лем утверждал, будто это произошло после прихода немцев. А в разговоре с Фиалковским шестнадцать лет спустя заявил, что после прихода советской власти (*Świat na krawędzi*... S. 27). Вторая версия предпочтительнее, так как в первый же день прихода немцев во Львове начался еврейский погром и вряд ли Лем мог тогда вести на улице непринужденные беседы.

(и тоже без степени) Александр Макаrenchенко, о котором польские светила отзывались с пренебрежением: «По происхождению хам, по образованию пан»¹²⁰. А главным редактором официального польскоязычного издания *Czerwony Sztandar* («Червоны штандар»/«Красное знамя») стал не Курылюк, столько лет тащивший на своих плечах социалистический журнал «Сигналы», а опять же никому не известный «варяг» (Курылюк вдобавок ни разу не издал в своем журнале Василевскую, что никак не добавляло ему очков при новой власти). НКВД чуть ли не каждого жителя Львова подозревал в сотрудничестве с боевым подпольем. Беспощадность советской власти потрясала даже лояльных Москве деятелей. Когда в январе 1941 года во Львове приговорили к смерти 42 члена ОУН (в том числе совсем юных девушек), председатель Народного собрания Западной Украины, литературовед Кирилл Студинский (настолько просоветский деятель, что выступал свидетелем обвинения на политическом процессе в Харькове в 1930 году и за это был избит членами той же ОУН), написал Хрущеву, возглавлявшему Компартию Украины: «Боюсь, как бы это не навело кое-кого на мысль, что в Польше тоже не раз доходило до больших массовых процессов, связанных с совершенными убийствами, но они заканчивались одним или двумя смертными приговорами. Настолько массовых процессов, как сейчас во Львове, никогда не было»¹²¹.

Не менее сурово преследовалось и польское подполье. Как и украинское, оно было расколото. Если в ОУН боролись фракции бандеровцев и мельниковцев, то среди поляков шло не столь жестокое, но тоже явное противостояние пилсудчиков эндекам. Вдобавок правительство в изгнании после интернирования правящего триумвирата румынскими властями возглавил один из лидеров оппозиции, генерал Владислав Сикорский, который добился сужения прерогатив президента. Вследствие этого в Галиции возникли две подпольные организации: одна – пилсудчиковская, которая не подчинялась Сикорскому, другая – официальная, признававшая новое польское правительство, но укомплектованная преимущественно эндеками. В первой действовал Александр Клётц, заслуживший у эндеков недобрую память своей ролью в подавлении еврейского погрома 1929 года. А во второй – Эмиль Мацелинский, дядя одного из заводил того самого погрома. В январе – апреле 1940 года НКВД провел большие аресты польских подпольщиков, причем в тюрьме оказались даже некоторые преподаватели и студенты Львовского университета, а также 73-летний доктор медицинских наук Роман Ренцкий, уличенный в сборе средств для подполья. Попал в тюрьму и Ян Щирек – тот самый социалист, который в 1936 году организовал оппозиционный конгресс деятелей культуры. Был арестован и участник этого конгресса, пролетарский поэт Броневский, схваченный вместе с тремя коллегами по работе в «Червоном штандаре». В марте того же года при переходе границы с немецкой стороны попал в руки советских органов Михал Карашевич-Токажевский – тот самый офицер, который когда-то отбил Львов у украинских войск, а в 1938 году стал почетным членом Союза защитников Львова и получил в городе улицу своего имени. Командование антифашистского боевого подполья отправило его возглавить конспиративные структуры Галиции, но миссия Токажевского провалилась уже на границе. Правда, чекисты не поняли, что за человек попал им в руки, и Токажевский под другим именем оказался в Воркуте. К лету 1940 года вследствие депортаций населения и массовых арестов антисоветское подполье (как польское, так и украинское) было практически уничтожено, но это не помешало НКВД в январе – феврале 1941 года схватить во Львове еще сотню эндеков, в основном молодежь¹²².

Лем не без злорадства потом говорил, что больше всего от советской власти доставалось членам распущенной Компартии Польши. Такой вывод он сделал, вероятно, из чтения повести

¹²⁰ Hnatiuk O. Op. cit. S. 76–77.

¹²¹ Ibid. S. 319–320.

¹²² Ильюшин И. И. Антисоветское подполье в Западной Украине и НКВД в 1939–1941 годах (по документам архивов российских, украинских и польских спецслужб) // Западная Украина и Западная Белоруссия... С. 398, 403.

«Великий страх» Юлиана Стрыйковского, в которой как раз и описаны невзгоды польского коммуниста в предвоенном советском Львове (Лем неоднократно упоминал это произведение в интервью)¹²³. Сам он, как признавался потом, жил в то время совсем другими вещами и не интересовался ни судьбой польских коммунистов, ни размахом репрессий. Это даже вывело из себя его интервьюера Станислава Береса, который с раздражением спросил Лема, когда он, наконец, начнет рассказывать о произволе советской власти, а не о выступлениях циркачей и прочей ерунде¹²⁴. Но тщетно – писатель явно избегал открывать всю правду. Ему неудобно было говорить, что, пока поляков ссылали и расстреливали, он вел обычную жизнь. Все потому, что после присоединения Львова к СССР Лем, сам того не ожидая, оказался в привилегированной группе – как еврей и как сын врача (внезапно пригодилось его второе, еврейское имя – Герман, – данное в честь деда). Признаваться в этом было неловко – все равно что признаться в сотрудничестве с оккупантами.

На первом курсе Медицинского института в 1939 году 48 % студентов составили украинцы, 32 % – евреи, 16 % – поляки, 4 % – все остальные (то есть белорусы и приезжие из СССР). В следующем учебном году количество сотрудников Медицинского института выросло вдвое, а количество студентов – втрое (опять же главным образом за счет украинцев и евреев)¹²⁵. Схожая картина наблюдалась и во Львовском университете, где к марту 1940 года из 1835 студентов было 697 евреев, 617 поляков, 493 украинца, 20 русских, 7 белорусов и 1 чех.

Лем вспоминал об этом хлынувшем в вузы людском потоке с иронией, но без злобы: «Много там было людей из нор и провинциальных дыр, которые раньше не имели шансов, а теперь перли на учебу». Вряд ли Лем был слишком недоволен этим, тем более что теперь юноши и девушки учились вместе, а за учебу не только не надо было платить, но, наоборот, студенты получали стипендию в 120 рублей¹²⁶. Лем упоминал об этом вскользь, как о чем-то общеизвестном, зато не без удовольствия вспоминал, как обвел вокруг пальца украинского преподавателя на экзамене по марксизму, заявив, что читал Маркса в оригинале и потому только на языке оригинала может передать его мысли. А поскольку немецкого преподаватель, разумеется, не знал, экзамен прошел без сучка без задоринки¹²⁷.

Чистокровным полякам было легче и труднее, чем Лему. С одной стороны, они потеряли страну, которая только-только встала на ноги после 123 лет неволи. Чтобы не попасть в число подозреваемых, они должны были повторять в унисон с пропагандой, что Польша, их родина, – это фашистское государство, «уродливое дитя Версальского договора», которое получило по заслугам. Они должны были отречься от всего, чему их учили двадцать лет – от славной истории легионов, от Варшавской победы, от национальной гордости, – и каяться, смиренно выслушивая обвинения в адрес своей страны от тех, кого до сих пор считали гражданами второго сорта. Неслыханное унижение! Но зато потом, спустя сорок лет, им не надо было кривить душой, умалчивая о своей хорошей жизни при Советах.

Пренебрежительное отношение к нацменьшинствам в довоенной Польше – удел не только эндеков. Это были самые обычные взгляды для тридцатых годов, когда евгеника считалась перспективной областью знания, а сегрегация – подходящим способом наладить мирное сосуществование представителей разных народов и рас. Когда в 2007 году нобелевский лауреат

¹²³ В этой книге имеются и другие пересечения с рассказами Лема о том времени: ироничное переименование Сикстуской (ныне улица Петра Дорошенко) в улицу «Давай назад», подтрунивание над красноармейцами, твердившими, что в СССР «всё есть», урюк – как новое для львовян лакомство (правда, Стрыйковский попробовал этот сухофрукт лишь в Средней Азии, а Лем утверждал, что его продавали уже во Львове). Напрашивается предположение, что Лем вплетал прочитанное у Стрыйковского в свои воспоминания.

¹²⁴ *Tako rzecze...* S. 20–21, 23–24.

¹²⁵ Орлиньский В. Указ соч. С. 68; *Hnatiuk O.* *Op. cit.* S. 83.

¹²⁶ *Tako rzecze...* S. 17, 23.

¹²⁷ *Świat na krawędzi...* S. 39.

по физиологии и медицине Джеймс Уотсон во всеуслышание заявил, что у белых и черных интеллект разного уровня, это не был голос впавшего в маразм старика – он лишь высказал то, что считалось очевидным в годы его молодости. Так его учили, так думало огромное большинство его ровесников. То же самое и с поляками. Математик Вацлав Серпиньский, например, не видел ничего зазорного в том, чтобы язвительно отозваться о словах журналиста Тадеуша Холлендера, который написал в «Сигналах»: «Евреи до недавних пор отстаивали польский дух так же хорошо, как поляки». «Поздравляю! – прокомментировал это Серпиньский в письме другу. – А этот Холлендер – действительно голландец или единовец Гуго?» (Гуго Штейнгауз – польский ученый еврейского происхождения, сотоварищ Серпиньского по математическим посиделкам в Шотландском кафе). В июне 1939 года, отправляясь с друзьями на отдых в пансионат под Львовом, Серпиньский очень беспокоился, точно ли этот пансионат «христианский и добрый»¹²⁸. А графине Каролине Лянцкоронской, возглавлявшей в Университете Яна Казимира кафедру истории искусств, высокое образование не мешало считать, что всеми правами в Польше (включая право на труд и пенсию) могут обладать лишь этнические поляки и что украинцы как юный народ еще не «доросли» до самостоятельного государства. Более того, полякам в принципе, по ее мнению, принадлежала цивилизаторская миссия на креслах, среди пребывающего в первобытной дикости населения¹²⁹.

Далеко не все были столь категоричны. Достаточно вспомнить тех же социалистов и журнал «Сигналы», который в твердыне эндексов имел смелость предоставлять свои страницы еврейским литераторам (хотя бы Бруно Шульцу). Но разразившаяся катастрофа заставила поляков сплотиться, с подозрением глядя на всех вокруг. Это ярко проявилось, например, осенью 1940 года, когда отмечалась 85-я годовщина смерти Адама Мицкевича. Советская власть тогда смягчила свое отношение к полякам и постановила отметить эту дату на высшем уровне, для чего пригласили творческие делегации из Москвы и Киева. Судя по дневниковым записям присутствовавших на мероприятии поляков, отклик у них встретили главным образом выступления соплеменников и русских гостей, а вот украинцы и евреи не вызвали ажиотажа. Но если кто и вызвал, поляки не сочли нужным делать на этом акцент. Социолог Станислав Оссовский, ни разу не эндек, пофамильно перечислил в дневнике поляков, чьи выступления понравились аудитории, упомянул также «одного из русских», а еще некую «артистку еврейского театра». Понятно, что имя советского гостя ему ничего не говорило и запоминать его он не стал. Но вот «артисткой еврейского театра» была знаменитая Ида Каминьская, блиставшая как раз в Варшаве – городе, где до войны жил и Оссовский¹³⁰.

И вот все эти евреи и украинцы, на которых поляки всю жизнь смотрели свысока, теперь оказались в фаворе у власти и клеймили растоптанную Польшу. Как тут не озлобиться? С другой стороны, на фоне нацистского террора поляки в советской зоне оккупации могли счесть, что еще легко отделались. Да, их унижали, ссылали, даже расстреливали, но не стремились превратить в рабов и уничтожить их культуру. «Быть может, русские не казались нам такими страшными, потому что ничего не рушили, – говорил Лем. – Памятник Смольке на площади Смольки и памятник Мицкевичу на площади Мицкевича стоят по сию пору»¹³¹.

Львов в 1939 году превратился в этакий польский «Ноев ковчег». «Никогда прежде в городе одновременно не пребывало столько знаменитостей, которые теперь просто тонули в толпе, превратившись в растерянных и беззащитных людей»¹³². Из-за немецкого нашествия во Львове оказались такие литературные звезды, как Тадеуш Бой-Желеньский и Владислав Бро-

¹²⁸ Hnatiuk O. Op. cit. S. 137. «Холлендер» по-польски значит «голландец».

¹²⁹ Ibid. S. 290, 328–329.

¹³⁰ Ibid. S. 437–438.

¹³¹ Tako gżecze... S. 23. Памятник Франтишеку Смольке снесли в 1946 году, о чем Лем не знал.

¹³² Hnatiuk O. Op. cit. S. 354.

невский, не говоря уже о не столь известных авторах, которые прославились позже, таких, как Юлиан Стрыйковский, Ян Котт, Юлиан Пшибось, Станислав Ежи Лец, Адам Важик, Мечислав Яструн, Александр Ват и многих других. С подачи окончательно принявшей коммунизм Ванды Василевской писателям давали работу в пропагандистских польскоязычных изданиях, где они должны были писать репортажи об успехах социалистического строительства и критиковать буржуазную Польшу. На национальность не смотрели, брали всех, кто привык писать на польском, лишь бы следовали в русле политики партии (поэтому Бруно Шульц, например, пришелся не ко двору). Некоторые принципиально отказывались, считая это позором, – причем не только поляки. Председатель львовского отделения Профсоюза польских писателей, еврей Остап Ортвин, не стал вступать в Союз писателей УССР, как поступили многие, а попытался сохранить старую организацию, к тому же в секретари себе взял Теодора Парницкого, который еще десять лет назад участвовал в антисемитских выступлениях. Разумеется, из этой затеи ничего не вышло, а Парницкий еще и угодил в лагерь.

Автор мелодий для «Веселой львовской волны» Альфред Шютц после присоединения Львова к СССР создал в городе Театр миниатюр, выступавший в кинотеатре «Марысенька» (Лем нередко бывал там, ходил и на представления Театра миниатюр). Основной состав «Львовской волны», включая Хемара, эмигрировал в Румынию, поэтому Шютц собрал новый коллектив из таких же, как сам, беженцев. Режиссером театра стал автор текста к песне «Только во Львове» Эмануэль Шлехтер. Не менее известный автор шлягеров Генрик Варс основал на базе этого театра джаз-банд Tea-Jazz («Театральный джаз»), солистом которого стал едва спасшийся из Варшавы Эугениуш Бодо. С переведенными на русский песнями коллектив Варса совершил турне по СССР, выступил в Одессе, Воронеже, Киеве, Ленинграде, а затем отправился во второй вояж – уже по Средней Азии. Успех был такой, что кинорежиссер Михаил Ромм предложил Варсу написать музыку к фильму «Мечта» об освобождении «трудящихся масс Западной Украины» от «польского ига». Варс написал, а Tea-Jazz сыграл ее для фильма. Ромм закончил монтаж к июню 1941 года, но из-за начавшейся войны и восстановления отношений с польским правительством фильм стал неуместен и лег на полку. В 1943 году, после вторичного разрыва отношений с польским руководством, его достали оттуда и пустили в прокат. Одновременно у Ромма арестовали двоюродного брата, тоже Михаила Ромма – футболиста и спортивного журналиста, – которому дали восемь лет лагерей за антисоветские настроения. Так судьба пропагандистского фильма, снятого одним из ведущих режиссеров эпохи, уложилась в промежуток между репрессиями против родных этого режиссера. А Варс и его оркестр тем временем уже играли для эвакуировавшейся из СССР польской армии Андерса. В 1944 году, находясь в Италии, они исполнили новый хит на музыку Шютца – «Красные маки на Монте-Кассино», – прославивший штурм укрепленного монастыря польскими солдатами.

Летом 1940 года отношение советской власти к полякам изменилось в лучшую сторону. После внезапно быстрого разгрома Франции Москва, видимо, поняла, что война с Германией неизбежна, а значит, поляки могут пригодиться¹³³. В этом Лаврентия Берия еще в феврале убеждал арестованный польский генерал Мариан Янушайтис-Жегота, а затем – эмиссар командующего польским боевым подпольем Станислав Пстроконьский, схваченный в июне 1940 года¹³⁴. Сыграла, видимо, свою роль и беседа Сталина с Вандой Василевской 28 июня 1940 года. До того страх перед депортацией был так силен, что польские интеллигенты готовы были даже сбежать на немецкую сторону (некоторые так и поступили – например, Лянцкоронская)¹³⁵. Не чувствовали себя спокойно и лояльные писатели. После ареста в январе 1940 года группы авторов «Червоного штандара» перепуганный поэт-авангардист Ежи Путрамент выступил с

¹³³ Милевский Я. Е. Указ. соч. С. 73.

¹³⁴ Ильюшин И. И. Указ. соч. С. 382, 393.

¹³⁵ Hnatiuk O. Op. cit. S. 163.

идеей опубликовать коллективное заявление с решительным осуждением схваченных «предателей и провокаторов». Идею не поддержала даже Василевская, а Путрамент быстро успокоился, дав понять, что обезопасил себя. В то время это означало вербовку в НКВД. «И не было в этом никакой продажности, – комментировал спустя годы свидетель тех событий, – никакого предательства или другого вида капитуляции. Психологически это был скорее, как мне кажется, перелом в пользу трезвости: холодная эйфория понимания „великой истории“, готовность пожертвовать во имя нее остатками „мещанских предрассудков“ и готовность заранее принять любые жертвы, каких она потребует. Так закалялась сталь»¹³⁶. Похожее озарение постигнет вскоре и Лема.

В августе 1940 года группу польских математиков пригласили в Москву, чтобы заключить договоры на переводы и издание написанных ими учебников. Среди этих математиков оказался геометр Казимир Бартель, в прошлом неоднократно занимавший пост премьер-министра. Это породило слух, будто ему предложили сформировать польское правительство под эгидой советских властей, хотя ничего подобного не было¹³⁷. Однако сам визит свидетельствовал о начавшемся потеплении в отношениях с поляками. Вскоре в Гродно был открыт Музей польской литературы им. Элизы Ожешко, появилась газета Белорусской ССР на польском языке, в ноябре с большой помпой прошли памятные мероприятия в честь Мицкевича, в Новогрудке появился его музей, а в Кременце – музей Юлиуша Словацкого. Тогда же под Москвой была собрана группа польских офицеров, согласившихся сотрудничать с советской властью (и благодаря этому избежавших расстрела). В том же месяце генерала Владислава Андерса, которого с сентября 1939 года держали в разных тюрьмах, вдруг перевели на лучшее содержание из Бутырок на Лубянку. Во внутриведомственных советских документах прежний антипольский курс теперь осуждался¹³⁸. Зазвучали предположения, что полякам даже могут предоставить автономию как одному из нацменьшинств. В качестве места для такой автономии рассматривалась Белостокская область.

Но тут разразилась советско-германская война.

---

¹³⁶ Bikont A., *Szczęсна J.* Op. cit. S. 20.

¹³⁷ Hnatiuk O. Op. cit. S. 219–221.

¹³⁸ Machcewicz P. *Wokół Jedwabnego // Wokół Jedwabnego. Studia. T. I / Pod red. P. Machcewicza i K. Persaka.* Warszawa, 2002. S. 37.

Холокост

– Ужас! Ужас!
Д. Конрад «Сердце тьмы»

Одной из основных тем польской литературы XIX – начала XX века была борьба за независимость. К ней обращались почти все писатели и поэты, чьи произведения вошли потом в школьную программу. Тем удивительнее, что культовым писателем участников антифашистского сопротивления стал человек, не только игнорировавший в своем творчестве этот мотив, но даже не писавший по-польски, – Джозеф Конрад (Юзеф Теодор Конрад Кожаневский). Этот уроженец Бердичева почти всю жизнь провел в Великобритании и не верил, что Польша вернет себе свободу. Однако его романы «Лорд Джим» и «Сердце тьмы» поразили сердца варшавских повстанцев 1944 года, дав им примеры того, как следует воспитывать волю и стойчески принимать вызовы судьбы¹³⁹. В свою очередь Лему понравилось высказывание Конрада о миссии литературы как «воздаянии справедливости видимому миру». Эту фразу, взятую из предисловия Конрада к собственной повести «Негр с „Нарцисса“», Лем цитировал в письмах, статьях и интервью¹⁴⁰.

Отличие Лема от польских подпольщиков состояло в том, что последние хотя бы имели возможность умереть, сражаясь. Евреи при нацистах были лишены и этого шанса: их просто забивали в лагерях смерти, как скот, а успевшие скрыться боялись показать нос на улицу, где любой человек мог их убить на месте или сдать в руки оккупационных властей.

22 июня 1941 года Львов бомбили, и сразу же на окраинах появились оуновцы, заброшенные с немецкой стороны. Зазвучала стрельба, усилившаяся 24 июня, когда началась эвакуация гражданского персонала, а через город в сторону линии фронта потянулся 8-й механизированный корпус Дмитрия Рябышева: украинцы стреляли из Высокого Замка, Лычаковского парка, газораспределительных станций, трамвайного депо и костелов в центральной части Львова. Одновременно попытались вырваться на свободу заключенные тюрем в Бригидках и на улице Лонцкого (теперь Карла Брюллова). Военная комендатура приказала жителям центра города закрыть окна, выходившие на площади и главные улицы. По Львову разъезжали грузовики с солдатами, палившими без предупреждения по открытым окнам. Заместитель по снабжению командующего Львовским пограничным округом Николай Антипенко, не в силах вывезти военное имущество из-за отсутствия вагонов, взялся раздавать на перекрестках проходящим войскам летнее обмундирование и кожаную обувь, а все остальное (прежде всего зимнюю одежду) облил бензином и сжег¹⁴¹. «Тогда мы первый раз увидели панику русских и их массовое бегство, – вспоминал Лем. – Смирнов тоже убежал. Не могу сказать, что я огорчился по этому поводу. Громады советских танков желто-песчаного цвета, с развернутыми назад дулами, катились по Грудецкой улице, которую тогда прозвали „Давай назад“»¹⁴². 25 июня в центре города развернулись облавы, все подозрительные лица расстреливались на месте. В тот же день во исполнение приказа Берии, отданного 24 июня, началось уничтожение арестованных по политическим статьям, которых не успевали эвакуировать. Массовые расстрелы сначала производились в тюремных дворах и подвалах, но, когда немцы приблизились к городу,

¹³⁹ Samsel K. Dla Polaków Joseph Conrad nie istnieje poza «Jądrem ciemności» i «Lordem Jimem» // Исторический портал Dzieje.pl – URL: <https://dzieje.pl/kultura-i-sztuka/dr-k-samsel-dla-polakow-joseph-conrad-nie-istnieje-pozajadrem-ciemnosci> (проверено 09.12.2021).

¹⁴⁰ Например, здесь: Моим читателям // Лем С. Мой взгляд на литературу / Пер. В. Язневича. М., 2009. С. 14.

¹⁴¹ Первые дни войны во Львове (22–29 июня 1941 года) // Живой журнал – URL: <https://zalizyaka.livejournal.com/404880.html> (проверено 09.12.2021).

¹⁴² Tako rzeczy... S. 24.

бойцы НКВД принялись убивать прямо в камерах, нередко просто швыряя туда гранаты. Уничтожали как мужчин, так и женщин, как поляков, так и украинцев с евреями, как военных, так и гражданских. Погибли 2464 человека (по другим данным – 4140)¹⁴³. Среди них оказались, например: доцент Львовского университета, ларинголог Казимир Шумовский и член Апелляционного суда Владислав Фургалский, архитектор Адам Козакевич и адвокат Антоний Конопакский, бывший сенатор-сионист Михал Рингель и украинский депутат Сейма Михаил Струтинский, директор Медицинского института Евстахий Струк и член руководства Центросоюза Орест Радловский. В Киеве по предложению Хрущева были расстреляны Кирилл Студинский и Петр Франко – сын Ивана, депутат Верховного совета УССР¹⁴⁴. Попал в лагерь как украинский националист ректор Львовского университета Михаил Марченко. На четвертый день войны во Львове схватили Эугениуша Бодо, у которого советские органы власти при рассмотрении заявления на выезд в США обнаружили швейцарское гражданство и, разумеется, заподозрили в шпионаже. Денди, баловень судьбы, Бодо попал в тюрьму, где просидел два года без всякого обвинения. А когда его участием заинтересовалось польское посольство, был отправлен в лагерь под Котласом, где и умер от истощения 19 июня 1943 года¹⁴⁵.

За советскими расправами покатила волна еврейских погромов. Летом 1941 года вихрь массовых убийств евреев пронесся по всей полосе их проживания – от Ясс до Вильнюса. Местное население таким образом вымещало свою злобу на советскую власть. В расправах участвовали родственники жертв репрессий; беглецы от депортаций; должники, не желавшие возвращать деньги некогда богатым евреям (утратившим достаток вследствие национализации), и просто антисемиты. Убийствам зачастую предшествовали издевательства и глумление. С подачи гестаповцев и бойцов СС евреев сгоняли в одно место (как правило, на рыночную площадь), избивали, срывали одежду, заставляли чистить зубными щетками мостовую или собирать руками навоз. В Райгроде из них сформировали колонну и дали впереди идущему красный флаг, после чего всех погнали к расстрельному рву. В Радзислове евреев заставляли хором исполнять песню «Москва моя». Эту же песню заставляли петь и львовских евреев, которые, кроме того, вынуждены были хором кричать «Мы хотим Сталина!». Все это снимали немцы, показывая, как «освобожденные» ими люди радуются уходу большевиков (в точности как большевики ранее снимали пропагандистские фильмы о ликовании украинцев и белорусов от падения «фашистской Польши»)¹⁴⁶.

«В 1941–1942 годах многим казалось, что русские страшно получают по жопе и убегут за Урал. Но мы в это не верили», – рассказывал Лем Бересю¹⁴⁷. Ранним утром 30 июня во Львов вошел разведбатальон абвера «Нахтигаль», состоявший из украинцев. В городе уже не было советских войск, украинцы заняли ратушу, собор Святого Юра и тюрьмы, где обнаружили горы разлагавшихся тел (среди убитых был и брат Романа Шухевича, служившего в «Нахтигале» заместителем командира). Днем возле собора Святого Юра начался набор в украинскую милицию, которая на следующий день принялась хватать на улице евреев и отправлять их на

¹⁴³ Литвин Н., Науменко К. Львов и Вторая мировая война. Ч. 1 // Специализированный интернет-портал «История Львова» – URL: <http://history.lviv.ua/index.php/ru/lvov-v-voinah/29-ii-mirovaya-vojna/162-lvov-i-vtoraya-mirovaya-vojna> (проверено 09.12.2021); Деревьянский И. Расстрелы заключенных в июне – июле 1941 года. Как это было (ФОТО) // Аргумент. 25.09.2021 – URL: <http://argumentua.com/stati/rasstrely-zaklyuchennykh-v-iyune-iyule-1941-goda-kak-eto-bylo-foto> (проверено 09.12.2021).

¹⁴⁴ «Расстрелян за националистическую деятельность...»: таємниця смерті Петра Франка // історична правда. 14.09.2020 – URL: <https://www.istpravda.com.ua/articles/2020/09/14/158111/> (проверено 09.21.2021).

¹⁴⁵ Ганчак Ф. Эугениуш Бодо. Звезда польского кино, погибшая в советском лагере // Новая Польша. 28.10.2021 – URL: <https://nowayapolsha.pl/article/eugeniush-bodo-zvezda-polskiego-kino-pogibshaya-v-sovetskom-lagere> (проверено 09.12.2021).

¹⁴⁶ Machcewicz P. Wokół Jedwabnego... S. 39–44; Львівський погром 1941-го: Німці, українські націоналісти і карнавальна юрба // історична правда. 20.12.2021 – URL: <https://www.istpravda.com.ua/research/2012/12/20/93550/> (проверено 11.21.2021).

¹⁴⁷ Tako rzecze... S. 24.

вынос трупов, чтобы перевезти тела на Яновское кладбище¹⁴⁸. Одним из схваченных оказался и Лем, чья квартира находилась в двух шагах от тюрьмы Бригидки.

«Неизвестно, кто поджег Бригидки, – вспоминал Лем. – Может, немцы, но скорее Советы. Стены тюрьмы были очень толстые, поэтому горели плохо. В подвалах штабелями лежали трупы. Я туда заглянул. Жуткое зрелище. Поскольку стояла июльская жара, тела разбухли до невероятных размеров. А потом сразу приехала какая-то немецкая кинохроника РКВ Berichte, и я предпочел не участвовать в этом спектакле»¹⁴⁹. Так он рассказал Бересю в 1982 году. А вот что с ним произошло на самом деле: «Его схватили на улице вместе с другими случайными прохожими; их расстреливали группами во дворе недавно разбомбленной тюрьмы, одно крыло которой еще горело <...> Столпившись у стены, которая грела им спины, как громадная печь, они не видели самой экзекуции – место казни загораживала полуразрушенная стена; одни впали в странное оцепенение, другие пытались спастись самыми безумными способами. Раппопорту запомнился молодой человек, который, подбежав к немецкому жандарму, начал кричать, что он не еврей, но кричал он это по-еврейски (на идише), видимо, не зная немецкого языка. Раппопорт ощутил сумасшедший комизм ситуации; и тут всего важнее для него стало сберечь до конца ясность сознания – ту самую, что позволяла ему смотреть на эту сцену с интеллектуальной дистанции. Однако для этого необходимо было <...> найти какую-то ценность вовне, какую-то опору для ума; а так как никакой опоры у него не было, он решил уверовать в перевоплощение, хотя бы на пятнадцать – двадцать минут, этого ему бы хватило. Но уверовать отвлеченно, абстрактно не получалось никак, и тогда он выбрал среди офицеров, стоявших поодаль от места казни, одного, который выделялся своим обликом <...> Это был бог войны: молодой, статный, высокий; серебряное шитье его мундира словно бы поседело или подернулось пеплом от жара. Он был в полном боевом снаряжении: „Железный крест“ у воротника, бинокль в футляре на груди, глубокий шлем, револьвер в кобуре, для удобства сдвинутый к пряжке ремня; рукой в перчатке он держал чистый, аккуратно сложенный платок, который время от времени прикладывал к носу – экзекуция шла уже давно, с самого утра, пламя успело подобраться к ранее расстрелянным, которые лежали в углу двора, и оттуда разило жарким смрадом горящих тел. Впрочем – и об этом не забыл Раппопорт, – сладковатый трупный запах он уловил лишь после того, как увидел платок в руке офицера. Он внушил себе, что в тот миг, когда его, Раппопорта, расстреляют, он перевоплотится в этого немца. Он прекрасно сознавал, что это совершенный вздор с точки зрения любой метафизической доктрины, включая само учение о перевоплощении, ведь „место в теле“ было уже занято. Но это как-то ему не мешало – напротив, чем дольше и чем более жадно всматривался он в своего избранника, тем упорнее цеплялось его сознание за нелепую мысль, призванную служить ему опорой до последнего мига; тот человек словно бы возвращал ему надежду, нес ему помощь. Хотя Раппопорт и об этом говорил совершенно спокойно, в его словах мне почудилось что-то вроде восхищения „молодым божеством“, которое так мастерски дирижировало всей операцией, не двигаясь с места, не крича, не впадая в полупьяный транс пинков и ударов, – не то что его подчиненные с железными бляхами на груди. Раппопорт вдруг понял, почему они именно так и должны поступать: палачи прятались от своих жертв за стеной ненависти, а ненависть не могли бы разжечь в себе без жестокостей и поэтому колотили евреев прикладами; им нужно

¹⁴⁸ Литвин Н., Науменко К. Указ. соч. Сохранилось множество еврейских свидетельств, что именно украинская милиция стогнала евреев на вынос тел. Украинские мемуаристы об этом молчат. Воспоминания – это всегда дистиллят, пропущенный через фильтр жизненных представлений и требований эпохи: то, что не вписывается в текущую повестку, отсекается. Например, Лариса Крушельницкая – ученая, археолог, у которой сотрудники НКВД расстреляли отца и деда, – запомнила, как радовались люди, когда с Главпочтамта снимали портрет Сталина. А еврейка, наблюдавшая это в десятилетнем возрасте, описывала то же самое так: «Перед почтой стояли люди с лопатами, а украинцы били их и кричали: „Юде! Юде!“» Важно, однако, отметить, что погромщиками во Львове выступали не только украинцы, но и поляки. См.: Німці, українські націоналісти і карнавальна юрба...

¹⁴⁹ Tako rzecze... S. 25–26.

было, чтобы кровь текла из рассеченных голов, коркой засыхая на лицах, превращая их в нечто уродливое, нечеловеческое и тем самым – повторяю за Раппопортом – не оставляя места для ужаса или жалости. Но молодое божество в мундире, обшитом пепельно-сизой серебристой тесьмой, не нуждалось в подобных приемах, чтобы выполнять свои обязанности безупречно. Оно стояло на небольшом возвышении, поднеся к носу белоснежный платок <...> В воздухе плавали хлопья копоты, гонимые жаром, – ведь рядом, за толстыми стенами, в зарешеченных окнах без стекол ревел огонь, – но ни пятнышка сажи не было на офицере и его белоснежном платке. Захваченный таким совершенством, Раппопорт забыл о себе; тут распахнулись ворота, и во двор въехала группа кинооператоров. Кто-то скомандовал по-немецки, выстрелы тотчас смолкли. Раппопорт так и не узнал, что произошло. Быть может, немцы собирались заснять груды трупов для своей кинохроники, изображающей бесчинства противника (дело происходило в ближнем тылу Восточного фронта). Расстрелянных евреев показали бы как жертв большевистского террора. Возможно, так оно и было – но Раппопорт ничего не пытался объяснить, он только рассказывал об увиденном. Сразу же вслед за тем его и постигла катастрофа. Всех уцелевших аккуратно построили в ряды и засняли. Потом офицер с платочком потребовал одного добровольца. И вдруг Раппопорт понял, что должен выйти вперед. Он не мог бы объяснить почему, но чувствовал, что, если не выйдет, с ним произойдет что-то ужасное. Он дошел до той черты, за которой вся сила его внутренней решимости должна была выразиться в одном шаге вперед – и все же не шелохнулся. Офицер дал им пятнадцать секунд на размышление и, повернувшись спиной, тихо, словно бы нехотя, заговорил с одним из своих подчиненных. Раппопорт был доктором философии, автором великолепной диссертации по логике, но в эту минуту он и без сложных силлогизмов мог понять: если никто не вызовется, расстреляют всех, так что вызвавшийся, собственно, ничем не рискует. Это было просто, очевидно и достоверно. Он снова попытался заставить себя шагнуть, уже безо всякой уверенности в успехе, и снова не шелохнулся. За две секунды до истечения срока кто-то все-таки вызвался и в сопровождении двух солдат исчез за стеной. Оттуда послышались несколько револьверных выстрелов; потом молодого добровольца, перепачканного собственной и чужой кровью, вернули в шеренгу. Уже смеркалось, когда открыли огромные ворота и уцелевшие люди, пошатываясь и дрожа от вечернего холода, высыпали на пустынную улицу. Сперва они не смели убежать – но немцы больше ими не интересовались. Раппопорт не знал почему; он не пытался анализировать действий немцев; те вели себя словно рок, чьи прихоти толковать бесполезно. Вышедшего из рядов человека – нужно ли об этом рассказывать? – заставляли переворачивать тела расстрелянных; недобитых пристреливали из револьвера»¹⁵⁰.

Это отрывок из повести «Глас Господа», которую в СССР уклончиво именовали «Гласом неба», а указанного фрагмента не публиковали вовсе. Лем описал в ней то, что пережил 2 июля во дворе тюрьмы Бригидки, но умолчал о двух вещах: о том, что полдня таскал из подвала трупы и что двор окружало скопище горожан, жаждущих разорвать евреев на месте. Трудно даже вообразить, что чувствовал отпрыск благополучной буржуазной семьи, вынужденный на глазах кровожадной толпы вытаскивать из подвала разлагающиеся тела. Смерд стоял такой, что иные немцы надевали противогазы (это видно на одной из фотографий), а внутрь и не думали соваться. Пока мужчины работали в подвале, женщины должны были омыwać трупы, целовать их руки (!), и все это – под аккомпанемент оскорблений, плевков и ударов палками. Никто из евреев не чаял уйти оттуда живым. То, что Лема со товарищи поздно вечером отпустили, было настоящим чудом, и это чудо заставляло его всю жизнь задаваться вопросом о роли случайности в истории.

¹⁵⁰ Лем С. Глас Господа // Лем С. Возвращение со звезд. Глас Господа. Повести / Пер. А. Громовой, Р. Нудельмана, К. Душенко. М., 2003. С. 399–402.

Но пока ему было не до вопросов. 20-летний студент, которого родители боялись отпустить на экскурсию в Париж, полдня, измазанный в человеческой крови и потрохах, ворочал раздувшиеся трупы, а на его глазах убивали людей. Одна из польских свидетельниц событий, сама антисемитски настроенная, написала, что увидела 1 июля в окрестностях Бригидок: «Евреев вытаскивали из квартир и гнали к тюрьме. Бегущих, их лупили палками куда попало: по голове, лицу, спине, ногам. Они падали, поднимались и бежали дальше, залитые кровью. Один из них не бежал. Был весь в крови. Избивали его жестоко. Не знаю, дошел ли он до тюрьмы. Я вернулась домой»¹⁵¹.

Видимо, сразу после этого (а может, после второго погрома 25–27 июля, известного как «дни Петлюры») родители Лема перебрались на старую квартиру дяди Фрица, располагавшуюся по соседству с правлением еврейской общины на улице Бернштейна (ныне Шолома-Алейхема). Сам Фридерик жил в то время со второй женой на улице Костюшко, возле Поиезуитского сада, а на прежней квартире держал канцелярию. Можно предположить, что и Фридерик тоже после всех этих событий вряд ли мог оставаться на квартире в самом центре города.

Члены ОУН уже 30 июня расклеили по всему городу листовки «Украина для украинцев»¹⁵², а вечером в зале общества «Просвита» заместитель Бандеры, Ярослав Стецько, созвал Украинское национальное собрание, которое с благословения митрополита Шептицкого провозгласило Украинское государство. Самого Бандеру немцы не выпустили из Кракова, поэтому правительство сформировал Стецько – интегральный националист, как и многие другие члены ОУН¹⁵³. Первым замом Стецько стал Мариан Панчишин, занявший также пост министра здравоохранения. Возможно, именно благодаря наличию столь важного знакомого Лемы уцелели во время двух июльских погромов, сопровождавшихся массовыми расстрелами еврейской интеллигенции, учиненными немцами. Тогда погибли Генрик Хешелес, Гецель Вольнер и, видимо, племянник Хемара (сын его сестры Марии) Мечислав, которого хорошо знал Лем (правда, в «Высоком Замке» он почему-то написал, что того убили в Варшаве¹⁵⁴). Правительство Стецько, впрочем, немцы почти сразу разогнали, но Панчишин возглавил клинику бывшего Медицинского института (упраздненного оккупантами), что обеспечило ему некоторое влияние и связи. Высокий пост занял и гимназический учитель Лема, Лука Турчин, ставший заместителем председателя Украинского центрального комитета, образованного после ликвидации немцами правительства Стецько. А начальником новой украинской полиции, уже напрямую подчиненной немцам, стал бывший шеф охраны Пилсудского, Владимир Питуллей, никакого отношения к ОУН не имевший¹⁵⁵.

Немцы, как до них большевики, ставили во Львове на украинцев. Поляки, немалая часть которых радовалась изгнанию коммунистов, быстро поняли, что немцы еще хуже: уже 4 июля, едва в городе утих первый погром, айнзацгруппа Карла Шёнгарта по заранее составленному оуновцами списку арестовала и расстреляла сорок польских профессоров, а затем до окончания июля – еще шестерых. Среди прочих погибли: последний из плеяды «Молодой Польши»

¹⁵¹ Цит. по: *Gajewska A. Stanisław Lem... S. 133–134.*

¹⁵² Львівський погром 1941-го: Німці, українські націоналісти і карнавальна юрба...

¹⁵³ О том, что идеология ОУН следовала в русле нацизма и фашизма, прямо говорил глава Украинского краевого комитета Кость Панківський, который критиковал Бандеру за разрыв с немцами. См.: Львівський погром 1941-го: Німці, українські націоналісти і карнавальна юрба...

¹⁵⁴ Лем С. Высокий Замок... С. 205–206. О смерти дяди Гецеля Лем рассказал в интервью Т. Фиалковскому: «Сразу после вторжения немцев забрали моего дядю, младшего брата матери. Это произошло тогда же, когда схватили профессоров, хотя он был обычный врач <...> Моя мать очень его любила и не верила, что он погиб. Долго твердила после войны, что он где-то живет и скоро найдется, хотя все знали, что это невозможно» (*Świat na krawędzi... S. 42*).

¹⁵⁵ Официально она называлась «Украинская вспомогательная полиция». Сам Лем, как видно из второй части трилогии «Неутраченное время» и из его интервью, по инерции называл эту полицию милицией. То же самое относится к «еврейской милиции», официально именовавшейся «Еврейская служба охраны порядка». Я везде называю сотрудников этих структур полицейскими, хотя Лем звал их милиционерами.

Тадеуш Бой-Желеньский; его тесть, профессор Клиники внутренних болезней и депутат львовского горсовета Ян Грек, с женой Марией (музой «Молодой Польши», послужившей прообразом одной из героинь «Свадьбы» Выспяньского); бывший премьер Казимир Бартель; глава кафедры математики Львовского университета Антоний Ломницкий; бывший ректор университета Роман Лонгшам де Берье с тремя сыновьями, а еще – многострадальный Роман Ренцкий, который все полтора года советской власти просидел в Бригидках и чудом сумел сбежать накануне прихода немцев.

Против украинской интеллигенции Львова таких репрессий не проводилось. Наоборот, немало деятелей, игравших видную роль при большевиках, сохранили высокий статус и при нацистах. Это не означало наделения украинцев какими-то политическими правами (все, кто так думал, быстро оказались в лагере, как те же Стецько с Бандерой, а то и вовсе в земле), но все же украинская кенкарта (удостоверение личности в Третьем рейхе) позволяла рассчитывать на большой паек, давала возможность обучения в Германии и даже разрешала иметь радио (поляку за это полагалась смерть). «Для украинцев, прибывавших из Киева, то есть из рейхскомиссариата Украина, права, какими пользовались их соплеменники в дистрикте Галиция, тоже были неожиданностью: несмотря на официально существовавшую и действовавшую немецкую власть, Львов жил как настоящий украинский город <...> В то самое время, когда во Львове в рамках Украинского краевого комитета работало множество отделов, выполнявших функции творческих объединений, в Киеве любые объединения и собрания были запрещены»¹⁵⁶.

Украинский коллаборационизм крепко засел у Лема в памяти. Теперь странно было вспомнить, что двадцатью годами раньше львовских евреев подозревали в симпатиях к украинцам: в ноябре 1918 года польские солдаты и местные эндеки учинили им масштабный погром, обвинив в поддержке ЗУНР. Ныне именно украинцы наводили ужас на евреев. «Украинское меньшинство Львова сильно симпатизировало немцам, видя в них надежду на украинскую государственность и рассчитывая на то, что независимая Украина сможет взять себе Львов <...> – написал Лем шестьдесят лет спустя. – Это был период внутренних конфликтов, поскольку немецкие власти District Galizien при формировании полиции дали преимущество украинцам»¹⁵⁷. В интервью Бересю Лем вспоминал, что боялся поздно вечером возвращаться с работы (хотя имел ночной пропуск), так как его могли застрелить украинские полицейские¹⁵⁸. В «Больнице Преображения», даром что действие происходит в 1940 году, психически больных уничтожают не только немцы, но и украинцы, причем эти последние изображены даже более лютыми, чем солдаты рейха: «Вас теперь будут только охранять, чтобы наши украинцы ничего такого вам не причинили, – говорит немецкий офицер врачу-фольксдойчу. – Они, знаете, прямо крови жаждут, словно собаки <...> Их приходится кормить сырым мясом»¹⁵⁹. А в «Истории о высоком напряжении» один из героев разоблачает бывшего украинского обер-ефрейтора, хотя действие там разыгрывается совсем не на креслах и куда уместнее выглядел бы скрывающийся фольксдойч.

Лучшим спасением для евреев было обзавестись кенкартой – в идеале украинской. «Формально приобрести кенкарту можно было в комитете помощи – польском или украинском, – который выдавал подтверждение подлинности свидетельства о рождении. Более быстрым, но рискованным способом было подделать кенкарту»¹⁶⁰. Лему удалось раздобыть армянское свидетельство о крещении на имя Яна Донабидовича. По его словам, это произошло после того, как он укрыв на своей работе еврея, а работал Лем в то время на фирму по сбору вторсырья

¹⁵⁶ Hnatiuk O. Op. cit. S. 465.

¹⁵⁷ Lem S. Życie w próżni // Tygodnik Powszechny. 31.08.2003.

¹⁵⁸ Tako rzeczce... S. 29.

¹⁵⁹ Лем С. Больница Преображения // Лем С. Собрание сочинений. Т. 12, дополнительный / Пер. Л. Ермонского и М. Игнатова. М., 1995. С. 170.

¹⁶⁰ Hnatiuk O. Op. cit. S. 548.

«Кремин и Вольф» (Rostofferfassung). По более позднему свидетельству жены Лема, Барбары, новыми документами он обзавелся уже осенью 1941 года¹⁶¹. Однако, по воспоминаниям Курта Левина – сына львовского раввина, убитого немцами во время первого июльского погрома (сам он, как и Лем, таскал из Бригидок трупы и тоже был отпущен), – спрос на арийские документы возник только летом 1942 года. До того сохранялась надежда, что евреев, хоть и лишенных всех прав, не станут уничтожать подчистую. А затем польские железнодорожники разнесли информацию о Белжецком концлагере смерти, так что в августе 1942 года о нем знали уже все¹⁶².

Несомненно одно: осенью 1941 года Лем уже работал в «Кремине и Вольфе». В бюро этой фирмы отсиживались богатые евреи, которые хорошо платили Виктору Кремину за документы. У Лемов столько денег не было, поэтому будущий писатель устроился на неквалифицированную работу: за 5 злотых в день собирал по городу железный лом и потом в гараже разрезал его на части. «Работали в страшных условиях: зимой – в неотапливаемом ангаре с большим бетонным полом, – вспоминал Лем. – В картеры двигателей мы заливали использованную смазку и поджигали ее, чтобы немного согреться. Я ходил в комбинезоне, весь в масле, черный как негр»¹⁶³. Трудились не только в ангаре, периодически выезжали в места летних сражений под Грудком Ягеллонским и Равой Русской, резали сожженные танки. Часть подбитой техники немцы доставляли во Львов, сваливая ее на территории Восточной ярмарки, в Стрыйском парке. Лем вспоминал, что благодаря этому узнал о советско-германском сотрудничестве накануне войны: «<...> Я работал механиком в немецких мастерских, и нас возили на грузовиках в те места, где прежде был Восточный рынок, а тогда (осенью 1941 года. – В. В.) находился так называемый Beuterpark der Luftwaffe, то есть склад трофеев немецкой авиации. В частности, там стояли советские военные самолеты и были собраны детали к ним. Поскольку я любил что-нибудь мастерить, то выкрутил несколько шарикоподшипников, на которых с изумлением обнаружил надпись „Made in Germany“»¹⁶⁴.

В разговоре с Бересем Лем говорил, что не только выкручивал детали советских самолетов, но и прятал их под лестницей в ангаре – «частично для высших целей, а частично для себя, так как у меня была ментальность крысы или кота». Под «высшими целями» он разумел, должно быть, контакты с какой-то антинацистской организацией, которой доставлял «мешочки с порохом» – причем не из патриотических соображений, а просто «из любопытства» (вроде того, как раньше «играл» с НКВД)¹⁶⁵.

Лем не знал названия организации, которой помогал (а ему якобы даже поручили составлять антигитлеровские листовки на немецком языке), но это не удивительно: в случае провала не смог бы никого выдать. Его приятель Владислав Бартошевский, с которым Лем делился воспоминаниями об оккупации, не сомневался, что речь шла об Армии Крайовой (АК), возникшей в феврале 1942 года после слияния всех подпольных структур, признававших правительство Сикорского¹⁶⁶.

«Один шантажист мог за год выдать несколько сотен евреев, – говорил Лем Бересю. – А сколько нужно было поляков, чтобы спрятать хотя бы одного? Я разговаривал как-то об этом с Владеком Бартошевским, который стоял во главе „Жеготы“¹⁶⁷. Знаете, что он мне сказал? Чтобы спасти одного еврея в Generalgouvernement, нужно было создать сеть из восьми или

¹⁶¹ Tako rzeczy... S. 28–29; Gajewska A. Stanisław Lem... S. 138.

¹⁶² Gajewska A. Stanisław Lem... S. 143.

¹⁶³ Świat na krawędzi... S. 44

¹⁶⁴ Лем С. Мое чтение / Пер. В. Волобуева // Лем С. Раса хищников. М., 2008. С. 10.

¹⁶⁵ Орлинский В. Указ. соч. С. 92–93; Tako rzeczy... S. 27.

¹⁶⁶ Mój przyjaciel pesymista. Z Władysławem Bartoszewskim rozmawiają Paweł Goźliński i Jarosław Kurski // Stanisław Lem. Dzieła. T. XVI. Sknocony kryminał. Warszawa, 2009. S. 190.

¹⁶⁷ Ошибка Лема, Бартошевский никогда не возглавлял «Жеготу». Он входил в ее президиум и был заместителем шефа Отдела по делам евреев при Представительстве правительства в стране.

десяти арийцев, то есть поляков. Не забываем, что в ГГ немцы убивали людей даже за то, что они подали еврею стакан воды. Этого больше нигде в Европе не было. Может быть, так же тяжело было в России. У меня было несколько знакомых евреев, поэтому я ходил в гетто, уговаривал их сбежать, но, честно говоря, шансы на спасение были микроскопические. Им нигде было спрятаться»¹⁶⁸.

«Жегота» – общеупотребительное название Совета помощи евреям при Представительстве («делегатуре») правительства Польши в стране. Совет возник 4 декабря 1942 года на базе созданного в сентябре Временного комитета помощи евреям им. Конрада Жеготы. Этот комитет основала католическая писательница Зофья Коссак-Щуцкая на пару с социалисткой Вандой Крахельской. Имя Конрада Жеготы было заимствовано из третьей части поэмы Мицкевича «Дядя» и должно было сбить с толку немцев. 11 августа 1942 года, в разгар «большой акции» по вывозу жителей Варшавского гетто в концлагерь Треблінка, Коссак-Щуцкая втайне распечатала и распространила в польской столице пять тысяч листовок, в которых описывала ужасную участь польских евреев (уже, впрочем, известную миру благодаря АК, передавшей в Лондон информацию от группы «Онег Шабат» Эммануэля Рингельблюма) и призывала соотечественников, руководствуясь заповедью любви к ближнему, оказать им всю возможную помощь: «Кто не осуждает, тот позволяет. Поэтому поднимаем голос мы, католики-поляки. Наши чувства к евреям не изменились. Мы не перестали считать их политическими, экономическими и идейными врагами Польши. Более того, мы отдаем себе отчет, что они ненавидят нас сильнее, чем немцев, и что возлагают на нас ответственность за свое горе. Почему, на каком основании – это останется тайной еврейской души, но факт этот постоянно подтверждается. Осознание этих чувств, однако, не избавляет нас от необходимости осудить преступление. Мы не хотим быть Пилатами <...> Бог требует от нас протестовать, Бог, который велел не убивать»¹⁶⁹. Вот с такой-то женщиной и сотрудничал Бартошевский. Сначала – в рамках основанной ею конспиративной организации Фронт возрождения Польши, а затем – в «Жеготе» (где состояла и знаменитая Ирена Сендлерова).

До Львова «Жегота» добралась лишь в мае 1943 года, когда спасать было уже почти некого. В том не было вины польских подпольщиков: их позиции на Львовщине были подорваны советскими репрессиями, а когда поляки начали понемногу восстанавливать конспиративные структуры, то действовали под двойным прессом – немецким и украинским. Вдобавок давала о себе знать неприязнь между пилсудчиками, эндеками и Армией Крайовой. Пилсудчиковская организация Клётца, действуя в отрыве от основных сил подполья, каким-то чудом сумела пережить советский период, но была раздавлена немцами в апреле 1942 года. А местный отдел АК во главе с присланным в сентябре 1941 года из Варшавы генералом Казимиром Савицким лишь в мае 1943 года добился, чтобы в его подчинение перешла хотя бы треть бойцов «Национальных вооруженных сил» (НВС) – вооруженного крыла Национально-радикального лагеря (крайних и самых боевитых эндеков). Но даже это происходило с огромным трудом: первого коменданта НВС убили его же товарищи, не желавшие признавать верховенство АК¹⁷⁰. И не удивительно! Каково было им, завзятым антисемитам, сотрудничать с организацией, которая считала всех граждан равными в правах?

В итоге одними из немногих спасителей львовских евреев выступили греко-католический митрополит Андрей Шептицкий и его брат Клементий – настоятель Унивского монастыря. У них нашли укрытие, например, раввин Давид Кахане с семьей, сыновья расстрелян-

¹⁶⁸ Tako rzeczy... S. 414–415.

¹⁶⁹ Манифест З. Коссак-Щуцкой на сайте «Евреи в Польше» – URL: http://www.zydziwpolsce.edu.pl/biblioteka/zrodla/r3_5d.html#r3_5d_a (проверено 16.12.2021).

¹⁷⁰ Mazur G. Polskie Państwo Podziemne na terenach południowo-wschodnich II Rzeczypospolitej 1939–1945 (pdf) S. 11–13 // Польско-украинский форум на сайте Института национальной памяти – URL: <https://ipn.gov.pl/pl/nauka/polsko-ukrainskie-forum/36920,Wystapienia-uczestnikow-II-Polsko-Ukrainskiego-Forum-Historykow.html> (проверено 16.12.2021).

ного немцами раввина Иезекииля Левина, будущий министр иностранных дел Польши Адам Ротфельд и другие – всего около двадцати человек. Андрей Шептицкий не только помог им спрятаться, но и отправил в августе 1942 года письмо Пию XII, в котором описал, как выглядит Холокост, а также предсказал, что нацизм приведет к «вырождению, какого история еще не знала» (трудное признание для человека, у которого коммунисты убили брата со всей семьей). А в ноябре того же года владыка обратился с пастырским посланием к жителям Галиции, напомнив о заповеди «Не убий!». Но при этом митрополит поддержал создание мельниковцами дивизии СС «Галичина» и давал интервью коллаборационистской прессе. Шептицкий не уведомлял Ватикан о своих политических жестах в отношении Германии, однако они (в частности, январское письмо Гитлеру от 1942 года) стали там известны благодаря двум униатским епископам и архимандриту ордена базилиан в Риме (кстати, украинцам, в отличие от чистокровного поляка Шептицкого)¹⁷¹.

Шептицкому, конечно, было сложнее, чем Коссак-Щуцкой: он не сидел в подполье и должен был как-то взаимодействовать с нацистской властью, на которую с надеждой взирала значительная часть его паствы. Ему было даже сложнее, чем краковскому архиепископу Адаму Сапеге, который тоже остался в своем дворце, когда пришли немцы: Сапеге не приходилось доказывать право поляков на собственное государство, а потому он не провозглашал здравий в честь фюрера и немецкой армии.

Все эти примеры проливают дополнительный свет на трагическое положение польских евреев: методично истребляемые немцами, они не могли найти сочувствия и у таких же жертв оккупации – поляков с украинцами (по крайней мере у большинства). Даже те, кого шокировали методы нацистов, помогали евреям через силу и с оговорками. Но и таких было довольно мало. Большинство же либо с безразличием взирало на уничтожение целого народа, либо азартно включилось в его истребление. Об этом еще в конце декабря 1939 года сигнализировал в своем рапорте о положении в стране курьер польского правительства в изгнании Ян Карский, посетивший оккупированную Польшу и даже сумевший проникнуть в Варшавское гетто: «Отношение евреев к полякам подобно их отношению к немцам. Повсеместно чувствуется, что они рады были бы, если бы поляки в равной степени воспринимали оба народа как несправедливо угнетенные одним и тем же врагом. Но такого понимания среди широких польских масс нет. К евреям они относятся в основном сурово, даже беспощадно, при этом часто пользуются теми полномочиями, какие им дает новая ситуация. Они постоянно пользуются этими полномочиями и часто ими злоупотребляют. Это их в определенной степени сближает с немцами». «Немцы наконец-то помогут полякам навести порядок с этими евреями» – такие настроения преобладали, по мнению Карского, в народе. Курьер несколько раз возвращался в своем рапорте к антисемитским настроениям соотечественников, указывая, что немцы эффективно этим пользуются для укрепления своей власти¹⁷². Польское руководство было так поражено признаниями своего курьера, что почло за лучшее смягчить некоторые пассажи, иногда совершенно исказив их смысл. К счастью, сохранились обе версии рапорта¹⁷³. Все же, как ни неприятно было политикам в Лондоне слышать о соучастии земляков в Холокосте, они не стали игнорировать страданий евреев. 9 декабря 1942 года министр иностранных дел Польши Эдвард Рачиньский обратился с нотой к коллегам из 26 стран, подписавших Вашингтонскую декларацию объединенных наций. В этой ноте, составленной на основе рапортов Карского

¹⁷¹ Земба А. А. Шептицкий в Европе Гитлера / Пер. Ю. Андрейчука // Журнал российских и восточноевропейских исследований. 2018. № 2 (18). С. 18–20, 22, 25. На сайте cyberleninka – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sheptitskiy-v-evrope-gitlera/viewer> (проверено 16.12.2021).

¹⁷² Глава из рапорта Я. Карского, касающаяся еврейской проблематики, – С. 6, 9 // Сайт, посвященный Я. Карскому, – URL: http://karski.muzhp.pl/misja_raporty_karskiego_zagadnienia_zydowskie.html (проверено 16.12.2021).

¹⁷³ Перечисление всех правок – URL: <https://idztihad.blogspot.com/2015/08/cenzura-raportu-karskiego-zagadnienia.html?m=1> (проверено 16.12.2021).

и данных, полученных от Отдела по делам евреев командования Армии Крайовой (которые доставил в Лондон тот же Карский), министр информировал союзников о нацистском терроре против евреев и призывал оказать им всю возможную помощь¹⁷⁴. Это был первый дипломатический документ о Холокосте. В то время Львовское гетто доживало последние дни, а Лем вынужден был прятаться.

Казалось, работой в Rostofferfassung Самуэль Лем обезопасил сына, поскольку знак R (Rohstoff, то есть «сырье») на одежде и зеленая повязка поверх звезды Давида на рукаве с надписью «Nutzjude» («полезный еврей») в комплекте с документами фирмы, которую уважало гестапо, должны были стать надежной охраной от любых неприятностей. В самой фирме Лем не мог скрыть своего происхождения: там существовала неофициальная сегрегация, равно как и на «черном рынке», где евреям все продавали по более высоким ценам. Так что пока Лем трудился на «Кремин и Вольф», свидетельство о крещении было бесполезно. Тем более что одного свидетельства было мало. Требовалось еще иметь прописку, свидетельство о рождении, польский паспорт, свидетельство об арийском происхождении и разрешение из полиции. При наличии нескольких тысяч злотых и соответствующих связей достать такие документы не составляло труда. Но Лемы не были настолько богаты – их денег хватило лишь на «слабые» армянские документы, которые спасали не всегда: армян нередко путали с евреями во время облав¹⁷⁵.

14 июля 1941 года вышло распоряжение военного коменданта Львова всем евреям носить на рукаве звезду Давида. 22 июля был образован юденрат, а вскоре от евреев потребовали выплатить 20 миллионов рублей, для гарантии взяв заложников. Деньги были выплачены в течение месяца, но заложников это не спасло. Евреи подвергались систематическим вымогательствам и отправкам на бессмысленные работы, в ходе которых их жестоко избивали. Радио, газеты, даже выставки и театральные спектакли полнились антисемитской пропагандой самого низкого пошиба. Все синагоги были сожжены. На территории города возникли пять трудовых лагерей, один из которых, Яновский, в июле 1942 года перешел под юрисдикцию СС и превратился в полноценный концлагерь (куда среди прочих угодил, например, знаменитый впоследствии «охотник на нацистов» Симон Визенталь). В ноябре 1941 года, успев расстрелять первого председателя юденрата, немцы создали в северной части города гетто. Но акция по переселению туда евреев затянулась из-за неопределенности границ еврейского района. До марта евреи сидели на чемоданах, мучимые «страхом и надеждой»¹⁷⁶. Где-то в этот период умер старший из трех братьев Лем – Юзеф¹⁷⁷.

В декабре 1941 года число ежедневных убийств евреев снизилось «всего лишь» до 50–100, что на фоне предыдущего ада выглядело передышкой. Теперь по городу шныряла еврейская полиция, которая комплектовала партии для отправки в концлагерь (на территории генерал-губернаторства как раз началась истребительная акция «Рейнгард»). В ходе одного из таких налетов в конце 1941 года или в начале 1942 года на глазах Самуэля Лема схватили Фридерика с женой. Самуэль видел в окно, как гестаповец возле отделения украинской полиции бил его брата по голове резиновой дубинкой. Тогда же попала в руки полицаяв и Берта Хешелес – мать Хемара. Она успела через какого-то мальчишку послать весточку брату: «Спасай меня!» – но что Самуэль мог сделать? Он даже не знал, где ее искать¹⁷⁸.

¹⁷⁴ Текст ноты Э. Рачиньского на сайте Института национальной памяти – URL: <https://ipn.gov.pl/pl/aktualnosci/47587,Prezentacja-reprintu-tzw-Noty-Raczynskiego-podczas-wystawy-Europa-w-rodzine-Lon.html> (проверено 16.12.2021).

¹⁷⁵ Gajewska A. Stanisław Lem... S. 135–137.

¹⁷⁶ Friedman F. Op. cit.

¹⁷⁷ Gajewska A. Stanisław Lem... S. 176; Getto we Lwowie // Сайт Wirtualny sztetl – URL: <https://sztetl.org.pl/pl/miejscowosci/1/703-lwow/116-miejsc-martyrologii/48009-getto-we-lwowie> (проверено 13.12.2021).

¹⁷⁸ Gajewska A. Stanisław Lem... 177. По словам старшего Лема, он наблюдал все это через окно пристройки, выходившее

В марте 1942 года, закончив переселение евреев в гетто, немцы провели регистрацию рабочей силы. 50 000 мужчин и 20 000 женщин получили нарукавные повязки с буквой «А» и порядковым номером – им разрешалось свободно перемещаться по городу. Тогда же в Белжецкий концлагерь, замаскировав это под переселение, отправили первую большую партию обреченных – 15 000 человек. Отбором занимались сотрудники юденрата и еврейская полиция, которые на протяжении нескольких ночей собирали больных, неспособных к труду и стариков. Ретивость еврейских коллаборационистов хорошо запомнилась Лему. «Памятуя о страшных социологических экспериментах, какими были фашистские концлагеря, есть основания утверждать, что с помощью безграничного насилия можно создать почти любую систему межчеловеческих отношений и навязать сегрегацию между привилегированной и обделенной частями или даже целую иерархию каст, в которой единственной привилегией „элиты“ окажется более поздняя гибель. Я имею в виду прежде всего явления, происходившие во время оккупации в разных гетто», – написал он в «Диалогах»¹⁷⁹. Это наблюдение созвучно фразе из доклада Филиппа Фридмана об уничтожении львовских евреев, опубликованного Центральным комитетом польских евреев в декабре 1945 года: «Торжествовал немецкий принцип разделения общества на классы более привилегированные и менее, на категории обреченных и тех, кому сохранена жизнь»¹⁸⁰.

24 июня 1942 года эсэсовцы среди бела дня вытащили из домов несколько тысяч женщин, детей и стариков и вывезли их в Яновский лагерь¹⁸¹. Спустя месяц гитлеровцы наложили на евреев очередную контрибуцию – на этот раз в размере 10 миллионов злотых. В августе территорию гетто резко сократили. Теперь с юга оно было ограничено железнодорожной насыпью и пройти в него можно было только под мостом на улице Пельтевной (ныне проспект Черногола). Гестаповцы и украинская полиция поставили там пост и опять отлавливали неспособных к физическому труду и бедно одетых, которых отвозили в тюрьму на улице Лонцкого, а затем расстреливали¹⁸². Лемы вынуждены были переселиться в далекий район Знесень¹⁸³. Теперь на территории, где раньше проживали 20 000–30 000 человек, теснилось 135 000, правда, 50 000 сразу же отправили в Белжецкий лагерь, а в ноябре – еще 5000¹⁸⁴. Это, однако, не предотвратило эпидемии тифа, которая сотнями косила ослабленных голодом обитателей гетто. 1 сентября немцы повесили председателя юденрата и 12 еврейских полицейских, прислав остальному руководству гетто счет за веревки. 18 ноября в гетто провели новую регистрацию рабочей силы: трудившиеся в армейских учреждениях получили букву W (Wehrmacht), а в военной

на Казимежовскую улицу (ныне участок Городецкой от Торговой площади до костела Святой Анны). Казимежовская находилась вне гетто, а значит, на тот момент Самуэль Лем, очевидно, все еще проживал на улице Бернштейна, упиравшейся в Казимежовскую. Правда, сам отец Лема в письме Хемару говорит, что был тогда «гонимым зверем, которого в любую минуту могли вытащить на смерть» (*Gajewska A. Stanisław Lem... S. 177*). Непонятно, относилось ли это вообще к его ситуации или к обстоятельствам конкретно той облавы, в ходе которой схватили его брата и сестру. Характерно, однако, что Берта Хешелес, передавшая ему записку, знала его адрес.

¹⁷⁹ *Lem S. Dialogi. Warszawa, 2010. S. 204.*

¹⁸⁰ *Friedman F. Op. cit.* Этот доклад, кроме установленных фактов, содержит ошибки и мифы. Именно в нем, кажется, впервые появляется известие о «танго смерти», которое исполнял в Яновском лагере еврейский оркестр. Кроме того, он включает в число погибших Людвика Флека, который в 1945 году благополучно возглавлял кафедру медицинской микробиологии Люблинского университета.

¹⁸¹ *Ibid.* Ф. Фридман утверждает, что их затравили там собаками. Не знаю, так ли это.

¹⁸² Ф. Фридман ошибочно датирует «акцию под мостом» ноябрем – декабрем 1941 года (хотя сам же ссылается на публикацию соответствующего приказа в номере *Lemberger Zeitung* от 15.11.1942). Вслед за ним эту ошибку повторяет А. Гаевская (*Friedman F. Op. cit.; Gajewska A. Stanisław Lem... S. 135*). Но в то время упомянутый мост еще находился внутри гетто.

¹⁸³ Об этом говорил С. Лем Т. Фиалковскому, да и Самуэль Лем писал о том же самом Хемару. См.: *Świat na krawędzi... S. 45; Gajewska A. Stanisław Lem... S. 177*). Правда, старший Лем утверждал, что на Знесень «в хате у крестьянки» они провели всего три недели в ноябре – декабре 1942 года, причем его сын в то время самостоятельно скрывался где-то в городе. Надо думать, что, если «в хате у крестьянки», значит, Лемы к тому времени уже покинули гетто и платили за убежище. А потом хозяйка сочла опасным держать евреев и выставила их за дверь (а может быть, у них закончились средства).

¹⁸⁴ *Friedman F. Op. cit.*

промышленности – R (Rustungsindustrie). Всего таких набралось 12 000, их поселили в лучших домах гетто, а остальных распихали по закоулкам и принялись регулярно прочесывать облавами. Понимая, что близится конец, все больше евреев отваживались на побег¹⁸⁵. По воспоминаниям раввина Давида Кахана, в ноябре 1942 года в Белжец вывезли главным образом рабочих, которые и не думали скрываться, так как трудились на «арийских» предприятиях. Другая свидетельница тех дней сообщала, что среди этих рабочих больше всего было как раз из Rohstofffassung¹⁸⁶. Самая крупная из облав прошла 5–7 января 1943 года, когда были схвачены 15 000 человек, а юденрат окончательно упразднили. После этого гетто преобразовали в концлагерь под командованием офицера СС, но даже там неизвестное число людей умудрялось жить нелегально. Это были нетрудоспособные, с точки зрения немцев евреи, у которых был только один путь – на тот свет.

«Я посещал знакомых в Львовском гетто в конце 1942 года, в промежутке между акциями по ликвидации, – вспоминал Лем, – и не раз встречал мужей, имевших „новых жен“, а иногда жен с „новыми мужьями“. Эти пары вели себя как страстно влюбленные, хотя всего десятью днями раньше их предыдущих супругов убили немцы. Вдовы соединялись с вдовцами и наоборот, причем боль от потери, казалось, лишь усиливала чувство к новому партнеру. При этом я знал, что убитых долго и искренне любили, и речь вовсе не шла о промискуитете, в воздухе висел какой-то аффект. Было что-то макабрическое и гротескное в этих постоянно тасуемых парах, а говорить о тех, кто больше не существовал, было неуместно. Я объяснял это лишь ужасными условиями: люди, которые в обычных обстоятельствах после смерти близких долго приходили бы в себя, перед лицом смерти (вскоре наступившей), ища сочувствия, слепо отдавались другим, столь же несчастным, а может быть, ощущение близкой гибели легче было переносить хоть с кем-то, чем в одиночестве. Но если ты знал этих людей в нормальные времена, поверить в такое зрелище было очень трудно»¹⁸⁷.

Примерно в это время Лемы раздобыли яд, чтобы покончить с собой в случае захвата. Судьба евреев становилась все более очевидна, и яд превратился в ходовой товар, которым даже умудрялись спекулировать. По словам Бартошевского, родители Лема угодили в очередную облаву и оказались на Песках – районе возле Яновского кладбища, месте массовых расстрелов, проводившихся гитлеровцами. Там же собирали схваченных евреев для отправки в концлагерь. К счастью, Лем с помощью одноклассников, служивших в АК, сумел организовать родителям бегство, и те укрылись у бывшей экономки¹⁸⁸.

Вообще воспоминания Бартошевского рисуют нам героический образ Лема как участника движения Сопротивления, который умудрялся не только спасать родителей, но и содержать их за счет своих заработков на немецкой фирме. Причем Лем якобы работал на немцев до самого конца оккупации, используя это как прикрытие для своей конспиративной деятельности. И работал не в конторе по сбору вторсырья, а слесарем в автомастерских вермахта (Heereskraftfahrpark), где занимался диверсиями. Эти мастерские всплывают и в воспоминаниях самого Лема в мае 2004 года, причем Лем указывает, что работал там уже осенью 1941 года – и не слесарем, а механиком¹⁸⁹. Выходит, Лем сначала устроился в одном месте, а потом – в другом? Может, для этого ему и понадобились липовые документы? Этого мы не знаем, но в интервью 1990 года Лем излагал такую последовательность событий: «С 1939 до июня 1942 года я изучал во Львове медицину (! – В. В.). Осенью 1941 года начал работать в немец-

¹⁸⁵ Ibid.

¹⁸⁶ Gajewska A. Stanisław Lem... S. 138.

¹⁸⁷ Lem S. Filozofia przypadku. Literatura w świetle empirii. Warszawa, 2010. S. 144–145.

¹⁸⁸ Mój przyjaciel pesymista... S. 190.

¹⁸⁹ Лем С. Мое чтение...

кой фирме Rohstofffassung, затем переквалифицировался в автомеханика и наконец – в сварщика»¹⁹⁰.

Трудно сказать, что именно Бартошевский добавил от себя, рассказывая о беседах с покойным к тому времени Лемом, а что действительно услышал от своего товарища. Но судя по предисловию Лема к немецкому изданию книги Бартошевского о Варшавском гетто, написанному в марте 1983 года, в разговорах с будущим министром писатель целенаправленно изображал себя бойцом Сопротивления (возможно, чтобы не выглядеть бледно на фоне доблестного ровесника). Что, конечно, не говорит о том, будто все его рассказы Бартошевскому – сплошная выдумка. Напротив, именно в беседах с Бартошевским Лем позволил себе такие откровения, которые упорно скрывал от польских интервьюеров. Например, именно от Бартошевского все узнали, что первоначальной фамилией Лемов была не Lem, а Lehm. Бартошевский же – единственный, кто сообщил, что после спасения родителей с Песков Лем разместил их у бывшей экономки.

На Песках или рядом с ними Лем, кажется, действительно был. Уж очень красочное описание места сбора согнанных евреев он оставил во второй части «Неутраченного времени»: «Площадку окружали кордоны еврейских милиционеров в фантастически скроенных псевдоанглийских жакетах из разноцветных тканей. Время от времени раздавалась команда по-немецки, и тогда милиционеры начинали теснить толпу. Задние ряды евреев сидели на вытоптанной траве <...> За забором постоянно мотались шуцманы. Несмотря на это, несколько подростков все-таки пробрались к щелям между досками, предлагая людям яд в небольших конвертах. Цена одной дозы цианистого калия доходила до пятисот злотых. Но евреи были недоверчивы: в конвертах по большей части находился толченный кирпич»¹⁹¹.

Видимо, была и экономка. Судя по письму Самуэля Лема Хемару, написанному в ноябре 1945 года, три недели он с женой скрывался у какой-то крестьянки на Знесенье, но 14 декабря 1942 года она велела евреям убираться. «<...> Мы уже хотели проглотить яд, когда появились знакомые, которые на какое-то время приютили нас»¹⁹². Можно даже предположить, что экономка была украинкой. Во всяком случае львовяне имели обыкновение нанимать украинок из окрестных сел для работ по дому¹⁹³. От этих украинок, которых в прежние времена хозяева и не замечали, теперь зависела не одна жизнь бывших нанимателей, которые переписывали на них свое имущество с обязательством вернуть его после войны за хорошее вознаграждение¹⁹⁴.

Кто же спас Лемов на этот раз? Очевидно, их русская подруга Ольга Колодзей с польским мужем-ларингологом Каролем, который, как и старший Лем, пережил русский плен во время Первой мировой и в 1922 году привез оттуда жену. Вероятно, именно тогда, в декабре 1942 года, случилась история с поездкой на дрожках, о которой потом вспоминали и Лемы, и Колодзеи¹⁹⁵. По их версии, Колодзеи вывезли Лемов на дрожках прямо из гетто, подкупив стражу. Вряд ли такое было возможно. Но каким-то образом Лемы ведь выбрались на «арийскую» сторону. Так что история с дрожками явно не выдумка: в какой-то момент они же появились в ноябре 1942 года, когда Лемы оказались у крестьянки, либо в декабре, когда крестьянка выставила их на мороз.

Тут любопытно даже не это, а то, что младший Лем, по словам его отца, уже тогда скрывался где-то в городе. Действительно, Лем вспоминал об этом, но лишь в предисловии к книге Бартошевского. По его словам, он вынужден был покинуть немецкую фирму из-за того, что

¹⁹⁰ Stanisław Lem dla «P.» // Przegląd. 30.12.1990.

¹⁹¹ Лем С. Операция «Рейнгард» / Пер. В. Борисова // Лем С. Хрустальный шар... С. 42–43.

¹⁹² Gajewska A. Stanisław Lem... S. 177.

¹⁹³ Ibid. S. 78.

¹⁹⁴ Орлинский В. Указ. соч. С. 121–122.

¹⁹⁵ Там же. С. 88–89.

его документы «погорели». По той же причине он спрятал под деревянной лестницей боеприпасы, которые стащил на складе трофейной техники. После этого Лем нелегально проживал в домике на территории Ботанического сада, рядом с Лычаковским кладбищем, и «слышал взрывы декабрьскими ночами, когда немецкие охотники швыряли гранаты в склепы, поскольку в них прятались сбежавшие из гетто евреи»¹⁹⁶.

Про Ботанический сад – чистая правда. Лема приютил там директор сада Гжегож Мотыка, успевший за предыдущие месяцы насмотреться на измученных и подавленных евреев, которых под охраной украинской полиции доставляли к нему на работы: «Они тряслись от ужаса, почти теряли сознание от страха. Было очевидно, что ни к какой работе в саду они совершенно не пригодны». Но Лем прибыл к нему не из гетто. «Известный ныне автор science fiction молил меня об убежище хотя бы на краткое время. Это был период величайшего обострения *furor teutoncus*, тевтонской ярости, самой опасной для скрывающихся евреев. Я согласился при достаточно необычных обстоятельствах»¹⁹⁷.

В интервью Бересю и Фиалковскому Лем не вспоминает о Ботаническом саду. По его словам, после разрыва с фирмой Кремина и Вольфа он перебрался на улицу Зеленую к неким Подлуским, которым за его содержание платил отец. Вряд ли в таком досадном пробеле винювата забывчивость: интервью Лем давал с разницей в шестнадцать лет, а истории рассказал почти идентичные. В этих же интервью он сообщил, что в 1943 году несколько дней прятал в гараже беглого еврейского полицейского, а потом выпроводил его прочь. Именно история с евреем и заставила Лема бежать с немецкой фирмы и обзавестись документами на чужое имя. Лем опасался, что если беглый полицейский попадет в руки немцев, то сдаст его¹⁹⁸.

С полицейским он, видимо, действительно пересекался. Речь, скорее всего, идет о неудавшемся побеге еврейских полицейских в феврале 1943 года, когда они, видя, что дни гетто сочтены, договорились о помощи с венгерскими солдатами, но попали в ловушку из-за предательства другого еврейского коллаборациониста. Буквально это и рассказал Лем Бересю. Но как это совместить с совершенно другим объяснением произошедшего, представленным в предисловии к книге Бартошевского? Такое впечатление, что Лем, словно тайный агент, выдавал разные версии своего прошлого: одну – для поляков, другую – для Бартошевского и немецких читателей.

В интервью 1982 года Лем поведал какую-то совершенно апокрифическую историю о том, что после бегства с «Кремина и Вольфа» «получил свободу и записался в книгопрокат, где мог читать сколько влезет». Именно тогда он якобы написал свою первую повесть «Человек с Марса»¹⁹⁹. На самом деле писать он начал, пока скрывался в Ботаническом саду. Мы знаем это со слов Мотыки, который вспоминал, что его гость писал без перерыва. Да и сам Лем признался в письме Хемару, отправленном в 1945 году: «Я начал (по-серьезному) писать при немцах. Это был гашиш, чудесный наркотик, который позволял жить. Все рукописи я потерял вместе с вещами (и до сих пор мне их больше жаль, чем вещей, – инфантилизм, правда?) – ну и ладно»²⁰⁰. Потерял, потому что вновь вынужден был спасаться: «<...> Когда пару лет спустя после описанных здесь событий мне пришлось бежать от гестапо из „прогоревшей“ квартиры, бросив там тетрадь с собственной каллиграфией – стихами, – то к сожалению о невосполнимой потере, понесенной национальной культурой, примешивалась твердая уверенность в эстетическом шоке, который должны были испытать мои преследователи, если они владели польским

¹⁹⁶ Лем С. Предисловие к книге Владислава Бартошевского «Варшавское гетто – как это было в действительности» / Пер. В. Язневича // Млечный путь. 2021. № 2 (35). С. 234.

¹⁹⁷ Gajewska A. Stanisław Lem... S. 145. Гаевская, правда, относит данный эпизод к августу 1942 года, но сомнительно, чтобы Лем так надолго задержался в Ботаническом саду.

¹⁹⁸ Tako rzeczy... S. 28–29.

¹⁹⁹ Ibid. S. 29.

²⁰⁰ Gajewska A. Stanisław Lem... S. 186.

языком», – иронично написал Лем в «Высоком Замке»²⁰¹. Увы, даже владей гестаповцы польским языком, они лишились шансов приобщиться к высокому искусству, поскольку Мотыка из опасения обыска сжег все творения юного дарования (несколько толстых тетрадей!), а пепел развеял ночью в саду. Зато он нашел Лему новое убежище – на этот раз у знакомой немки²⁰².

Можно лишь догадываться, что за вирши выходили из-под пера Лема, пока он скрывался в Ботаническом саду. Зато мы знаем, кем он вдохновлялся. В интервью Бересю Лем сказал, что во время оккупации читал Рильке и с тех пор обожает этого поэта²⁰³. Рильке Лем действительно читал, но в другое время. А через оккупацию он пронес две книги: сборник стихотворений Хемара и томик Болеслава Лесьмяна «Луг». Лем сам написал об этом Хемару в 1945 году, заодно рассыпавшись в восторгах перед братом: «<...> Твой том был для меня чем-то бóльшим, чем просто твоими стихотворениями: это были очертания надежды, чем-то, что позволяло ждать и верить, что снова будет можно писать, а писать – это ведь жить?»²⁰⁴ Хемар не ответил на это горячее послание, и с тех пор Лем вычеркнул его из памяти, но привязанность к Лесьмяну сохранил до конца своих дней.

Мы не знаем, сколько времени провел Лем в Ботаническом саду. Фиалковскому в 1998 году Лем сообщил, что жил у некой старушки, где в ожидании фальшивых документов ел блины, пока на улице шли облавы²⁰⁵. По хронологии, представленной обоим интервьюерам, это должно было происходить в 1943 году, после бегства с Rohstoffeffassung. По хронологии предисловия к книге Бартошевского – задолго до, скорее всего в 1941 году. Вероятно, армянское свидетельство о крещении и кенкарту ему обеспечили те самые евреи, которые платили Виктору Кремину за свое трудоустройство, ведь «<...> изготовление фальшивых христианских метрик и арийских удостоверений личности было побочной деятельностью фирмы Rohstoffeffassung»²⁰⁶.

Был, кажется, и еще один адрес, где прятался Лем. Какое-то время он провел у Юзефа Джули – поляка, описанного во второй части «Неутраченного времени». Это реальный человек, проживавший рядом с гаражами Кремина и Вольфа и известный тем, что хранил у себя еврейские ценности и прятал самих евреев (не даром, конечно). В книге Лема даже появляется «еврей из гаража», которого пристроили польские подпольщики у домовладельца Джули²⁰⁷. По воспоминаниям встретившей его в подполье еврейки, Лем «сидел во Львове тише воды, ниже травы»²⁰⁸.

Родители Лема в то время тоже скрывались. Колодзеи подыскали им убежище рядом с их прежней квартирой, на улице Коссака (ныне Щепкина), у польки Кристины Брояковской, которая согласилась дать приют двум евреям в обмен на письменное обязательство Самуэля Лема передать ей после войны фортепьяно, шубу и половину каменного дома (вероятно, он рассчитывал получить наследство, оставшееся от брата Фридерика)²⁰⁹. Эти расписки – красноречивое свидетельство отчаянного положения, в котором находились Лемы. Платить за укрытие было нечем, поэтому Самуэль выдавал, так сказать, векселя.

1943-й – это год окончательной «зачистки» Львова от евреев. В июне немцы ликвидировали Юлаг, возникший на месте гетто, для чего пришлось поджигать дома: евреи вздумали сопротивляться и даже стреляли в солдат, раздобыв где-то оружие. Тогда же или чуть раньше

²⁰¹ Лем С. Высокий Замок... С. 266.

²⁰² Gajewska A. Stanisław Lem... S. 147–148.

²⁰³ Tako rzecze... S. 31.

²⁰⁴ Цит. по: Gajewska A. Stanisław Lem... S. 186.

²⁰⁵ Świat na krawędzi... S. 45.

²⁰⁶ Орлинский В. Указ. соч. С. 94.

²⁰⁷ Gajewska A. Stanisław Lem... S. 150–155.

²⁰⁸ Ibid. S. 144.

²⁰⁹ Ibid. S. 155–156.

покончила с собой жена Генрика Хешелеса, оставив сиротой малолетнюю дочь Янину. Последняя чудом переживет Холокост и в 1946 году продиктует воспоминания, которые прославят ее как «львовскую Анну Франк». Всего из более чем 100 000 евреев до освобождения дожили 823 человека. Среди них Лемы в полном составе. Невероятная удача!

Впрочем, они были не единственной еврейской семьей из Львова, избежавшей гибели. Спасся также Людвик Флек с женой и сыном, найдя убежище в Институте изучения тифа и вирусов всемирно известного ученого Рудольфа Вайгля. Немецкое происхождение Вайгля и важность его работ делали его почти неприкосновенным в глазах нацистов, благодаря чему он спас немало людей, нанимая их, как правило, кормильцами лабораторных вшей. Кроме Флека у Вайгля работали такие личности, как математик Стефан Банах, писатель Ежи Брошкевич, социолог Юзеф Халасиньский, знаменитый в будущем поэт Збигнев Херберт и многие другие. Спасся также и Станислав Ежи Лец, который оказался в Яновском концлагере, а потом – в концлагере под Тернополем, откуда сумел бежать.

«<...> Немецкий геноцид превратил Львов в нечто такое, чем он никогда не был, – написал американский историк Т. С. Амар. – Историческая метрополия еврейской культуры выродилась в кошмарную утопию европейского антисемитизма, в город без евреев. Поскольку немцев в итоге выбили из города, этот момент длился недолго. Тем не менее он обозначал наиболее странную, всеобъемлющую и важную перемену, которую они принесли. Поляки и украинцы были теперь один на один с немецкими оккупантами в городе, за который они продолжали бороться между собой»²¹⁰.

И действительно, конец львовских евреев словно бы послужил сигналом для поляков и украинцев наброситься друг на друга. Самый трагический оборот дела обрели на Волыни, где местный отдел Украинской повстанческой армии (созданной в октябре 1942 года бандеровской фракцией ОУН) весной – летом 1943 года учинил резню польского населения. Тем временем во Львове «<...> усилились облавы и вывоз на принудительные работы в Рейх, массово расстреливались заложники. Немцы старались не допустить возникновения фронта в тылу, а нападения украинских и польских партизан создавали такую опасность. Серьезной угрозой стал рейд Ковпака, который в июле 1943 года пересек границу комиссариата Украина и оказался в дистрикте Галиция <...> В 1943 году вместо украинских полицейских, которые массово перешли в УПА, набирали поляков <...> В июле 1943 года наступил апогей массовых убийств польского населения на Волыни. Полиция отвечала операциями возмездия <...> Под влиянием вестей с Волыни и рассказов тысяч беженцев во Львове нарастала волна враждебности <...> В начале сентября ликвидировали остатки Яновского лагеря. Усилились облавы на улицах, не спасали даже „хорошие документы“. Бойцы АК убили доктора Андрея Ластовецкого. Во время похорон декана медицинских курсов гремели крики „Смерть ляхам!“. Обе стороны соревновались в призывах к мести и угрозах по адресу известных и уважаемых врачей: Адама Груцы и Мариана Панчишина»²¹¹.

Ластовецкого, когда-то преподававшего Лему физику, 11 сентября 1943 года застрелили польские подпольщики, обвинив его в том, что он отказывался принимать поляков на медицинско-природоведческие курсы, действовавшие с разрешения немецкой администрации. В ответ бандеровцы 1 октября убили польского профессора Болеслава Ялового – бывшего декана лечебного факультета, где учился Лем. Убийцей оказался сын Мариана Панчишина. Последний был так потрясен этим, что скрылся в соборе Святого Юра и через неделю умер от инфаркта. Львов, охваченный нацистским террором, едва не оказался ареной кровавых поль-

²¹⁰ Цит. по: *Gajewska A. Stanisław Lem... S. 141*. «Город без евреев» – сатирический роман австрийского писателя Гуго Беттауэра, по которому в 1924 году австрийский режиссер Ганс Карл Бреслауэр снял одноименный фильм.

²¹¹ *Hnatiuk O. Op. cit. S. 475–476*.

ско-украинских столкновений. Положение спасли переговоры командования местного отдела АК со львовской верхушкой ОУН (б).

В интервью Бересю Лем сказал, что в оккупации имел возможность слушать лондонское радио²¹². Интересно где? Может быть, у той самой немки, куда его пристроил Мотыка? Или он слушал его уже в гетто? Там даже после февраля 1943 года существовал приемник, ловивший передачи союзников²¹³. Но если Лем слушал в 1943 году лондонское радио, то знал, что в апреле Москва разорвала отношения с польским правительством (которые были налажены в июле 1941 года, увенчавшись договором Сикорского – Майского). Причиной были обнаруженные немцами в Катини тела расстрелянных поляков. С правительством Сикорского и так отношения были неважные. Во-первых, оно отказывалось признавать новые советские границы. Во-вторых, задавало неудобные вопросы насчет судьбы пропавших офицеров. В-третьих, добилось вывода в Иран армии Владислава Андерса, набранной из ссыльных поляков. В январе 1943 года ситуация так накалилась, что Наркоминдел объявил всех выходцев из Литвы, с Западной Украины и из Западной Белоруссии советскими гражданами, безотносительно к их этнической принадлежности (ранее речь шла только о представителях бывших нацменьшинств, что тоже вызывало острую реакцию польского правительства). С этого времени советские радио и пресса начали вести открытую кампанию против официальных властей Польши²¹⁴. Так что когда немецкая пропаганда обнародовала свидетельства советского преступления, Наркоминдел с готовностью объявил министров польского правительства пособниками гитлеровцев, а Сталин окончательно переориентировался на поддержку коммунистов, которых еще недавно преследовал похлеще властей «фашистской Польши». Однако уроки были извлечены: возрожденная еще в начале 1942 года партия именовалась уже не Коммунистической, а Рабочей, главный же орган просоветских сил, образованный в марте 1943 года, и вовсе получил имя Союза польских патриотов. Сталин понял: поляков следует ловить на крючок патриотизма, а не коммунизма.

---

²¹² Tako rzecze... S. 31.

²¹³ Friedman F. Op. cit.

²¹⁴ Materski W. Polityka i jej skutki // Białe plamy, czarne plamy... S. 366, 374. Андерс вывел в Иран около 112 000 человек, из них примерно 41 000 гражданских.

Катастрофа вторая

Свобода

Наш мир распадался постепенно. Сначала пришли Советы, потом – немцы, а потом нам пришлось уехать из Львова. Мы как-то пробовали с женой сравнить две оккупации, немецкую и советскую, решали, какая хуже. Получилось, что обе одинаково ужасные, но не для одних и тех же людей. Например, мы при Советах не вынуждены были убежать, а семья моей жены – да. Отец жены был управителем у Ляницкоронских в Ягельнице, и его предупредили перед депортацией²¹⁵.

Станислав Лем, 1998

Мы не знаем, где жил Лем полтора года, с начала 1943-го по середину 1944-го. Но зато можем предположить, чем он занимался в это время: писал «Человека с Марса»²¹⁶. Вновь он появляется накануне изгнания немцев из Львова. «Русские на каком-то этапе переняли у вермахта метод обхода города с запада, что обычно становилось для немцев сюрпризом. Я тогда жил один на улице Зеленой, в съемной квартире. Вдруг разнеслась весть, что приближается дивизия „Галичина“ и убивает всех мужчин <...> Поэтому мы убежали на Погулянку, чтобы спрятаться в леске <...> У меня в рюкзаке был один носок, несколько кусочков сахара, мятая рубашка и какой-то ботинок»²¹⁷.

Спрятался он, однако, не в леске, а в доме, где сидел в подвале, пережидая уличные бои. Пару раз чуть не погиб, когда выбрался сначала в ванную, чтобы набрать ведро воды и помыться, а потом – на кухню, чтобы поесть борща. Вряд ли стоит искать причину такого поведения в легкомыслии. Человек, переживший Холокост, уж точно не страдал легкомыслием. Скорее такие поступки свидетельствуют о том, каким грязным и голодным был тогда Лем – использовал минуты затишья, чтобы поесть и ополоснуться.

Скрывался он не с родными – с кем, мы не знаем. Но стоило утихнуть боям, как Лем помчался к родителям, которые тогда жили «на какой-то улочке возле Грудецкой»²¹⁸. Скорее всего, речь идет о той самой улице Коссака, которая действительно маленькая и действительно находится недалеко от Грудецкой (Городецкой). По пути наткнулся на едущую «Пантеру», но ту разнесли советские артиллеристы, прятавшиеся в палисаднике. Спустя несколько дней Лем вернулся на то место, залез на сожженный немецкий танк и увидел внутри опаленные, словно промасленные, черепа немецких солдат. Эту жутковатую картину он перенесет потом в рассказ «Встреча в Колобжеге».

Советские войска проникли во Львов утром 22 июля по той самой Зеленой улице, где прятался Лем. В городе завязались бои, а утром следующего дня выступили аковцы, которые по договоренности с командиром 29-й мотострелковой бригады Андреем Ефимовым обеспечили пехотное прикрытие советских танков и принялись нападать на немецкие войска по всему городу. В тот же день польский флаг взметнулся на крыше «дома Шпрехера» – львовского небоскреба, возведенного местным «Скруджем» Ионей Шпрехером на площади Мицкевича в

---

²¹⁵ Świat na krawędzi... S. 49.

²¹⁶ О том, что повесть была написана при оккупации, Лем сообщил в 1958 году. См.: Moje marzenie: mieć dużo czasu na pisanie // Trybuna Robotnicza. 21/22.06.1958.

²¹⁷ Tako rzecze... S. 32. Погулянка – большой лесопарк за Зеленой улицей.

²¹⁸ Tako rzecze... S. 33.

1923 году. Одновременно на Ратуше аковцы умудрились вывесить сразу четыре флага – польский, американский, советский и британский.

Городские бои длились до 28 июля, когда немцы потеряли свой последний пункт обороны – Кортумову гору. Днем раньше в штаб АК на улице Кохановского (ныне Левицкого) явился генерал Иванов, сообщивший полякам, что они должны перейти либо в Красную армию, либо в состав просоветского Войска Польского под командованием только что назначенного на этот пост Михала Жимерского – того самого генерала, который был разжалован Пилсудским и связался с коммунистами²¹⁹. Командир львовского округа АК, генерал Владислав Филипковский, приказал своим солдатам разоружиться и поснимать везде польские флаги, а затем с тремя офицерами удалился на переговоры с Жимерским в Житомир, где в ночь со 2 на 3 августа был арестован. Оставшихся во Львове офицеров АК вечером 31 июля (в день отлета Филипковского) созвали на общее совещание в их штаб, где всех прибывших (около тридцати человек) тоже арестовали и отправили в тюрьму на улице Лонцкого, уже «прославившуюся» массовыми расстрелами в 1941 году и зверствами гестапо. В бывшем штабе АК еще два дня действовала засада, в которую попали еще примерно сорок человек. Очень быстро по городу разнеслась весть, что ходить по этому адресу опасно. Может быть, это имел в виду Лем, когда рассказывал, что успел предупредить об опасности отца, служившего медиком в АК. «Я шел к отцу. По пути встретил кого-то, кто мне сказал, что Советы как раз снимают с Политехнического института постовых АК с красными повязками. И тут мой отец спускается по ступенькам с повязкой на рукаве: „Врач Армии Крайовой“. Я его тут же завернул в квартиру. Не хотел, чтобы Советы забрали моего папу. Советы провели эту акцию очень гладко. Помню, что в первый, второй и даже третий день их офицеры (званий не знаю) сидели в машинах и разговаривали с аковцами. Делали вид, что они союзники или что-то в этом роде. А потом вдруг за один день все прихлопнули»²²⁰.

На самом деле Филипковский был не генералом, а полковником, однако с разрешения начальства «повысил» себя в звании для бесед с советскими офицерами. Но и Иванов был никакой не Иванов, а заместитель наркома внутренних дел, комиссар госбезопасности 2-го ранга Иван Серов. Непосредственно перед львовской «операцией» по разоружению АК Серов провел аналогичную акцию в Вильнюсе, а до того участвовал в депортациях немцев, чеченцев, ингушей и крымских татар. Но главное дело ждало его впереди: в марте 1945 года он арестует всю верхушку польского подпольного государства, заманив шестнадцать ее членов на переговоры в Прушков. И там он тоже будет выступать под фамилией Иванов.

Уже 2 августа об участии львовских подпольщиков донесли в Варшаву главнокомандующему АК Тадеушу «Буру» – Коморовскому, но тому уже было не до Львова: в столице второй день полыхало восстание²²¹. Вскоре в руках советских контрразведчиков оказалось и политическое руководство львовского подполья во главе с представителем правительства в изгнании Адамом Островским – научным сотрудником кафедры права Львовского университета.

Трагедия польского подполья – результат непреодолимых противоречий между Москвой и правительством Станислава Миколайчика (сменившего Сикорского после гибели того в авиакатастрофе 4 июля 1943 года). Акция «Буря» была отчаянной попыткой вопреки всему возродить довоенную Польшу. Но эта попытка была обречена на провал. Дело тут не только в несопоставимости мощи Красной армии и Армии Крайовой, но и в безразличии к последней союзников. Уже в октябре 1939 года британский премьер Нэвилл Чемберлен и министр иностранных дел граф Галифакс, заявили главе польского МИДа Аугусту Залескому: «<...>

²¹⁹ *Tomaszewski B., Wegierski J.* Akcja «Burza» we Lwowie // Сайт журнала львовских поляков *Lwowskie spotkania* – URL: <https://www.lwow.home.pl/spotkania/burza.html> (проверено 30.12.2021); *Polaczek J.* Epilog «Burzy» we Lwowie // Сайт *Lwowskie spotkania*... – URL: <https://www.lwow.home.pl/spotkania/epilog.html> (проверено 30.12.2021).

²²⁰ *Tako rzecze...* S. 34.

²²¹ *Polaczek J.* Op. cit.

Ни при каких условиях Польша не может рассчитывать на то, чтобы Великобритания начала войну с Советской Россией ради возвращения тех территорий, которые отобраны Советами». И эта позиция не изменилась ни на йоту до самого конца войны. Польское подполье, хоть и предоставляло союзникам ценную развединформацию, обеспечивалось по остаточному принципу. Если Франция за время войны получила 10 485 тонн воздушных грузов, Югославия – 13 659 тонн, Греция – 5795 тонн, то Польша – лишь 600 (что, впрочем, не удивительно, учитывая дальность от британских баз). Львовский округ АК и вовсе начал получать помощь с воздуха лишь в марте 1944 года, а уже в июле всякое снабжение прекратилось (что естественно). Совсем плохо было на Волыни, где полякам вообще перепал один-единственный воздушный груз с оружием. При этом именно на Волыни поляки столкнулись с наиболее масштабными актами насилия со стороны Украинской повстанческой армии, так что вместо борьбы с немцами аковцам пришлось защищать земляков от украинцев. Это вынудило местных аковцев пойти на сотрудничество с советскими партизанами, что не всегда заканчивалось хорошо. Командир одного из волынских отрядов АК Владислав Коханьский, выдержавший до того трудную борьбу с частями УПА, в декабре 1943 года явился на переговоры с партизанским отрядом возле села Брониславка, но был захвачен в плен, доставлен в Москву и получил 25 лет лагерей за шпионаж (Коханьского забросили из Великобритании, а таковые рассматривались в Смерше как антисоветские диверсанты).

Ровно за месяц до этого, 20 ноября 1943 года, командование АК утвердило план «Буря». Поскольку главной его целью был захват городов (прежде всего крупных), АК решила не щадить для этого сил. В частности, на помощь львовским аковцам должны были прийти части из Люблина и Жешува. Примерно так было и в 1918 году, но украинцы тоже помнили те события, и поэтому в марте 1944 года УПА ударила в направлении Люблина, чтобы сорвать этот план. В результате на Холмщине образовался польско-украинский фронт длиной в сто километров, продержавшийся до июля, когда командование УПА решило перенести направление удара на Пшемьсль, но не успело – пришла советская армия²²². Символичным окончанием польско-украинской схватки за Львов стала почти синхронная смерть духовных лидеров враждующих сторон. 1 ноября 1944 года скончался униатский архиепископ Львова Андрей Шептицкий – поляк, посвятивший жизнь делу украинской независимости. А спустя три недели умер и его коллега, католический архиепископ Болеслав Твардовский.

Шептицкий принадлежал к нередко встречающемуся типу «инородцев», о которых Ленин сказал, что они «перехватывают по части шовинизма». Механизмы этого бывают разные, но, как правило, оказываясь в чуждой этнической среде, человек, чтобы сойти за своего, вынужден на каждом шагу подчеркивать свою преданность интересам того народа, в окружении которого вращается. Думается, в этом корень «русофобии», поразившей позднего Лема: всю жизнь боявшийся, что кто-нибудь раскроет его происхождение, он вел себя так, словно хотел стать бóльшим поляком, чем чистокровные поляки. Со временем маска приросла, и Лем уже не мог вести себя иначе. Отсюда (а не только из желания скрыть «роман с коммунизмом») его недомолвки и прямая ложь, которая то и дело встречается в воспоминаниях.

«Я наблюдал разные неприятные вещи, когда стал ассистентом одного польского физиолога, который приехал с Красной армией, – вспоминал Лем в 1982 году. – <...> У него было польское образование, но с коммунистическим уклоном. Он сидел на Ягеллонской улице, в маленьком театрике, который передали полякам. К нему часто приходили одетые в черное женщины, которые просили спасти арестованных сыновей <...> Что он там с ними обговаривал, не знаю <...> Раз прихожу к нему и говорю: „Извините, профессор, но к вам растет враждебность из-за этой деятельности“. А он улыбнулся и показал мне письмо со смертным приговором, а

²²² Mazur G. Polskie Państwo Podziemne na terenach południowo-wschodnich II Rzeczypospolitej 1939–1945. S. 20–25, 27–28 – URL: http://www.polinst.kyiv.ua/storage/polskie_pan_stwo_podziemne_-_ipn.pdf (проверено 31.12.2021).

потом выдвинул полку в столе, где лежал большой револьвер. „Мне его дали советские товарищи, но я не ношу“. Вскоре потом прихожу и спрашиваю нашего старого Юзефа, на месте ли профессор, а он мне на это – да, мол, лежит в отделе патологической анатомии. „А что он там делает?“ – спрашиваю. Юзеф ничего не ответил. Ну, я пошел посмотреть, что делает профессор. Разумеется, он лежал мертвый. Получил посылку, которая при открытии оторвала ему руки, а жену ослепила. Это была работа подпольной организации»²²³.

О ком это Лем? О Здиславе Белинском – заведующем кафедрой физиологии Львовского медицинского института, заместителе председателя Союза польских патриотов, праведнике народов мира, который отнюдь не пришел с Красной армией, а провел всю войну во Львове и за собственный счет спасал евреев. Например, у Белинского одно время укрывался корифей нейрофизиологии, пионер в области электроэнцефалографии Адольф Бек, таинственно погибший в августе 1942 года, 79 лет от роду. 8 февраля 1945 года некий человек в польском мундире передал Белинскому посылку от знакомого из Люблина, а в посылке оказалась бомба²²⁴.

В словах Лема о бывшем шефе сквозит неприязнь как к коммунисту, но трудно сказать, была ли она искренней уже тогда. Во всяком случае Лему не приходилось жаловаться на советскую власть. Она спасла ему жизнь и позволила продолжить учебу, да еще и обеспечила стипендией, что было существенным подспорьем обнищавшей семье.

30 июля 1944 года в центре Львова прошел митинг с участием командующего 1-м Украинским фронтом Ивана Конева и председателя украинского Совнаркома Никиты Хрущева. Сразу после него в центре Львова застучали молотки: люди бросились искать золото, которое якобы спрятали евреи, покидая свои дома. Наверняка обстукивали и дом Лемов на Браеровской, но там уже жил кто-то другой. Лемы не вернулись на старую квартиру, а поселились на Сикстуской, в доме номер 30, в квартире 3. Теперь они были одни, без родственников, без прислуги, без знакомых и без помощи еврейской общины. «<...> Улицы начиная от Бернштейна и дальше, за театр, в сторону Солнечной, внезапно вымерли, и захлопали на ветру раскрытые настежь окна, опустели стены, дворики, подъезды, а еще позже появились и затем исчезли деревянные заборы гетто. Я видел его издали; вначале пригородную заброшенную застройку, потом уже только заросшие травой развалины», – писал Лем в «Высоком Замке»²²⁵.

9 сентября 1944 года Хрущев подписал с главой Польского комитета национального освобождения, социалистом Эдвардом Осубка-Моравским, договор об «эвакуации» польских граждан с территорий, отошедших СССР. Но переселение началось не сразу: первые транспорты выехали лишь в июне 1945 года. Лем в этот период учился на втором курсе Львовского медицинского института, на медицинском факультете. Документы о том, что перед войной он был студентом этого вуза, нашлись среди списков, которые сохранил у себя архивариус бернардинского монастыря. Оканчивая в 1941 году второй курс, Лем не успел сдать одного экзамена. И хотя архивариус за мелкую плату готов был поставить ему отметку о сдаче (печати у него тоже имелись), Лем честно отказался и опять пошел на второй курс²²⁶.

²²³ Tako rzecze... S. 35–36.

²²⁴ ЗДІСЛАВ ТА ЗОФІЯ БЕЛІНСЬКІ // Сайт «Интерактивный Львов» – URL: https://lia.lvivcenter.org/uk/themes/reherit/saviors/?fbclid=IwAR3JETInY0Vkvjm6hmogHbVP0BgM_sQ9310EjP9ENPncIqTaOi5l9aCli6I (проверено 06.01.2022); Historia pomocy – Rodzina Bielińskich // Сайт о польских праведниках народов мира Polscy sprawiedliwi – URL: <https://sprawiedliwi.org.pl/pl/historie-pomocy/historia-pomocy-rodzina-bielinskih> (проверено 06.01.2022); Заячківська О., Ковальчук І., Савицька М. КАФЕДРА НОРМАЛЬНОЇ ФІЗІОЛОГІЇ У ЛЬВІВСЬКОМУ НАЦІОНАЛЬНОМУ МЕДИЧНОМУ УНІВЕРСИТЕТІ ІМЕНІ ДАНИЛА ГАЛИЦЬКОГО КРІЗЬ ПРИЗМУ СТОЛІТЬ до 125-річчя заснування. Львів, 2020. С. 20 // На сайте Львовского национального медицинского университета им. Даниила Галицкого – URL: https://new.meduniv.lviv.ua/uploads/repository/kaf/kaf_normphysiology/07.%D0%86%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%96%D1%8F/Zayachkivska_et_al_2020_125_anniversary.pdf (проверено 06.01.2022).

²²⁵ Лем С. Высокий Замок... С. 284.

²²⁶ Tako rzecze... S. 34.

В своих воспоминаниях Лем утверждал, будто его семья до конца не верила, что Львов отойдет Советскому Союзу, и поэтому они выехали одними из последних летом 1946 года. Это хорошо коррелирует со словами польского филолога родом из Львова Рышарда Гансинеца о том, что в 1945 году «только евреи перелетали через Сан» (то есть уезжали в Польшу). Поляки делали это крайне неохотно, АК даже развернула пропагандистскую кампанию против переселения. Однако сейчас мы знаем, что Лемы перебрались в Краков как раз в 1945 году одними из первых²²⁷. А до того, в октябре 1944 года, Лем направил в Наркомат оборонной промышленности проекты танка «Броненосец» (или «Линкор», как его перевели), трех танкеток, самоходной артиллерийской установки и ракетного снаряда, сопроводив все это следующим введением: «Пишущий эти строки остался в 1941 году в городе Львове в момент вступления немецких войск, так как по не зависящим от него причинам не мог уйти с Красной армией. Ужасная волна все более нарастающих, садистских преследований, бесчеловечные расправы, массовые убийства в ходе специальных казней и, наконец, полное истребление граждан еврейского происхождения заставили меня скрываться. В эти дни, теряя одного близкого за другим и наблюдая вблизи убийство четырех миллионов человек любых профессий, взглядов и происхождения, я понял, что фашизм во всех видах, воспитывая жаждущих крови бестий и профессиональных садистов, какими были почти все функционеры СС и СД, должен быть раздавлен и сметен с лица Земли. Более десяти месяцев я прилагал все силы, чтобы на основе немногих доступных мне сведений и наблюдений создать или улучшить существующие боевые средства. Делая это, я ждал дня, когда Красная армия освободит город Львов. Эта счастливая минута пришла. Все мои планы, проекты и помыслы я жертвую Советскому Союзу, дабы насколько можно они способствовали как можно скорейшей ликвидации самого страшного террора, известного истории».

Письмо, скажем прямо, не очень похоже на то, какое мог написать человек, едва спасший отца от Смерша и затаивший злобу на Советы. Видимо, настроения Лема того периода сильно отличались от тех, какими он старался их выставить несколько десятилетий спустя. Текст так и пышет энтузиазмом. Не удовлетворившись подробным описанием своих проектов, Лем добавил, что у него есть и другие, если надо, он их тоже пришлет. К примеру: «наземная гусеничная торпеда»; «гусеничный противотанковый транспорт», слегка напоминающий «гоночные аэродинамические автомобили»; «штурмовые орудия, внешним видом схожие со шмелями»; рассеивающая зажигательная авиабомба; тяжелое орудие на автомобильной платформе; ракета с мотором оригинальной конструкции, работающим на смеси бензина с воздухом, и даже... дистанционно управляемый беспилотник, запускаемый из катапульты («пилот-робот», уточнил Лем). Все это Лем подал в духе настоящего рекламного проспекта. Так, сильные стороны самоходки он расписал следующим образом: «Малые размеры, высокая скорость, небольшой экипаж – вот ее достоинства».

17 октября письмо было передано помощнику начальника 8-го отдела ТУ ГБТУ КА, старшему технику-лейтенанту Донскому, с пометкой «выяснить, где можно сделать перевод, и направить туда». А уже 10 ноября тот же Донской и его начальник Фролов вынесли резолюцию: «Ваше письмо с предложениями, адресованное Наркомату оборонной промышленности, получено и рассмотрено Отделом изобретений Танкового управления Красной армии. Вы предлагаете построить несколько типов новых танков, в числе которых один танк тяжелого класса и несколько легких как средство сопровождения тяжелого танка. Сообщаю, что изготовить танк весом 210 т. нецелесообразно, так как такой танк будет иметь низкую подвижность и маневренность. Кроме того, такой танк нельзя будет перевозить по железным дорогам, эвакуи-

²²⁷ Орлинский В. Указ. соч. С. 120–121; Gajewska A. Stanisław Lem... S. 171–172. В беседе с С. Бересем Лем проговорился, что по приезде в Польшу поступил на третий курс. Следовательно, в освобожденном от немцев Львове он учился всего год, а не два, как должен был, если бы уехал в 1946 году.

ировать с поля боя и т. д. Танки легкого класса также неприемлемы. Подобного типа машины нам известны. Ничего нового в своем предложении Вы не даете. Считаю, что дальнейшая переписка по данному вопросу не имеет смысла»²²⁸. Неизвестно, получил ли Лем этот ответ. Но если получил, столь пренебрежительный отказ не мог его не задеть.

В 1945 году кафедру физиологии, как и весь медицинский факультет института, возглавил приехавший из Харькова доктор наук Анатолий Воробьев, которому Лем пришлось по душе, поскольку все время сидел в библиотеке и упорно работал. Лем увлекся биологией и настроил большой текст под названием «Теория функций мозга». Правда, текст был на польском языке, а потому Воробьев не мог его оценить, но все равно по окончании курса дал старательному студенту прекрасную характеристику: «Во время пребывания на кафедре он разработал с опорой на литературу проблему инфракрасного излучения как показателя деятельности центральной нервной системы. Кроме того, он начал опыты на тему возможности выработки гальванического условного рефлекса у лягушек»²²⁹. Лему очень повезло, что его научный руководитель не стал требовать от него русских текстов. Потому что, когда опус о теории функций мозга увидел в Кракове психолог Мечислав Хойновский, он назвал его полной чушью (и Лем позднее целиком разделял эту точку зрения)²³⁰. «Работа выглядела как псевдонаучный трактат самозваного гения, который хотел написать научный текст, но имел призрачное понятие о том, как такая работа должна выглядеть. Например, он знал, что в работе должен появляться график, поэтому украшал свои выводы кривыми, в которых неизвестно было, что на какой оси находится»²³¹. Так что главным достижением Лема этого периода стал «Человек с Марса». Позднее Лем будет не раз говорить, что стал фантастом случайно, просто реалистические вещи, на которые он делал ставку, не печатались. И тем не менее его первым прозаическим произведением оказалась именно фантастическая повесть. А его военные проекты? Да они же просто пропитаны духом Верна и Уэллса! Значит, не так уж и случайно это вышло.

²²⁸ ЦА МО РФ. Ф. 38. Оп. 11350. Д. 1039. Л. 2, 4–5, 13.

²²⁹ Gajewska A. Stanisław Lem... S. 167.

²³⁰ Tako rzeczy... S. 34–35, 42.

²³¹ Орлиньский В. Указ. соч. С. 128. Интересно, что в биографической статье о Леме, изданной в 1968 году, содержится другая оценка: «Профессор физиологии Воробьев <...> назвал работу интересной, но чересчур фантастической <...> Автор там между прочим написал, что память опирается на явления „биохимического резонанса“ и что в ней участвуют внутриклеточные структуры нейронов, а не только синапсы. С позиции сегодняшних знаний это уже не чистое фантазирование» (Lem S. Pisarz, filozof, futurolog // Problemy. 11.1968).

Время больших надежд

Когда я уцелел в войну, в немецкой оккупации, в советской оккупации, когда приехал в Краков, где началась моя литературная карьера, то у меня было непреодолимое чувство, что дальше может быть только лучше, что будет больше свободы, что человечество вышло из темного подвала, встряхнулось, поумнело. Мне казалось, что ценой стольких жизней, стольких страданий должен появиться лучший мир²³².

Станислав Лем, 1995

Литература – это марафон²³³.

Станислав Лем, 1982

Лемы сели в поезд 17 июля 1945 года. Отправься они годом позже, пожалуй, оказались бы во Вроцлаве, на бывших немецких землях, где возник «новый Львов»: именно туда переехали работники вузов, перевезли Рацлавицкую панораму, библиотеку Оссолинских и даже переместили памятник Фредро. Но Лемы выехали раньше и осели в Кракове, где их ждали старые друзья – Колодзей, предоставившие им комнату по адресу Силезская, 3 (рядом с историческим центром города)²³⁴. Оставалось обзавестись работой, что было сложной задачей. Кароль Колодзей, например, даром что ларинголог, устроился на фабрику по производству конских гребней и, по воспоминаниям Лема, «вел роскошную жизнь» (по меркам послевоенной Польши) – например, ходил на скачки²³⁵. При этом Колодзею было легче как поляку, евреи же сталкивались еще и с национальными предрассудками: предприятия неохотно брали их на работу, в некоторых костелах шла открытая антисемитская пропаганда²³⁶. Самуэлю Лему в его 66 лет и со стенокардией вообще давно было пора на пенсию – но какая пенсия в таких условиях? 1 октября 1945 года он получил место в штате больницы воеводского управления общественной безопасности, став, таким образом, сотрудником репрессивных органов новой власти. При этом старший Лем скрыл, что служил в австро-венгерской армии, а в графе «национальность» написал «поляк»²³⁷.

Вообще госбезопасность была популярным местом трудоустройства евреев в послевоенной Польше. Больше всего (18,7 %) их было среди работников секретных служб на западных землях, куда переселяли выходцев с кресов. Там же, в Нижней Силезии, осела основная масса евреев, репатриировавшихся из СССР. В 1947–1948 годах там даже действовал учебный центр боевой организации сионистов «Хагана» под руководством коммунистических инструкторов²³⁸. Но и центральная Польша не сильно уступала в этом плане. Например, в лодзинском управлении общественной безопасности евреями были 14,4 % сотрудников, в варшавском – 13,6 %. Среди 450 руководящих работников Министерства общественной безопасности (МОБ)

---

²³² Jestem Kazanową nauki // Oramus M. Bogowie Lema... S. 53. Цитата дана в переводе В. Язневича.

²³³ Tako rzecze... S. 55.

²³⁴ Орлинский В. Указ. соч. С. 124.

²³⁵ Tako rzecze... S. 38–39. Любопытно, что Кароль Колодзей, по словам Лема, выехал в Краков раньше всех (даже раньше собственной жены), поскольку «во Львове под ним начинала гореть земля, не знаю, правда, почему» (Ibid. S. 38).

²³⁶ Gajewska A. Stanisław Lema... S. 173–174.

²³⁷ AIPN 057/962; Gajewska A. Stanisław Lema... S. 180–181. Анкета Самуэля Лема опубликована в: Keller L. Przyczynek do biografii Stanisława Lema // ACTA LEMIANA MONASHIENSIS. SPECIAL LEM EDITION OF ACTA POLONICA MONASHIENSIS. Melbourne, 2020. Vol. 3. № 2. S. 105–106.

²³⁸ Paczkowski A. Pół wieku dziejów Polski. Warszawa, 2005. S. 103; Aleksion N. Dokąd dalej? Ruch syjonistyczny w Polsce (1944–1950). Warszawa, 2002. S. 207; Chodakiewicz M. J. Żydzi i Polacy. 1918–1955. Współistnienie – zagłada – komunizm. Warszawa, 2000. S. 389.

в 1944–1956 годах евреи составляли почти 30 %. Если же брать самый высокий уровень местного руководства, то есть начальников и заместителей начальников воеводских управлений, то из 161 высокопоставленного функционера евреями были 22 человека²³⁹. В Политбюро правящей партии госбезопасность также курировал еврей Якуб Берман (кресло министра, правда, занимал поляк Станислав Радкевич, но двое из троих его замов были евреями). Такой процент евреев в структурах, занятых борьбой с влиянием католической церкви и антикоммунистической оппозицией, служил в глазах многих поляков подтверждением старого тезиса о «жидокоммуне». Военный курьер правительства в изгнании без обиняков писал в октябре 1945 года: «Фактически Польшей правят евреи и большевики. Высмеиваемый до войны лозунг „жидокоммуны“ теперь реализуется на практике. Польские коммунисты не имеют никакой власти даже в ПРП (Польской рабочей партии. – В. В.). Евреи захватили все рычаги власти. Министерство иностранных дел, министерство промышленности и торговли, министерство безопасности почти исключительно в их руках. Заграничная торговля, радио, кино, театр, пропаганда, военные передвижные театры находятся в руках евреев»²⁴⁰. А келецкий епископ Чеслав Качмарек в 1946 году открыто говорил американскому послу: «<...> Госбезопасность – это организация, сравнимая с гестапо и руководимая евреями»²⁴¹. Тогда же руководство подпольной организации «Свобода и независимость» (наследницы АК) передало в ООН так называемый «доклад Бермана» – фальшивку о мнимой речи Якуба Бермана, в которой тот расписывал, как евреи подчинят себе Польшу²⁴².

Упущения в кадровой политике Министерства общественной безопасности много позже признал даже такой высокопоставленный партиец еврейского происхождения, как Роман Верфель, одно время работавший во львовском «Червоном штандаре», а затем возглавивший орган ЦК правящей партии *Nowe Drogi* («Новые дроги»/«Новые пути»): «Даже в пытках нужно соблюдать определенные принципы. Сташека должен бить другой Сташек, а не Мойша. В госбезопасности, как я теперь вижу, было слишком много евреев. Мы не подумали об этом тогда. Мы учли этот момент в торговле <...> Евреи слишком хорошо разбираются в торговле <...> и мы решили, что во внутреннюю торговлю в Польше мы их не пустим. Пускай идут во внешнюю торговлю, в издательства, в прессу, но только не во внутреннюю торговлю. А вот о госбезопасности мы не подумали, [а зря,] ведь, повторяю, Сташека должен бить другой Сташек»²⁴³.

Как должны были себя чувствовать поляки, особенно участники Сопротивления, когда к власти при поддержке Сталина пришли вчерашние отверженные – коммунисты и евреи, – которые их, героев борьбы с фашизмом, бросали теперь в тюрьмы и пытали? Что должен был ощущать Бартошевский, спасавший евреев, а теперь получивший восемь лет за шпионаж от еврейской коммунистки Хелены Волинской? Что чувствовал Ян Карский, рассказавший миру о Холокосте и польском подпольном государстве, а теперь из-за океана наблюдавший, как шестнадцать руководителей этого государства судят в Москве, обвиняя ни много ни мало в желании заключить союз с нацистами? О чем должен был думать перед казнью начальник Управления диверсий АК Эмиль «Ниль» Фельдорф, всю войну истреблявший членов немецкой оккупационной администрации, а теперь повешенный коммунистами... за убийства евреев (причем все прокуроры и половина судей тоже были евреями)? Какие мысли обуревали ротмистра АК Витольда Пилецкого, добровольно прошедшего Аушвиц, чтобы узнать правду о концлагере, а теперь приговоренного к смерти за борьбу против «народной власти»? Что пережил Станислав Скальский, лучший польский ас Второй мировой, получив смертный приговор не от немцев, а

²³⁹ A Handbook of the communist security apparatus in East Central Europe. 1944–1989 / Ed. by K. Persak and Ł. Kamiński. Warsaw, 2005. P. 241; *Eisler J.* Polski rok 1968. Warszawa, 2006. S. 100.

²⁴⁰ *Grabski A.* Działalność komunistów wśród żydów w Polsce (1944–1949). Warszawa, 2004. S. 32.

²⁴¹ *Chodakiewicz M. J.* Op. cit. S. 409.

²⁴² *Spatek R.* Na licencji Moskwy. Wokół Gomułki, Bermana i innych. Warszawa, 2020. S. 536.

²⁴³ *Torańska T.* Oni. Warszawa, 2004. S. 129.

от граждан Польши? А каково было участнику штурма Монте-Кассино Густаву Герлингу-Грудзиньскому, едва выжившему в советском лагере, услышать в 1945 году от марксистского критика Яна Котта: «Что смерть нескольких тысяч в Катыни перед лицом истории?»²⁴⁴ Все эти люди внесли свой вклад в победу над Германией, но вместо заслуженных почестей получили смерть, тюрьму и эмиграцию. И от кого? От марионеток Москвы, той самой Москвы, которая сотрудничала с Гитлером в то время, когда они с этим Гитлером сражались.

Между тем в словах Котта звучала та уверенность в неумолимой поступи истории, которая с подачи коммунистов захватила часть польской интеллигенции. Вынесенные в эпиграф слова Лема, они о том же: о новом мире, который родится из страданий. Победоносный Советский Союз с его пропагандой равенства и интернационализма казался многим привлекательной альтернативой шовинизму и классовому расслоению довоенной Польши, которая теперь уже во всеуслышание, на официальном уровне именовалась фашистской. Даже лидер оппозиции – бывший премьер правительства в изгнании Станислав Миколайчик, – вернувшийся в июне 1945 года на родину и с восторгом встреченный населением, не находил теплых слов для той Польши. Крестьянский деятель, собственными глазами видевший, как полиция подавляла забастовку селян в 1937 года, он клеймил санацию еще хлеще Сикорского. Последний хотя бы допускал политическое сотрудничество с пилсудчиками во имя спасения страны – Миколайчик отвергал и это («Нас разделила кровь крестьян»). Но за Миколайчиком не стоял пропагандистский аппарат государства – напротив, тот как раз норовил изобразить его орудием империалистов и союзником «реакции», спевшейся с «бандитским подпольем». Другое дело коммунисты: они раздали помещичьи земли крестьянам, вернули Польше Силезию и Поморье, уничтожили эндецию, взялись искоренять неграмотность и добились реального равноправия для всех. Кто может выступать против них? Только реакционеры, тоскующие по довоенной «фашистской» Польше. Уже в январе 1945 года в Варшаве и Кракове висели плакаты, равнявшие Армию Крайову с фашистами. Юлиану Стрыйковскому, который в качестве корреспондента органа Союза польских патриотов *Wolna Polska* («Вольна Польша») освещал в Москве процесс над шестнадцатью руководителями подполья, захваченными Серовым, запомнилось, как воодушевленная долгожданным крахом «реакции» Елена Усиевич – дочь революционера Феликса Кона, «человек редкой искренности и порядочности», – сама едва не арестованная в 1937 году, ходила в перерыве заседаний по коридору и презрительно восклицала по-польски: «Всегда одни и те же, обреченные на величие». Так она характеризовала национальный характер поляков, несносный для нее – убежденной коммунистки²⁴⁵.

«Едва правительство немного расслабилось <...> правые сразу подняли голову. Костел безумствует! Университеты („Бойтесь Бога!“). Почти как до войны). Ну и что делать? Я не говорю, что это самое лучшее. Но что делать? Кто даст нам гарантию, что этот строй, сделавший возможными свободу и прогресс, преодолит все опасности? На кого мы опираемся? На шахтеров, на часть рабочих и даже евреев (думаю, не больше 20 %). Поскольку большинство еще против нас, придется отказаться от такого исторического шанса. Поэтому и я иногда нарочно позволяю себе поддаваться эмоциям: советскими прикладами мы научим людей в этой стране мыслить рационально без отчуждения», – писал в декабре 1948 года Чеславу Милошу из Лондона философ, «крестный отец» варшавской школы истории идеи Тадеуш Кроньский по прозвищу «Тигр»²⁴⁶.

²⁴⁴ *Bikont A., Szczęsna J.* Op. cit. S. 535.

²⁴⁵ *Strzykowski J.* Wielki strach. S. 322. «Человеком редкой искренности и порядочности» Елену Усиевич назвала в воспоминаниях Ксения Чудинова – глава свердловского райкома Москвы, шестнадцать лет проводившая в ГУЛАГе. См.: *Чудинова К. П.* Памяти не вернувшихся товарищей // На сайте Сахаровского центра – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=7817> (проверено 16.01.2022).

²⁴⁶ *Miłosz Cz.* Zaraz po wojnie. Korespondencja z pisarzami. 1945–1950. Kraków, 1998. S. 318.

Да, большинство было против них, но зато меньшинство было наэлектризовано великой идеей переустройства мира, которая помогала обращать в свою веру не хуже христианства. Так к коммунизму пришли легионеры Франтишек Юзьвяк²⁴⁷ и Владислав Бронеvский, эндек Ежи Путрамент, ксёндз Стефан Матушевский²⁴⁸, антисоветский партизан Тадеуш Конвицкий, сын репрессированных в СССР родителей Тадеуш Боровский, дочь соратника Пилсудского – Ванда Василевская и даже богемная красавица Изабелла «Чайка» Стахович, кружившая головы Виткевичу, Гомбровичу и Ивашкевичу. У декадента Пшибышевского и то двое детей еще до войны отдались стихии революции: дочь написала две пьесы о якобинцах (по одной из них Анджей Вайда много позже поставил фильм «Дантон»), а сын возглавил Московскую консерваторию, где внедрил обучение марксизму-ленинизму (что, впрочем, не спасло его от расстрела). Так же к коммунизму пришел и Лем. Мы знаем это из дневников его приятеля – католического писателя и бывшего эндека Яна Юзефа Щепаньского. Вот что тот написал 4 сентября 1952 года: «По возвращении из отпуска ко мне ходит Лем и проповедует. Может, не столько марксизм, сколько одобрение марксизма. Говорит очень ярко, у него есть четкое представление о будущем и о необходимых преобразованиях в культуре. Во многом он прав. Одно беспокоит: ни один из существующих минусов нашей действительности не служит для него аргументом против теоретического принципа. Если что-то у нас не сходится, то по вине халтурщиков и дураков, не умеющих реализовать этот принцип». Или вот еще запись 7 января 1953 года: «В субботу Лем читал мне фрагменты своего романа. Он по-прежнему охвачен видением будущего, в котором все проблемы будут решены благодаря технике, а современность кажется ему неважным этапом. Этапом, уже получившим оправдание». А вот 13 ноября 1955 года: «Закончил читать книгу Лема („Неутраченное время“. – В. В.) и по пути купил номер „Новы культуры“ с его большой статьей о современных темах в литературе. Эта статья помогла мне осознать, какие я имею претензии не столько к его книге, сколько к нему самому. Речь о проблеме „внутреннего зла“ в социализме. Лем отрицает его существование, стоя на почве „партийности литературы“». И наконец, 13 апреля 1956 года: «Был у Лема. Он сказал: „Год назад ты был на тех самых позициях, что и сейчас, а я был очень красный. А сегодня мы на одних и тех же позициях. Все благодаря умелой политике ЦК“»²⁴⁹. Вдобавок вписью товарищу по научному лекторию в Ягеллонском университете Ежи Врублевскому, написанном 29 декабря 1953 года, Лем прямо называет себя и Врублевского «марксистами», хотя при этом и подмечает, что марксизм не может ответить на вопрос, почему одни страны возвышаются, а другие слабеют, и не в состоянии предсказать последствий социалистической перестройки общества: «Если мой дом плохо построен и грозит обрушением, я поступлю правильно, снеся его. Но из того, что дом шаткий и представляет опасность для жителей, не следует, что новый будет идеален»²⁵⁰. Наконец, в статье 1953 года «Империализм на Марсе» Лем с пылом противопоставил американской фантастике, которая под видом будущего описывает ужасное настоящее капитализма, фантастику соцстран, действительно устремленную в грядущее»²⁵¹.

Наряду с идеологией была еще одна причина, толкавшая Лема в коммунизм, – национальная. Во-первых, коммунистическая власть, в отличие от всех предыдущих, перестала относиться к евреям как к людям второго сорта. Уже за одно это ей многое можно было простить. Шутка ли, в преддверии праздника Йом Кипур в 1947 году польское радио пустило в эфир молитву «Кол нидрей». «Люди, которые оборвали все связи с еврейской группой, которые не участвовали в синагогальной службе, говорили, что та передача в праздничный вечер Йом

²⁴⁷ Член Политбюро в 1948–1956 годах.

²⁴⁸ Заведующий Административным отделом ЦК ПОРП в 1952–1954 годах, заместитель члена Политбюро, в 1954–1958 годах – председатель Центральной ревизионной комиссии ЦК ПОРП.

²⁴⁹ *Szczeпаński J. J. Dziennik. T. I. Kraków, 2009. S. 323, 337, 579, 611.*

²⁵⁰ *Orliński W. Lem w PRL-u, czyli nieco prawdy w zwiększonej objętości. Kraków, 2021. S. 347–349.*

²⁵¹ *Lem S. Imperializm na Marsie // Życie Literackie. 1953. № 7.*

Кипур потрясла их»²⁵². А во-вторых, лишь коммунистическая власть стояла между немногими уцелевшими евреями и огромным большинством населения, не желавшим видеть евреев на своей земле. Начальник секции иностранных дел Представительства правительства в стране Роман Кноль уже в 1943 году докладывал в Лондон: «<...> Возвращение евреев в покинутые ими учреждения и места работы абсолютно исключено, даже если их будет куда меньше. Нееврейское население заняло места евреев в городах и местечках, и это на большей части страны коренное изменение, которое носит характер окончательного. Возвращение евреев воспринималось бы массами не как реституция, а как вторжение, против которого они защищались бы даже физическим путем»²⁵³. И действительно, стоило евреям летом 1945 года потянуться к своим брошенным домам, как в стране тут же ожил антисемитизм, подпитываемый легендами о ритуальных убийствах христианских детей. Часть антикоммунистического подполья (скорее всего, эндеки из Национальных вооруженных сил) устроила «акции на транспорте», расстреляв до двухсот еврейских репатриантов, которых они вытащили из поездов²⁵⁴. Краковский воевода сообщал в июне 1945 года: «<...> Достаточно мелкого инцидента или самого невероятного слуха, чтобы вызвать серьезные эксцессы. Вопрос отношения общества к евреям представляет серьезную проблему»²⁵⁵. Центральный еврейский комитет даже обратился к краковскому митрополиту Адаму Сапеге с просьбой повлиять на ситуацию, но тщетно: Сапеге не прореагировал, как не прореагировал в свое время Шептицкий, когда к нему с просьбой воздействовать на паству обращался архиепископ Твардовский, переживавший уже за волынских поляков. И 11 августа 1945 года по Кракову пронесся погром, действительно вызванный невероятным слухом – все о том же ритуальном убийстве. Какие-то мальчишки в очередной раз забросали камнями синагогу в еврейском районе Казимеж. Одного из них поймал находившийся в синагоге солдат и, затащив внутрь, надавал по заду. Пострадавший выбежал наружу и закричал, что видел окровавленные детские останки. Собралась толпа, которая разгромила и сожгла синагогу, а затем пошла по квартирам, причем в толпе оказалось немало солдат и милиционеров, которые взялись проверять документы у прохожих, выискивая евреев, и таким образом придавали всему происходящему вид спланированной акции (жители насмотрелись таких при немцах). По официальным данным, погибла одна женщина (56-летняя Роза Бергер, в январе освобожденная Красной армией из Аушвица), по неофициальным – как минимум пять. Пресса (в том числе католическая) выступила с резким осуждением погрома и антисемитизма в целом, несколько человек получили сроки от года до семи лет²⁵⁶.

И что толку? Уже на следующий год, 4 июля, куда более масштабный погром прокатился по Кельцам. Там тоже все началось с показаний ребенка и тоже активную роль в погроме сыграли милиционеры. Погибли не менее 39 евреев, среди которых и председатель местного отделения Центрального еврейского комитета Северин Кахане – дальний родственник Лема, тоже одно время прятавшийся у Джули. Власти, проявившие исключительную расхлябанность в ходе погрома, все же организовали торжественные похороны его жертв, а затем приговорили девятых погромщиков к расстрелу и еще троих – к длительному заключению (позднее состоялось восемь новых процессов, в ходе которых 26 человек получили небольшие сроки)²⁵⁷. Но

²⁵² Gajewska A. Stanisław Lem... S. 218.

²⁵³ Persak K. Pogrom Żydów w Krakowie 11.08.1945 // Сайт Музея истории польских евреев – URL: <https://polin.pl/pl/pogrom-zydow-w-krakowie> (проверено 11.01.2022).

²⁵⁴ Pogromy powojenne // На сайте Wirtualny Sztetl – URL: <https://sztetl.org.pl/pl/sloownik/pogromy-powojenne> (проверено 11.01.2022).

²⁵⁵ Persak K. Pogrom...

²⁵⁶ Ibid.; Gieroń R. Wokół pogromu krakowskiego // Популяризаторский сайт Института национальной памяти Przystanek historia – URL: <https://przystanekhistoria.pl/pa2/tematy/zydzi/75062,Wokol-pogromu-krakowskiego.html> (проверено 11.01.2022).

²⁵⁷ Rusiniak-Karwart M. Pogrom w Kielcach – 4 lipca 1946 roku // Сайт Wirtualny Sztetl – URL: <https://sztetl.org.pl/pl/miejscowosci/k/399-kielce/116-miejsca-martyrologii/46870-pogrom-w-kielcach-4-lipca-1946> (проверено 13.01.2022).

это не помогло им спасти лицо: множество евреев потянулись прочь из Польши. Уже к сентябрю 1946 года 63 000 евреев покинули страну (из примерно 240 000). Эмиграция продолжалась до 1951 года, когда правительство запретило выезд в Израиль. К тому времени в Польше оставались не более 80 000 евреев²⁵⁸.

Келецкий погром стал орудием пропаганды обеих враждующих сторон – правящего режима и оппозиции. Коммунистическая пресса возложила вину за него на подпольщиков и, опосредованно, на католический клир и партию Миколайчика (как на «реакционеров»), а оппоненты власти – на госбезопасность, которая, дескать, устроила провокацию с целью отвлечь внимание общества от состоявшегося 30 июня референдума, на котором подозрительно много голосов было отдано за упразднение Сената, конституционное закрепление нового строя (то есть обобществление промышленности и земельную реформу) и установление новых западных границ²⁵⁹.

Нацменьшинства, естественно, были более склонны верить официальной версии о причинах погрома – к этому их принуждали и не слишком приятные воспоминания о довоенной Польше, и то, что сильно раздробленное подполье, утратив более-менее единое руководство после ареста в ноябре 1945 года полковника Яна Жепецкого, а затем и всей верхушки «Свободы и независимости», превратилось в стихийное движение со всеми вытекающими последствиями. Нуждаясь в деньгах, подпольщики совершали налеты на финансовые учреждения, иногда скатываясь в обычный бандитизм (впрочем, «эксы» были обычным делом и для российских революционеров, и для польских борцов за независимость). Кто-то перешел к резне, как аковец Ромуальд «Бурый» Райс, который, вырвавшись из советской ловушки в Вильнюсе, связался с подпольщиками-эндеками и устроил форменный геноцид православных Белостокского воеводства, что вызвало массовый исход белорусов в СССР. Брались за оружие подростки, наслушавшись агрессивных речений взрослых. Так, несколько юных жителей Люблина, исполнившись патриотического рвения, застрелили в марте 1946 года бывшего сотрудника госбезопасности Хаима Хиршмана. А Хиршман, между прочим, был одним из двух человек, кто сумел спастись из Белжецкого концлагеря и прямо в день своей гибели начал давать показания о концлагере для люблинского отдела Еврейской исторической комиссии. Когда развернулась коллективизация, лесные отряды пополнились сельской молодежью. По стране бродили эндецкие группы, целенаправленно отстреливавшие евреев, а на юго-востоке тем временем шла настоящая война с УПА – организацией, которая тоже не отличалась интернационализмом. В марте 1947 года украинцам даже удалось убить заместителя министра обороны Кароля Сверчевского, из которого коммунистическая пропаганда быстро сделала эталонного борца за коммунизм.

На фоне всего этого, в общем, не удивительны прокоммунистические настроения Лема того периода. Другим вариантом действий могла стать эмиграция. Именно ее выбрали такие люди, как сотоварищ Самуэля Лема по сионистскому движению Эмиль Зоммерштейн, брат высокопоставленного аппаратчика Якуба Бермана, Адольф (бывший секретарь «Жеготы»), и... чудом выживший под нацистской оккупацией Станислав Ежи Лец (этот, правда, спустя два года вернулся в Польшу). Ну а Лемы выбрали близость властям: отец – скорее вынужденно, а вот сын – горячо и искренне.

²⁵⁸ *Eisler J. Rok 1968... S. 93; Nazarewicz R. Od KPP do PPR (1938–1942). Kryzys polskiego ruchu komunistycznego w świetle dokumentów Międzynarodówki Komunistycznej // Tragedia Komunistycznej Partii Polski. Warszawa, 1989. S. 238; Костырченко Г. В. Советско-польские отношения и еврейский вопрос. 1939–1957 // Польша – СССР. 1945–1989: избранные политические проблемы, наследие прошлого / Отв. ред. Э. Дурачинский, А. Н. Сахаров. М., 2005. С. 304.*

²⁵⁹ По официальным данным, на первый вопрос позитивно ответили 67 % голосовавших, на второй – 78 %, а на третий – 92 %. На самом же деле «три раза да», как призывали коммунисты, ответили всего 27 % голосовавших, зато «три раза нет» – 33 % (см.: *Paczkowski A. Op. cit. S. 129*). Фальсификацию итогов провела группа сотрудников советского МГБ во главе с полковником Ароном Палкиным совместно с польской госбезопасностью, деятельность которой координировал старший инструктор МВД СССР при Министерстве общественной безопасности Польши, полковник Семен Давыдов.

Подобная дилемма стояла тогда перед всеми польскими евреями. Те, кто не хотел покидать родину, находили убежище во властных структурах, что лишь усиливало повсеместный антисемитизм. Работники официальных учреждений постоянно жаловались на «еврейское засилье». Вскоре после окончания войны сотрудник советской госбезопасности обращал внимание начальства на то, что значительная часть служащих в государственном аппарате пеняет на большое число евреев в министерствах и ведомствах. В 1947 году комиссар по вопросам обеспечения еврейского населения в Кракове информировал верхи: «Сохраняется более или менее скрытая неприязнь к евреям, свойственная также и низам демократических партий (то есть ПРП и ее союзников. – В. В.), хотя и в куда меньшей степени. То же самое касается армии и милиции»²⁶⁰. Да что там, даже лидер партии Владислав Гомулка, отстраненный от власти, доносил в начале декабря 1948 года Сталину, что в государственном и партийном аппарате страны слишком много евреев, причем часть из них «не чувствует себя связанной с польским народом <...> никакими нитями или же занимает позицию, которую можно назвать национальным нигилизмом <...> Я располагаю многочисленными документами, что существующее положение дел в области состояния руководящих кадров как в партии, так и в государственном аппарате вызывает серьезную тревогу и недовольство. В то же время в партии <...> сложилась такая обстановка, когда никто не имел мужества высказать критические замечания против нынешней персональной политики. Недовольство же выражается в кулуарах»²⁶¹. То же недовольство, но в отношении кадрового состава политработников Войска Польского, высказывали в 1943 году командующий дивизией им. Тадеуша Костюшко Зыгмунт Берлинг и его зам по политико-воспитательной части, коммунист Влодзимеж Сокорский²⁶². В 1949 году уже член Политбюро и глава общепольской профсоюзной организации Александр Завадский говорил в доверительной беседе: «Я считаю, что засилье евреев в партийных и государственных органах Польши является серьезной политической проблемой»²⁶³. А в конце сентября того же года министр общественной администрации, старый коммунист Владислав Вольский, в личной беседе с одним из сотрудников советского посольства раскритиковал Бермана, заметив, что из-за господства «лиц еврейской национальности» в Министерстве общественной безопасности Москва не получает объективной информации о событиях в Польше. В апреле 1950 года Вольский даже обратился к советскому послу с просьбой разрешить ему встретиться со Сталиным, чтобы донести до советского вождя свою озабоченность «еврейским вопросом». Тогда же, согласно спецдонесению ТАСС, член ЦК и бывший социалист Стефан Матушевский следующим образом высказался о решении Политбюро ограничить полномочия двух функционеров еврейского происхождения – Бермана и Замбровского: «Многие работники ЦК – евреи – рассматривают это решение как наступление против партийных работников-евреев, отстранение их от руководства партией <...> это решение будет горячо одобрено всей партией»²⁶⁴.

Почему же Москва не прислушивалась к этим голосам? Ведь в Советском Союзе тогда кипела настоящая антисемитская кампания, прикрытая лозунгами борьбы с космополитизмом. Казалось бы, Сталин должен был остро реагировать на подобные сигналы, – тем более что как польская госбезопасность, так и армия были наспигованы советскими офицерами, которые осуществляли дополнительный контроль за происходящим (достаточно вспомнить министра обороны Константина Рокоссовского; начальника контрразведки Войска Польского, полковника НКВД Дмитрия Вознесенского, и его зама, тоже полковника НКВД Антона Скуль-

²⁶⁰ Aleksium N. Op. cit. S. 98.

²⁶¹ СССР и Польша. Механизмы подчинения. 1944–1949. Сборник документов / Под ред. Г. Бордюгова, Г. Матвеева, А. Косеского, А. Пачковского. М., 1995. С. 274–275.

²⁶² Rozenbaum W. The road to New Poland: Jewish communists in the Soviet Union, 1939–1946 // Jews in Eastern Poland and the USSR, 1939–1946. Edited by N. Davies and A. Polonsky. London, 1991. P. 221.

²⁶³ Костырченко Г. В. Указ. соч. С. 310.

²⁶⁴ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Указ. соч. С. 553.

башевского, одно время занимавшего пост главного военного прокурора Польши). Но нет, – репрессированными оказались как раз поляки: сначала антикоммунисты, а затем Гомулка и его товарищи по антифашистскому подполью. Все просто: Сталин не доверял людям, которые провели всю оккупацию в Польше, а не были заброшены с советской стороны. Естественно, что среди этих «московских поляков» было немало евреев, в то время как среди соратников Гомулки их не было вовсе. А еще поляки норовили смотреть на все через призму интересов своей страны, а не интересов СССР (которые отождествлялись с интересами мирового коммунизма). Евреи же были легче управляемы, поскольку сидели в Польше как на вулкане, отторгаемые большинством населения. Причем Польша была в этом не одинока. В Венгрии того периода Политбюро и ЦК вообще по большей части состояли из евреев.

Лемы, по счастью, жили в отдалении от эпицентра краковского погрома, но в любом случае произошедшее должно было их не на шутку взволновать. Однако в письмах, которые отец и сын Лемы слали осенью 1945 года Хемару в Великобританию (адрес узнали от проживавшего там же Слонимского, который в сентябре посетил Краков), об этом не сказано ничего. Старшего Лема куда больше заботила бедность и невозможность расплатиться с теми, кто помог им пережить Холокост. Он, владевший когда-то тремя десятками картин, просил племянника прислать для сына какую-нибудь одежду. Хемар ответил, хотя и не сразу, а помогать не стал, возможно обиженный тем, что дядя не спас его мать²⁶⁵. Поэтому Самуэль Лем в мае 1946 года вынужден был обратиться за помощью в Объединение по охране здоровья еврейского населения, действовавшее при Центральном еврейском комитете. Далось ему это, очевидно, нелегко, ведь он рисковал работой, где указал в анкете, что является поляком. Госбезопасность держала его под наблюдением до февраля 1949 года и действительно не раз требовала объяснений по поводу лжи в анкете²⁶⁶. Но все в итоге как-то утряслось.

Лем говорил, что мог бы неплохо зарабатывать в Кракове сварщиком, но отец настоял, чтобы он продолжил обучение медицины. В итоге Лем поступил на третий курс Ягеллонского (то есть Краковского) университета, названного так в честь короля Владислава Ягайло, основавшего его. В 1947 году Лем начал посещать пятничные собрания научного лектория, организованного вузовскими ассистентами, и познакомился с психологом Мечиславом Хойновским, который хотя и разнес его работу о функциях мозга, но привлек на полставки в редколлегия журнала *Życie Nauki* («Жиче науки»/«Жизнь науки»), издававшегося при лектории. В журнале Лем главным образом отвечал за обзор зарубежной науки в диапазоне от кибернетики до генетики, в связи с чем вынужден был изучать английский язык. Кроме того, он участвовал в проводившихся Хойновским психологическо-статистических исследованиях: тестировал абитуриентов. Знакомство с Хойновским Лем оценивал как переломный момент жизни: тот познакомил его с научным подходом, благодаря чему работа Лема «Этиология опухолей» в 1947 году появилась на страницах авторитетного издания *Polski Tygodnik Lekarski* («Польски тыгодник лекарски»/«Польский врачебный еженедельник»), а затем даже вышла отдельной брошюрой²⁶⁷.

Параллельно Лем вступил в Кружок молодых авторов при краковском отделении Профсоюза польских писателей. Кружок, как и сам профсоюз, располагался в бывшем доходном доме по адресу: Крупнича, 22, – в двадцати минутах ходьбы от квартиры Лемов. В 1945 году это непримечательное здание, которое выбил для писателей автор гимна нового Войска Польского Адам Вазик, являлось центром литературного процесса в стране. Там проживали несколько десятков писателей и поэтов, многие из которых были известны на всю Польшу (достаточно

²⁶⁵ *Gajewska A. Stanisław Lem...* S. 184.

²⁶⁶ *Ibid.* S. 182.

²⁶⁷ *Ibid.* S. 193.

вспомнить Ежи Анджеевского и Константы Ильдефонса Галчиньского)²⁶⁸. Там же Лем познакомился с будущей нобелевской лауреаткой Виславой Шимборской, за которой одно время ухаживал.

В самом кружке Лем не проявлял особой активности, видимо сильно робея, зато публикации пошли одна за другой, причем самого разного толка – от развлекательных историй про ушедшего журналиста а-ля Конан Дойл до производственной повести и драматического рассказа про Холокост. Позднее Лем говорил Бересю, что писал их только для заработка и на заказ²⁶⁹, но вряд ли это так. В обоих своих больших интервью Лем старался пореже упоминать свои ранние произведения, что сам Бересь позднее воспринял как нежелание признаваться в грехе служения режиму. Однако в большинстве тех рассказов нет какого-то прогиба перед идеологией (разве что в соцреалистической «Истории о высоком напряжении» да в «КВ-1», посвященном советским танкистам). Но как можно для заработка писать, например, о Холокосте человеку, пережившему Холокост? А ведь Лем публиковал и стихи, которые уж точно больших денег не приносили, да и пристроить их стоило великого труда: «Вместе со стихами меня спускали с лестницы – разумеется, фигурально – и Пшибось, и Беньковский, и Выка. Пшибось объяснял мне, что я пишу под Лесьмяна, а рифмовать-то не надо»²⁷⁰.

Конечно, дело было не в заработке: вдохновленный тем, что катовицкий еженедельник *Nowy Świat Przygod* («Новы сьвят пшигод»/«Новый мир приключений») взялся публиковать его «Человека с Марса», Лем понял, кем хочет стать, и взялся пробовать себя во всех литературных направлениях сразу, торопясь завоевать известность. А зарабатывал он другим: получал стипендию, был корректором, переводил с русского книги об откорме домашнего скота, ремонтировал автомобили²⁷¹.

Наибольшей удачей на литературном поприще можно считать публикацию двух рассказов в газете *Kuźnica* («Кузьница»/«Кузница»), которую возглавлял кандидат в члены ЦК Стефан Жулкевский, позиционировавший журнал как орган марксистских писателей, кующих новую действительность. Но «Кузница» скоро перебралась из мещанского Кракова в рабочую Лодзь, а попытки Лема пробиться в другие серьезные издания города – *Twórczość* («Творчость»/«Творчество») и *Odrodzenie* («Одродзене»/«Возрождение») – успеха не принесли²⁷². Оставалось довольствоваться легковесными газетами, а еще католическим органом *Tygodnik Powszechny* («Тыгодник повшехный»/«Всеобщий еженедельник»), куда атеист и еврей Лем сунулся, конечно, от отчаяния, не подозревая, какая громкая судьба ждет это издание. Несколько его произведений появились на страницах органа вооруженных сил *Żołnierz Polski* («Жолнеж польски»/«Польский солдат»). Недолгое время, пока газета не перебралась в Варшаву, он даже вел там рубрику анекдотов. Один из членов редколлегии, в будущем романист и киносценарист Юзеф Хен, вспоминал: «Лем часто к нам, на шестой этаж на улице Гертруды, заходил, еще будучи студентом; я в своем дневнике упоминаю один разговор с ним, когда Братны, редактор журнала „Поколение“, отверг мой рассказ, а Лем на это с усмешкой: „Братны не любит“. Известно, кого не любит»²⁷³.

²⁶⁸ *Stachnik P.* Legenda Domu literatów. Mieszkało w nim stu wieszczów // *Dziennik Polski* – URL: <https://dziennikpolski24.pl/legenda-domu-literatow-mieszkało-w-nim-stu-wieszczow/ar/12649113> (проверено 18.01.2022).

²⁶⁹ *Tako rzecze...* S. 53, 56.

²⁷⁰ *Świat na krawędzi...* S. 53–54. Поэт Юлиан Пшибось (первый председатель возрожденного в 1945 году Профсоюза польских писателей) входил тогда в редколлегию журнала «Одродзене», руководимого Курылюком. Видимо, там же короткий период между отставкой с поста заведующего Отделом пропаганды ЦК и назначением на должность директора Национальной библиотеки в Варшаве в 1948 году обретался и соратник Гомулки – Владислав Беньковский. В одном месте интервью Бересю Лем перечисляет их через запятую: «<...> После разнообразного графоманского рифмоплетства, которое доводило до отчаяния Пшибося, Курылюка и Беньковского, я начал писать свой первый роман» (*Tako rzecze...* S. 47).

²⁷¹ *Язневич В. И.* Станислав Лем. Минск, 2014. С. 24.

²⁷² *Świat na krawędzi...* S. 11.

²⁷³ *Hen J.* Ja, Deprawator. Katowice, 2018. S. 298.

Братны – ровесник Лема, поэт и бывший участник эндецкой подпольной организации «Меч и плуг», а после войны – основатель журнала *Pokolenie* («Поколене»/«Поколение»), куда привлёк других некоммунистических бойцов Сопротивления, признавших новую власть. Выходит, Лем обращался и к нему, если был в курсе его пристрастий. Берясь во время интервью с Лемом не без удивления отметил эту его идеологическую неразборчивость²⁷⁴. Хотя что тут странного? Молодой автор стучался во все двери в надежде опубликовать свои произведения. Хорошо еще, что он не успел дойти до Объединения ПАКС (МИР) – организации лояльных власти католиков, основанной недавним нацистом Пясецким после душевного разговора с Иваном Серовым в застенках польской госбезопасности. На тот момент подрывная роль ПАКСа как орудия власти против епископата еще не была очевидна, он считался органичной частью общественных организаций католиков и располагал большими издательскими ресурсами (там в то время издавался, например, приятель Лема, Ян Юзеф Щепаньский, в прошлом тоже член эндецкого подполья).

Успех Братного не мог не дразнить Лема. Всего на месяц старше его, тот уже возглавлял редколлегия журнала, учился в Академии политических наук (коммунистической школе кадров) и был на короткой ноге с вершителями судеб культуры. Достижения Лема тоже на первый взгляд впечатляли: за три года (1946–1948) он издал одну повесть, семнадцать рассказов, двенадцать стихотворений и один перевод русского стихотворения. Все это печаталось в различных газетах и журналах: шесть рассказов в «Жолнеже польском» («Новый», «Фау над Лондоном», «День Д», «Встреча в Колобжеге», «Атомный город» – все о Второй мировой войне); четыре рассказа («Чужой», «День седьмой», «История одного открытия», «Сад тьмы»), две рецензии (на Кшиштофа Камиля Бачиньского и Тадеуша Ружевица) и почти все стихотворения – в «Тыгоднике повшехном»; четыре разноплановых рассказа («План „Анти-Фау“», «Конец света в восемь», «Трест твоих грез», «История о высоком напряжении») – в катовицком журнале жанровой литературы *Co Tydzień Powieść* («Цо тыдзень повесть»/«По роману в неделю»); два рассказа («КВ-1», «Укромное место») – в «Кузьнице»; фантастическая повесть «Человек с Марса» – в другом катовицком издании «Новы съвят пшигод»; рассказ о немецком концлагере «Гауптштурмфюрер Кестниц» – в катовицком двухнедельнике *Odra* («Одра»); стихотворение «Баллада» – в юмористическом ежемесячнике из Катовиц *Koszynder* («Коциндер»), а перевод стихотворения Ильи Сельвинского «Суд в Краснодаре» – в краковской газете *Kultura* («Культура»), посвященной советской культуре.

Все они остались не замеченными ни критикой, ни публикой, кроме «Атомного города». Это произведение вызвало некоторый резонанс: в том же «Жолнеже польском» на него вышла пародия, присланная читателем: *«Желая сделать для читателей „Ж. П.“ более доступным понимание некоторых таинственных явлений, которые происходят в моем романе, и сократить его темп, даю содержание следующего отрывка. Бутылки со сжатым воздухом застыли в тени портлендского цемента. Графитово-урановый стержень доставал до макушки, эмануруя наш модератор. Аб очищался, растворялся, оседал, связывался и так по кругу. Я взглянул на Грэма. Нет. Это не гениальный пекарь популярных булочек. Передо мной стоял человек в комбинезоне, покрытом резиной. Одно его движение... и радиоактивная туча плутона, о количестве которой сигнализирует карманная спеезу, превратит наши лейкоциты в кровавые куски костного мозга, вызвав злокачественную анемию. Одна ошибка – и критическая масса профилированного стропа ударит в ручку конденсатора, вышвырнув нас отсюда. Я разволновался. Грэм потянулся к бетатрону. Страхователь напряжения, изолирующий неизвестный Multiplication factor k, сдвинул атомный детонатор. Изотопом газовой диффузии, под давлением шестифтора миновав дифундаторы и Аб, мы взмыли вверх. – Воды! – в отчаянии крикнул я. – Ты что, спал? Может, тебе тяжело? – тихо спросил кто-то. – Тяжелой? Нет, бога ради, нет!*

²⁷⁴ Tako rzecze... S. 49.

Обычной, простой воды! И чего-то полегче»²⁷⁵. Автор пародии хорошо подметил склонность Лема не всегда к месту насыщать свои тексты научными терминами, содержание которых было неведомо, возможно, и ему самому. В дальнейшем эта неумеренная наукообразность станет сущим бичом его публицистики.

Осенью 1947 года Лем подал две сценарные заявки. Первая была написана вместе с другим автором «Жолнежа польского» и тоже львовянином Адамом Холлянеком – будущим основателем журнала «Фантастика». Она называлась «Танкисты» и, предвосхищая «Четырех танкистов и собаку», повествовала о бойцах Первой варшавской бронетанковой бригады им. Героев Вестеплятте, которые загнали на лед Балтийского моря немцев, где те и утонули – прямо как в «Александре Невском» Эйзенштейна. Вторая носила имя «Крылатые колеса» и была написана вместе со скульптором Романом Хуссарским – еще одним знакомым по Кружку молодых авторов. «Крылатые колеса» были производственным сценарием, хотя и не без юмора (что отличало его от великого множества подобных). В нем рассказывалось о молодом железнодорожнике, который благодаря работоспособности и стремлению к знаниям завоевывает любимую. Как полагается, присутствовали немецкий саботажник и советская помощь польскому народу. Оба сценария были отвергнуты, так как первый оказался недостаточно героичен, а второй – чересчур эротичен²⁷⁶.

В марте 1946 года Лем подал заявку на вступление в Профсоюз польских писателей, представив два рассказа: «Новый» и «Укромное место» (явно не случайный выбор – оба вышли в ортодоксально-коммунистической «Кузнице»)²⁷⁷. Заявку отвергли, но Лем продолжал писать в бешеном темпе, словно торопился настичь передовиков и доказать всем, что является настоящим писателем. А доказывать было что. В Кружке молодых авторов выступавший там литературовед Казимир Выка (главный редактор «Твурчости» и лидер краковской школы критики) основной надеждой литературы полагал Вильгельма Маха²⁷⁸ – поэта и прозаика на пять лет старше Лема, имевшего за плечами богатую военную биографию. Мах публиковался в серьезных изданиях, был секретарем редакции «Твурчости», стипендиатом французского правительства, а с 1948 года – членом Профсоюза польских писателей. Лема же, по его воспоминаниям, относили к одной группе с авторами развлекательной литературы Каролем Буншем и Янушем Мейснером (оба вдвое старше Лема) – они были тремя «писателями, которые что-то там строчат для массового читателя»²⁷⁹. В Польше тем временем гремел со своими рассказами об Аушвице Тадеуш Боровский, которого наперебой приглашали публиковаться лучшие издания страны. Боровский был на год младше Лема, а обративший его в коммунизм Виктор Ворошильский (новоявленный Маяковский из-под Гродно) – на целых шесть. Но это их, а не Лема наряду с Братным, Конвицким и другими перспективными авторами в январе 1948 года Министерство культуры и искусств пригласило на семинар молодых писателей в Неборов, где находился барочный дворец Радзивиллов (потом этот дворец сыграет роль академии пана Кляксы в одноименном фильме Кшиштофа Градовского). И там эти юные гении, вместо того чтобы внимать авторитетам, таким как Ивашкевич и Жулкевский, взялись их высмеивать!²⁸⁰ Корифеи пренебрежительно именовали их «прыщавыми», а те пламенно несли социализм в массы, упрекая старшее поколение в инертности. Это была идейная дискуссия! Но Лем стоял от нее в стороне – не потому, что не хотел, а потому, что не дорос. У него даже не получилось войти в литературную группу *Inaczej* («Иначе»/«Иначе»), организовавшую Кружок молодых авторов

²⁷⁵ *Nie-Lem S. (Brzezicki M. Z.) Miasto atomowe // Żołnierz Polski. 1947. № 19.*

²⁷⁶ *Gajewska A. Stanisław Lem... S. 226–228.*

²⁷⁷ *Ibid. S. 209–210.*

²⁷⁸ *Tako rzecze... S. 55.*

²⁷⁹ *Tako rzecze... S. 57.*

²⁸⁰ *Bikont A., Szczesna J. Op. cit. S. 76–77.*

и издававшую одноименный журнал: сначала его проза отвергалась, а затем, когда он прислал туда неплохой рассказ про Варшавское восстание, тот просто был потерян (и уже навсегда)²⁸¹.

Впрочем, Лем тогда еще учился на медицинском и ему было не до выездов на писательские сборища. Лишь в 1948 году он окончил университет и даже не стал сдавать экзаменов – так спешил расстаться с опостылевшей медициной²⁸². Оно и понятно: в разгаре была работа над первой по-настоящему мощной вещью, которая должна была сделать Лему имя: «Больницей Преображения». Желание создать что-то большое и стоящее иногда посещало Лема и ранее: достаточно вспомнить такие проникновенные творения, как «Сад тьмы», «Укромное место», «Новый» и «День седьмой». Но тут Лем решил взяться за дело всерьез – и за четыре недели в сентябре 1948 года создал роман о немецкой оккупации²⁸³. Приступая к нему, Лем вдохновлялся не только своими военными переживаниями, но и проходившими в 1946–1947 годах в Кракове судебными процессами над нацистскими преступниками (оттуда же, видимо, растут ноги и у рассказов «Новый» и «Гауптштурмфюрер Кестниц»).

Незадолго до окончания романа с Лемом случилась крупная неприятность: он ненароком подвел под монастырь «Жиче науки», что аукнулось журналу сменой руководства, а в дальнейшем его переносом в Варшаву. Причиной стал пересказ Лемом на основе материалов «Правды» августовской сессии ВАСХНИЛ, на которой учение Лысенко в области генетики было провозглашено обязательным и единственно верным. Лем, который еще год назад в аналогичной статье критиковал взгляды на эволюцию ректора Люблинского католического университета, ксёндза Антония Сломковского (вскоре арестованного), теперь предпочел не атаковать напрямую, а просто представил позиции обеих сторон. Но такие обороты, как «в своей речи академик Лысенко выступил против признанной во всем мире генетики», тоже о многом говорили²⁸⁴. Тема была опасная, Хойновский даже пустил текст Лема без подписи, но это не спасло журнал от громов и молний из Министерства просвещения. Как замечает Агнешка Гаевская, уровень статьи показывал, что Лем мог бы претендовать на научную карьеру, если бы не ужесточение политического курса²⁸⁵.

Вот только большой вопрос, сильно ли переживал Лем по поводу этого ужесточения. Ну да, с разгромом генетики он был не согласен, но это не значило, что он был не согласен со строем или с линией партии. В воспоминаниях Лем пытался изобразить себя антикоммунистом, который если и писал что-то угодное властям, то от безденежья и с фигой в кармане. Так, он подробно рассказывает о своем сотрудничестве с «Тыгодником повшехным», но почти не упоминает «Кузницу» или «Жолнеж польский». Мало говорит о ранних рассказах и пьесе «Яхта „Парадиз“», вообще не вспоминает о двух своих сценарных заявках, зато с удовольствием расписывает, как сочинял «Больницу Преображения». А еще в обоих больших интервью сообщает, как попал в облаву на квартире у Хуссарского и просидел под замком несколько недель (якобы из-за этого он и не смог сдать выпускных экзаменов). По словам Лема, это произошло в 1947 году, но тогда в Кракове не было никаких облав на студентов. Кажется, права

²⁸¹ Gajewska A. Stanisław Lem... S. 218–221. Что интересно, отвечал за принятие текстов в журнал Адам Влодек – муж Шимборской, за которой ранее ухаживал Лем.

²⁸² Сам Лем объяснял свое нежелание работать врачом страхом перед пожизненным призывом в армию. Но в этом случае его могли призвать рядовым, а это едва ли было лучше, тем более что в мирное время врачи в ПНР лишь формально числились в армии, а фактически работали в обычных клиниках и только время от времени проходили военные сборы. Так что истинной причиной нежелания сдавать экзамены, скорее всего, являлось стремление Лема стать профессиональным писателем. См.: Орлинский В. Указ. соч. С. 142–143 (Орлинский дал неверную дату окончания Лемом университета, так как не знал, что тот покинул Львов в 1945 году).

²⁸³ О скорости написания этой вещи сообщил сам Лем в июне 1958 года. См.: Lem S. Moje marzenie: mieć dużo czasu na pisanie // Trybuna Robotnicza. 21/22.06.1958.

²⁸⁴ Genetyka i biologia w ZSRR // Życie Nauki (Kraków). 1948. № 35–36. S. 417–422.

²⁸⁵ Gajewska A. Stanisław Lem... S. 200.

Гаевская, которая предположила, что речь идет о столкновениях учащих с милицией в День Конституции 3 мая 1946 года.

День Конституции – один из главнейших государственных праздников Польши. В 1946 году в этот день планировались большие манифестации с антикоммунистическим оттенком: все недовольные властью хотели таким образом выразить поддержку крестьянской партии Миколайчика. В Кракове власти запретили любые демонстрации, но сделали это в последний момент, когда о запрете мало кто мог узнать. В итоге патриотическая манифестация была разогнана госбезопасностью и милицией, под арест попали от 600 до 2000 участников. Видимо, часть манифестантов пыталась спастись в Доме скульпторов, где всех и накрыли, не разбираясь, кто ходил на демонстрацию, а кто нет²⁸⁶. Лем ничего не рассказывал о своем участии в шествии (уж он-то не упустил бы случая поведать о таком патриотическом шаге), а значит, просто забрел к Хуссарскому в гости.

В январе 1947 года прошли выборы в Сейм, итоги которых подтасовала та же группа лиц, что и результаты референдума 1946 года. Официально партия Миколайчика получила чуть более 10 % голосов, но ее собственный экзитпол показал, что она завоевала почти 70 %. Польская крестьянская партия была последней политической преградой на пути установления коммунистической диктатуры. Формально в стране действовали все довоенные партии (кроме эндеков), но на самом деле это были их огрызки, состоявшие из деятелей, которые согласились в 1944 году войти в образованный просоветскими силами временный парламент. Основная масса политиков и активистов либо осталась в эмиграции, либо ушла в подполье и таким образом оказалась вне закона. Миколайчик одним из немногих отважился вернуться в страну и начать открытую борьбу с коммунистами (хотя и признал новые восточные границы и земельную реформу). Теперь, после выборов, его карта была бита. У властей отныне были развязаны руки, и они ковали железо, пока горячо. В феврале 1947 года суд вынес приговоры всему руководству «Свободы и независимости», подведя черту под организованной конспирацией. Летом в ЦК ПРП разработали список предпочтительных тем для представителей литературы и искусства – начиналась культурная революция²⁸⁷. К 31 июля завершилась акция «Висла»: украинцев депортировали с Подкарпатья на западные земли и, таким образом, подорвали социальную базу УПА. Одновременно путем кадровых изменений удалось поставить под контроль правительства организацию польских скаутов (харцеров), что привело к ее исключению из всемирных скаутских структур. А харцеры были одной из твердынь оппозиции, их патроном некогда выступал сам Пилсудский, а после его кончины – президенты Мосцицкий и Рачкевич!

В сентябре в Шклярской Порембе (Силезия) руководства девяти «братских» партий объявили о создании Коммунистического информбюро – этакой новой версии Коминтерна: разворачивалась холодная война, и Сталин решил, что концепция «народной демократии», которую он же предложил иностранным коммунистам в 1944 году (то есть правление межпартийных блоков во главе с марксистами, вместо «блока коммунистов и беспартийных»), больше не актуальна – пришло время закручивать гайки. В октябре Миколайчик, наблюдая незавидную судьбу лидеров легальной оппозиции в странах под советским контролем, бежал из Польши. Коммунистам оставалось, как в СССР, ликвидировать все партии и молодежные организации, кроме коммунистических, чтобы перейти к форсированному строительству социализма, но тут начались проблемы. Генеральный секретарь ЦК ПРП Владислав Гомулка, до сих пор азартно громивший все пережитки довоенной Польши, вдруг начал высказываться в том духе, что польский коммунист должен быть патриотом и это надо отразить в программе новой партии, которую планировалось создать, слив воедино коммунистов и социалистов. Недооценка вопроса независимости, по его мнению, являлась первородным грехом Социал-

²⁸⁶ Paczkowski A. Op. cit. S. 127; Gajewska A. Stanisław Lem... S. 201–205.

²⁸⁷ Paczkowski A. Op. cit. S. 137.

демократии Королевства Польского и Литвы (на базе которой выросла Компартия), и потому в этом вопросе надо опереться на позицию социалистов, а отнюдь не коммунистов. И это сказал коммунист!

Возможно, Сталин простил бы Гомулке эту фронду, как простил до того открытое недовольство созданием Коминформа, но тут тревожные сигналы начали поступать из Югославии, где заартачился Тито, осторожно дававший понять, что в своей стране хозяин он, а не Сталин. В ответ югославский лидер получил от советской пропаганды ярлык «троцкиста» и «англо-американского подпевалы», а затем под раздачу попал и Гомулка, замененный в начале сентября 1948 года на посту лидера партии президентом Болеславом Берутом, прошедшим куда большую коминтерновскую школу и приученным беспрекословно выполнять волю Москвы (даром что его когда-то исключили из школы за протест против обязательного изучения русского языка). Вместе с отставкой Гомулки подошла к концу и так называемая «мягкая революция». Отныне допускался лишь твердый курс, в том числе в литературе. Поэтому Курылюка сняли с поста главного редактора «Одрозеня», у Жулкевского отобрали «Кузницу», а в 1950 году оба издания соединили в одно – Nowa Kultura («Новая культура»).

Гомулку принялись полоскать в прессе как отступника и предателя. Но Сталин еще колебался, списывать ли его со счетов. В начале декабря, перед объединительным съездом коммунистов и социалистов, он вызвал опального политика к себе. Гомулка прибыл, переговорил с советским вождем, а затем отправил ему письмо, где перечислил свои претензии к Политбюро. Среди прочего попенял на большое число евреев в партии – дескать, они безразличны к интересам страны (притом что сам был женат на еврейке, которую вытащил из Львова накануне создания гетто). Для Сталина это был не аргумент: настоящему коммунисту пристало думать об интересах мирового рабочего движения (то есть СССР), а не Польши. Ведь пока британцы помогали греческим монархистам убивать антифашистов, американцы, французы и англичане вкладывались в экономику Германии, Вашингтон дружил с фашистскими режимами в Мадриде и Лиссабоне, а националист Чан Кайши воевал с коммунистом Мао Цзэдуном, ни о каких интересах Польши нечего было и заикаться. Тем более что она и так получила немало, а Советскому Союзу надо было срочно делать атомную бомбу, так что всякий коммунист обязан был помогать Москве, а не ставить палки в колеса, как «ренегат» Тито.

Короче говоря, скоро Гомулка был снят со всех постов за «правонационалистический уклон», а затем, как водится, Берут со товарищи принялись увольнять и его соратников (даже если они ритуально кляли бывшего лидера) – на всякий случай. Вскоре большая их часть вместе с низвергнутым лидером попала в тюрьму. Заодно почистили и военное руководство, расстреляв и пересажав не только бывших офицеров вооруженных сил на Западе, занявших посты в новой польской армии, но и коммунистов, так или иначе связанных с Гомулкой. На этой волне оказался за решеткой и министр обороны, маршал Жимерский, которого заменил Рокоссовский.

Ныне столь решительная перестановка в руководстве страны показалась бы политическим землетрясением. Но тогда, в разгар восстановления Польши из руин и под звуки браваурной агитации, зовущей к свершениям, все это не казалось таким важным. Шахтер Винценты Пстровский, уехавший из «фашистской» Польши в Бельгию за лучшей долей, после войны вернулся на родину, чтобы помогать народной власти, и уже в феврале 1947 года перевыполнил норму на 240 %. «Кто сделает больше?» – этот призыв Пстровского стал лозунгом польских стахановцев. Возрождалась из пепла столица, где не только возводили жилые дома, но и отстроили с нуля исторический центр, причем в таком виде, что спустя много лет его внесли в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. В ноябре 1948 года благодаря стараниям бывшего музыкального руководителя кабаре Qui Pro Quo Тадеуша Сигетыньского Министерство культуры и искусства создало народный ансамбль песни и пляски «Мазовше», прославившийся на весь мир. Страна возрождалась – вот что вдохновляло!

В августе 1948 года, когда бывшие союзники по антигитлеровской коалиции едва не развязали войну из-за Берлина, во Вроцлаве прошел Всемирный конгресс деятелей культуры в защиту мира. Организатором выступил директор издательского концерна *Czytelnik* («Чительник»/«Читатель») Ежи Борейша – бывший анархист, потом коммунист, в довоенном советском Львове директор библиотеки Оссолинских и инициатор мероприятий в честь годовщины смерти Мицкевича, затем один из организаторов Союза польских патриотов, член редколлегии разнообразных газет и, наконец, создатель империи «Чительника», благодаря которой уже в 1944 году в одном только Люблине (где тогда располагались просоветские органы власти) выходили двадцать четыре газеты и журнала²⁸⁸. Борейша придумал выражение «мягкая революция» для описания процесса насаждения социализма в Польше и, хотя был коммунистом, привлекал к работе аковцев, которые вскоре возглавили все отделы «Чительника». Это благодаря Борейше Лем мог обивать пороги стольких органов прессы и рассылать свои творения в Катовице, Варшаву и Лодзь. На конгресс, организованный Борейшей, слетелись Веркор, Фредерик и Ирен Жолио-Кюри, Фернан Леже, Роже Вайян, Поль Элюар, Жюльен Бенда, Александр Фадеев, Илья Эренбург, Михаил Шолохов, Александр Корнейчук, Олаф Стэплдон, Алан Джон Персиваль Тейлор, Джулиан Хаксли, Ярослав Ивашкевич, Казимир Выка, Мария Домбровская, Тадеуш Котарбиньский, Тадеуш Боровский, Станислав Оссовский, Антоний Слонимский и т. д. Пригласили даже югославы, хотя советские делегаты шарахались от них как от зачумленных. За Пикассо выслали отдельный самолет. Сартра и Мальро решили не приглашать, хотя оба входили в Компартию Франции: в СССР их не приветствовали. Блистательный Юлиан Тувим разразился в «Одрозене» здравицей в честь конгресса: «Интеллектуалы всего мира собственными глазами увидят страну, которая без помощи иудиних долларов, плывущих из карманов банкиров, нефтепромышленников и прочих грабителей (намек на план Маршалла. – В. В.), стремительно отстраивается, невзирая на разрушения, причиненные немецкими фашистами. Может, будучи у нас в гостях, они узнают, что недалеко от Вроцлава находится часть Европы, которая недавно именовалась Третьим рейхом, а теперь там под оккупацией англосаксов вырастает вооруженное и обученное поколение немцев, жаждущее реванша».

Фадеев – как глава советской делегации – выступил с агрессивной речью, осыпав оскорблениями литераторов, которые по разным причинам пришлось не ко двору в Москве. Наибольшую ярость у него почему-то вызвал Т. С. Элиот, в чьем творчестве, по мнению советского писателя, «никчемное осквернение человеческого существования соединяется с мистицизмом и злобной борьбой против разума, а также с пропагандой иррационального». «Если бы шакалы могли научиться писать на машинке, – гремел Фадеев, – если бы гиены владели пером, то их творения наверняка походили бы на книги Миллеров, Элиотов, Мальро и прочих Сартров».

Почин подхватили в польской прессе. Заслуженный 45-летний поэт Мечислав Яструн написал «Ответ Т. С. Элиоту», где обозвал его «идеологом гниющего империализма» и «ослепленным пророком, который, как слепой Тиресий, беседует с богом атомной войны». А вспыльчивый Боровский добавил, что Яструну вообще не следовало обращаться к провокатору, ибо «с бешеной собакой не устраивают бесед». 30-летний Витольд Вирпша – дворянин, ветеран армии Берлинга и член редколлегии «Жолнежа польского» – написал ругательное стихотворение о Сартре, назвав его «полуфашистским гением»²⁸⁹. В общем, культурная революция набирала обороты.

В декабре того же года – еще одно вдохновляющее действо с участием литераторов: объединительный съезд Социалистической и Польской рабочей партий, слившихся в Польскую объединенную рабочую партию (ПОРП). В честь такого события в полуразрушенную, но украшенную флагами и транспарантами Варшаву прибыла молодежная эстафета; на вокзалах

²⁸⁸ *Bikont A., Szczęsna J.* Op. cit. S. 23.

²⁸⁹ *Ibid.* S. 103–106.

делегатов приветствовали радостные толпы, а атмосфера съезда напоминала всеобщий психоз, свойственный подобным мероприятиям в гитлеровской Германии и сталинском СССР. С трибуны говорили о грядущих великих стройках, о повышении жизненного уровня, о борьбе за мир. Выступление Берута о правонационалистическом уклоне Гомулки то и дело прерывалось аплодисментами и скандированием лозунгов с потрясанием кулаками. «Наибольший энтузиазм звучал при возгласах в честь России и Сталина, – записала в дневнике Мария Домбровская, – так что создавалось ощущение, будто находишься где-то в российской глубинке <... > Писатели, сидевшие передо мной, прямо-таки заходились в истерике». Гомулка выступил с самокритикой, но пытался оправдываться – его заглушали горняки в добротных костюмах. Боровский, выйдя с Ворошильским после заседания на улицу, начал втолковывать ему, что шахтеры поддались искренним эмоциям и, хотя выглядело это некрасиво, надо понять и принять их порыв как выражение воли партии²⁹⁰.

И наконец, январь 1949 года – писательский съезд в Щецине, на котором Профсоюз польских писателей преобразовали в Союз польских литераторов (СПЛ), то есть из органа, защищающего права писателей, превратили просто в творческое объединение. Кроме того, съезд поднял на щит соцреализм как альтернативу католицизму в качестве главного вдохновляющего мотива творчества²⁹¹. Лояльных писателей обещали всячески поощрять и сразу же раздали некоторым из них дачи под Щецином, который на короткое время превратился в польское Переделкино.

Принадлежность к партии в те годы считалась признаком элитарности – не всякого туда брали. Например, такой горячий неопит, как Кроньский-«Тигр», так и не попал в число избранных, несмотря на неоднократные просьбы. Парторганизация СПЛ строго следила за идейной чистотой своих членов, периодически устраивая публичные нагоняи тем или иным труженикам пера. А те нередко сами спешили исповедаться перед партией, исполненные истинно религиозного восторга. «Правилом было, что писатели вставали и, бия себя в грудь, признавали правоту обвинителей. Самокритика стала ритуалом, и каждый справлялся с ней по-своему (и редко это была „красивая самокритика“). Боровский с равным запалом атаковал себя и других. Анджеевский, пожалуй, даже находил удовольствие в унижении своей партийной души, в признании, что она еще не доросла до партийных ожиданий. Ворошильский и Важик признавались в ошибках больше для галочки. Зато крайне неохотно занимался самобичеванием Казимир Брандыс. Когда на одном из заседаний первичной парторганизации все били себя в грудь, признаваясь в разных проступках, он тоже признал, что действительно „поддался мелкобуржуазному либерализму и объективизму“, когда размещал в „Кузнице“ повести Сартра, но подчеркнул, что проявил „бдительность в отношении литературы американского империализма“».

Специалист по французской поэзии Адам Важик на пару с генеральным секретарем правления СПЛ Ежи Путраментом были главными проводниками партийной воли в писательской организации, получая указания непосредственно из Центрального комитета ПОРП. «Тянущиеся часами заседания исполкома парторганизации СПЛ, на которых выносили вердикт, что является, а что не является „правоверным“, – это спектакли, словно взятые напрямик из Оруэлла. Заседания носили характер допросов, а обвиняемые часто превращались в обвинителей. Писатели нападали друг на друга как за старые ошибки, так и за новые. Когда один из товарищей упрекнул коллег, что их нет в залах судебных заседаний во время политических процессов, те оправдывались, что их не информируют об этих процессах. Поэтому на очередном заседании писателям сообщили, что Зенон Клишко, заместитель министра юстиции, „позитивно

²⁹⁰ *Bikont A., Szczęsna J.* Op. cit. S. 19, 123; *Paczkowski A.* Op. cit. S. 152.

²⁹¹ А в июне 1950 года на V съезде СПЛ в Варшаве соцреализм утвердили как единственный разрешенный жанр. См.: *Rokicki K.* Literaci. Relacje między literatami a władzami PRL w latach 1956–1970. Warszawa, 2011. S. 76.

отнесся к желаниям организации, и Прокуратура теперь будет отправлять в СПЛ пропуска на политические процессы“»²⁹².

Партия зорко следила за поведением «инженеров человеческих душ». Личная жизнь должна была отличаться такой же безупречностью, как и общественная, – за этим особенно пристально надзирала председатель исполкома первичной парторганизации варшавского отделения СПЛ Янина Броневская, бывшая жена Владислава Броневского, в довоенной Польше возглавлявшая редколлегию детского журнала: «<...> Большую политику она, как правило, смешивала с пустяками и сплетнями. Такой метод действовал обезоруживающе: заседания исполкома и парторганизации длились бесконечно, иногда по девять часов <...> на них копались в частных делах взрослых людей, обсасывая их публично и подробно, причем этим занимались такие личности, которые и сами с не меньшим основанием могли бы стать объектом подобной проработки. Броневскую особенно занимали проблемы молодого поколения. После смерти Боровского у нее появилась теория касательно интимных и семейных дел поколения, взрослого во время войны, еще одна теория, объясняющая проблемы с социализмом постельным вопросом»²⁹³.

Отличившихся награждали. Уже в 1949 году государственные премии II и III степеней получили Ворошильский, Конвицкий и другие молодые авторы. Разумеется, для этого нужно было не только писать идейно правильные вещи, но и выполнять поручения властей. ЦК теперь сам предлагал темы литераторам, устраивая конкурсы для ограниченного круга приглашенных. Литературное творчество воспринималось как ответственное задание. Писатели брали на себя обязательство что-то сочинить и должны были объясниться в случае неудачи. А еще им надо было «выезжать на места» для очерков об успехах социалистического строительства или о доблестных чекистах, разоблачивших очередную «реакционную банду». Например, в январе 1951 года Боровский выезжал в Краков, где судили троих священников келецкой епархии, обвинявшихся в связях с некой «Подпольной армией», на руках которой была кровь мирных жителей и даже подростка. А в январе 1953 года прошел процесс над священниками краковской курии, обвиняемыми в шпионаже: трое были приговорены к смерти, один – к пожизненному заключению, еще трое получили сроки от 6 до 15 лет²⁹⁴. В последнем случае уже недостаточно было присутствия на суде кого-либо из писателей, понадобилась целая резолюция краковского отделения СПЛ. И эта резолюция тут же воспоследовала: «В последние дни в Кракове проходил процесс над группой американских шпионов, связанных с краковской митрополичьей курией. Мы, собравшиеся 8 февраля 1953 года члены краковского отделения Союза польских литераторов, выражаем решительное осуждение предателей Родины, использовавших духовные должности и свое влияние на часть молодежи, участвующей в Католическом молодежном объединении, и проводивших враждебную деятельность против народа и народного государства, используя американские деньги на шпионаж и диверсии. Мы осуждаем тех прелатов из высшей церковной иерархии, которые благоприветствовали антипольскому заговору и оказывали помощь изменникам, а также уничтожали ценные объекты культуры. Ввиду этих фактов мы обязуемся еще острее и глубже, чем до сих пор, поднимать актуальные проблемы борьбы за социализм и резче клеймить врагов народа – ради блага сильной и справедливой Польши». Под резолюцией подписались 53 человека, в том числе знакомые Лема: Хуссарский, Шимборская,

²⁹² Bikont A., *Szczęsna J.* Op. cit. S. 171–172.

²⁹³ Цит. по: Rokicki K. Op. cit. S. 87.

²⁹⁴ Суровость наказаний и медийный размах процесса были вызваны тем, что двое обвиняемых священников действительно сотрудничали с польской эмиграцией, причем с той ее частью, которая была связана с ЦРУ. Это послужило госбезопасности предлогом, чтобы представить всю курию гнездом шпионов и согнать с должности апостольского администратора краковской епархии Эугениуша Базяка, которого ранее уже вынудили к отъезду из Львова. См.: 66 lat temu rozpoczął się tzw. Proces kurii krakowskiej // Исторический портал Dzieje.pl – URL: <https://dzieje.pl/aktualnosci/wyrok-w-tzw-procesie-kurii-krakowskiej> (проверено 21.10.2022).

Мрожек, Бунш, Пшибось, Киёвский, Блоньский, Махеек, Сломчиньский и др. Газеты во время этих процессов пестрили заголовками вроде следующих: «Священники Оборский и Гадамский – предводители убийц. Сегодня в Военном суде в Кракове начинается процесс банды», «В атмосфере лжи и враждебности к прогрессу вызрела антинациональная идеология и началась предательская деятельность Качмарека и его группы. Процесс над членами шпионско-диверсионного центра», «Действуя во вред Народной Польше, шпионы из митрополичьей курии рассчитывали на третью мировую войну. Судебный процесс в Кракове против агентов американской разведки»²⁹⁵. Усердствовала и паксовская (католическая, вообще-то) пресса, которая упирала на «подрывную» роль Ватикана, не желающего признавать новые границы страны и сотрудничающего с ЦРУ в «антипольской» деятельности. Таким образом, власть напрягала все силы, чтобы лишить поляков доверия к духовенству и тем самым раздавить последнего сильного врага.

Лем, по воспоминаниям его сына, был чрезвычайно легковерен. Например, не усомнился в утверждениях польских СМИ, будто американцы рассыпали над Восточной Германией колорадских жуков, которых ветром занесло в Польшу²⁹⁶. Из-за этого у него даже вышла ссора с будущей женой Барбарой Лесьняк (кто знает, не это ли стало причиной ее того, что вначале она отвергла его ухаживания, о чем вспоминал Лем?). Барбара происходила из обеспеченной деревенской семьи католиков и в силу этого не слишком обожала коммунистов. Лем же, спасенный Красной армией от Холокоста, видел в коммунистах защиту от антисемитов и поэтому был склонен верить им. Откуда ему было знать, что в СССР идут расстрелы военных, журналистов и чиновников, что Страну Советов в 1946 году поразил новый голод, а в ГУЛАГе томятся более двух миллионов человек? Видимо, до него не долетали отголоски кампании по борьбе с космополитизмом, от которой пострадал даже Евгений Халдей – автор знаменитой фотографии красного знамени над Рейхстагом, – уволенный с волчьим билетом из ТАСС. Лем понятия не имел, что в СССР запретили печатать «Черную книгу», уже изданную в США, а журналистку Мирру Железнову расстреляли лишь за то, что она опубликовала список евреев – Героев Советского Союза. И уж точно Лему было невдомек, что Яков Парнас, некогда принявший его на учебу в Медицинский институт, в январе 1949 года был арестован в Москве по делу Еврейского антифашистского комитета, доставлен на Лубянку и умер в тот же день на допросе.

Зато заявления тогдашней коммунистической пропаганды казались безупречно логичными: американцы снова вооружают западных немцев, чтобы иметь заслон против СССР, а западные немцы наряду с Ватиканом не признают новых польских границ. Значит, американцы подталкивают немцев к очередному нападению на Польшу. Еще американцы сколотили военный блок НАТО, поддерживают фашистские и колониальные режимы по всему миру, защищают на Тайване прогнившую диктатуру Чан Кайши, а в Корее – такую же диктатуру Ли Сын Мана, который вдобавок предательски напал на мирный коммунистический Север (сейчас-то мы знаем, что все было наоборот, – но знал ли это Лем?). А в самих Штатах что творится? Расовая сегрегация, процесс Розенбергов и маккартистская охота на ведьм. Зато Польша благодаря коммунистам избавилась от довоенного национализма, и вот результат: еврей ухаживает за католичкой. Раньше такое и представить было невозможно (к слову, венчался Лем с Барбарой в костеле).

Барбару он встретил в 1950 году на одном из собраний междисциплинарной студенческой группы, проходивших раз в неделю на квартире Лесьняков. Одним из инициаторов таких собраний была Мария Орвид – переселенка из Львова, дочь знакомой Самуэля Лема. Барбара,

²⁹⁵ Domański T. Procesy pokazowe księży w czasach stalinowskich na łamach «Głosu ludu» // Przystanek Historia – URL: <https://krakow.ipn.gov.pl/pl4/edukacja/przystanek-historia/97287,Procesy-pokazowe-ksiezy-w-czasach-stalinowskich-na-lamach-Slowa-Ludu.html> (проверено 21.01.2022).

²⁹⁶ Lem T. Op. cit. S. 83; См. сюжет польской кинохроники 1950 года на сайте YouTube – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0CYKU9jmBK0&t=5> (проверено 21.01.2022).

как и Орвид, была 20-летней второкурсницей медицинского факультета Ягеллонского университета, весьма средней успеваемости, но увлекавшейся рентгенологией (чем потом и занималась всю жизнь)²⁹⁷.

Что там делал 29-летний Лем, который уже два года не был студентом? Правда, в феврале 1950 года он вдруг на отлично сдал экзамен по акушерству и гинекологии, но зато к шести другим предметам даже не приближался²⁹⁸. Надо думать, среди студентов он просто развлекался. На их фоне он выглядел настоящей звездой: активно издавался, был вхож в литературные круги, эрудит, публикующийся в «Жиче науки».

На самом деле с конца 1948-го до 1950 года Лема преследовали сплошные неудачи. С Шимборской у него ничего не выгорело, поэтесса быстро вышла замуж за другого, а тот, редактор журнала «Иначе», будто нарочно, потерял его рассказ. С «Тыгодником повшехным» Лем разорвал сотрудничество, так как боялся утратить шансы печататься в государственных издательствах – ведь тот являлся органом краковской курии, а над католической церковью сгущались тучи. Тогда же Лема лишили статуса кандидата в члены СПЛ. Предложенные в сентябре 1948 года частному издательству Gebetner i Wolf («Гебетнер и Вольф») повести «Шар времени» и «Ареантроп» (то есть «Человек с Марса») не получили одобрения. «Больницу Преображения», которую он отправил тому же «Гебетнеру и Вольфу», тоже не взяли – Лем вспоминал, что это произошло из-за национализации фирмы²⁹⁹, но ее национализировали лишь в 1950 году, когда он уже дописывал трилогию «Неутраченное время», до которой разросся роман в результате постоянных вмешательств цензуры, требовавшей уравновесить первую безыдейную часть чем-то в духе соцреализма. Получается, мучения с цензорами начались у него не после включения «Гебетнера и Вольфа» в государственное издательство Książka i Wiedza («Ксёнжка и ведза»/«Книга и знание»), а еще до того, причиной чего, конечно, было ужесточение культурной политики. Лем не терял надежду, каждые несколько недель ездил на поезде в Варшаву, где размещалась «Ксёнжка и ведза», и получал всё новые указания. В марте 1950 года издательство все же подписало с ним договор, но почему-то откладывало публикацию, пока отдел художественной литературы в нем не распустили вовсе. Тогда Лем обратился в издательство «Читальник», которое как раз напечатало его «Астронавтов». Однако и там дело забуксовало. Эта эпопея тянулась несколько лет. В столице он ночевал у приятеля Александра Сцибор-Рыльского – будущего сценариста Вайды, а тогда сотрудника «Жолнежа польского», только что завоевавшего себе место на литературном Олимпе производственным романом «Уголь». Провожая Лема на вокзал, Сцибор-Рыльский утешал его, что, если бы «Неутраченное время» увидел Хозяин (то есть Берут), публикация не заставила бы себя долго ждать³⁰⁰. С согласия издательства Сцибор-Рыльский внес правки в роман, но они не устроили автора, и в январе 1954 года Лем разорвал договор, потребовав, однако, выплаты гонорара как за опубликованную книгу, поскольку та уже получила одобрение цензуры и редакции³⁰¹.

В мае 1949 года Краковское издательское объединение завернуло сборник его рассказов «Разведка и атомы», состоявший из «Расплаты», «Фау над Лондоном», «Плана „Анти-Фау“», «Дня Д», «Атомного города» и «Человека из Хиросимы». Причина была опять же в неправильной морали: рассказы описывали либо хитроумные операции английской разведки, либо технологическую мощь США. И то и другое не вписывалось в политический момент³⁰².

²⁹⁷ Gajewska A. Stanisław Lem... S. 239–240.

²⁹⁸ Ibid. S. 228.

²⁹⁹ Tako rzecz... S. 50.

³⁰⁰ Tako rzecz... S. 51.

³⁰¹ Orliński W. Lem w PRL-u... S. 143–145, 151–152.

³⁰² Budrowska K. «Wywiad i atomy»: o nieopublikowanym zbiorze opowiadań Stanisława Lema // Pamiętnik Literacki. 2008. 99/1. S. 191–192.

В июле 1949 года Лем вторично подал заявку на вступление в СПЛ – и опять неудачно, поскольку... не издал ни одной книги. Правда, его опять сделали кандидатом, что уже неплохо. Наконец, в начале 1950 года «Жиче науки» перевели в Варшаву, и Лем, успевший после истории с сессией ВАСХНИЛ опубликовать там еще девять текстов (в том числе о Ломоносове и о популяризации науки в СССР), потерял и эту отдушину. Было от чего прийти в отчаяние! Тем более что он видел: ему наконец-то удалось создать сильное произведение («Больница Преображения»), но никто, кроме цензоров да близких знакомых (например, отца), этого не знал. А выйди оно, его имя гремело бы, пожалуй, не хуже Анджеевского с его «Пеплом и алмазом». Правда, в 1950 году отрывок из второй части «Неутраченного времени» увидел свет на страницах солидной «Твурчости» – но это и все. Казалось, жизнь проходит мимо. Он даже не попал на съезд молодых писателей, который в конце марта – начале апреля 1951 года провел в Неборове Тадеуш Боровский. Вдобавок о Леме пошли слухи, будто он сотрудничает с госбезопасностью (видимо, из-за места работы отца). Директор Дома писателей «Астория» в Закопане как-то даже поинтересовалась у него, зачем он пишет на нее доносы в Варшаву³⁰³.

Лем, впрочем, не единственный, кто страдал от берутовской цензуры. Еще хуже приходилось Збигневу Херберту, который вообще не мог печататься нигде, кроме католических изданий (вроде «Тыгодника повсехного»), да и там в основном шла публицистика. Никак не мог протолкнуть в издательства свой роман «Голоса в темноте» Юлиан Стрыйковский – коммунист, который на излете войны вдруг обратился к еврейским корням и написал пронзительную вещь о жизни галицийских иудеев в начале XX века. Обласканный, казалось бы, властями, Конвицкий тоже стал жертвой заморозков в культуре: после тщетных попыток опубликовать повесть «Ройсты» (о моральном разложении партизан-антикоммунистов) он обратился к соцреализму, издал три повести в этом жанре, а потом занялся киносценариями. Друг Лема, Ян Юзеф Щепаньский, в 1949 году закончил роман «Польская осень», который позже назовут лучшим произведением о сентябрьской кампании 1939 года. Но ждать публикации ему пришлось долгих шесть лет. Даже таким уважаемым людям, как Анджеевский и Милош, не удалось совладать с цензурой, когда, вдохновленные судьбой пианиста Владислава Шпильмана, они взялись сделать сценарий фильма «Варшавский Робинзон». В итоге после многочисленных переделок, в ходе которых Милош сошел с дистанции, «Робинзон» превратился в телеграфиста Гвардии Людовой (боевых отрядов Польской рабочей партии), погибающего на руинах столицы. Фильм все-таки вышел на экраны в 1952 году и... получил негативный отзыв на страницах «Новы культуры», после чего Анджеевский немедленно выступил с самокритикой³⁰⁴.

И тут счастье улыбнулось Лему. Пребывая весной 1950 года в Доме литераторов «Астория» на горнолыжном курорте в Закопане, где он спасался от сенной лихорадки, мучавшей его долгие годы, Лем встретил Ежи Паньского, который сменил на посту директора «Чительника» впавшего в немилость Борейшу. Завязался разговор об отсутствии в социалистической Польше своей фантастики, и Паньский предложил Лему договор на создание идеологически верного научно-фантастического романа³⁰⁵. Так Лем написал «Астронавтов».

³⁰³ Tako rzeczy... S. 57–58.

³⁰⁴ Bikont A., Szczęsna J. Op. cit. S. 33.

³⁰⁵ Tako rzeczy... S. 54–55. Любопытно, что в 1955 году, выступая на творческом вечере в воеводском Доме культуры Кракова, Лем поведал, что писать фантастику его склонила беседа с неким туристом в Татрах, которому он помог спуститься с гор. См.: Lovell J. O różnych perypetiach młodego lekarza pisze nową powieść Stan. Lem. Dowiedzieli się o tym krakowscy czytelnicy w czasie wieczoru autorskiego w Woj. Domu Kultury // Echo Krakowskie, 1955. № 32.

Через тернии – к звездам!

... Я плавал как пробка на волнах. Никаких контактов с подпольем у меня не было, ибо после того, как во Львове замочили того доцента, я уже знал, как это выглядит. Лишь потом, после рассказа Мрожека «Явозжно», я узнал, что в сталинские времена существовали какие-то трудовые лагеря. Он мне рассказывал, как возвращался на служебной машине и увидел цепочку оборванных людей, идущих по обочине. Таким образом он узнал правду, а я – от него³⁰⁶.

Станислав Лем, 1982

Одним из честнейших людей того периода был Ян Юзеф Щепаньский. Когда он вышел из леса, то считал, что довоенная Польша согрешила, но из ее пепла должно появиться нечто лучшее. Он демонстрировал светскую, не католическую версию надежды. И все же не пошел на сотрудничество. Остался в то время кристально честным человеком, за которого я дал бы себе руку отрезать. Никто ничего не был обязан делать. Щепаньский в те годы действительно отвечал: «По-другому нельзя? Ну хорошо, тогда я не буду писать». А ведь были такие, кто хотел и даже проявлял в этом рвение³⁰⁷.

Станислав Лем, 1982

Фантастики у Народной Польши действительно не было. Доживал свой век «польский Жюль Верн» – Владислав Уминьский, успевший даже получить от Берута офицерский крест ордена Возрождения Польши в ознаменование 70-летия творческой деятельности. Остальные авторы либо поумирали, либо отошли от фантастики. К тому же их произведения, написанные в довоенной Польше, шли вразрез с коммунистической идеологией или никак с ней не соприкасались, что тоже было плохо. Например, в довоенной фантастике, как и повсюду в Европе, была популярна тема столкновения цивилизаций, причем с расистским душком («Чанду» Стефана Барщевского, «Триумф желтых» Богуслава Адамовича, «Ураган с Востока» Вацлава Незабитовского). По старой традиции, широко публиковались истории о гениальных ученых и сенсационных изобретениях («Эликсир профессора Богуша» Стефана Барщевского, «Голубой шпион» мариниста Ежи Богдана Рыхлинского, «Электрический остров» и «Электрические люди» Эдварда Крёгера, «Остров мудрецов» детской писательницы Марии Буйно-Арктовой), что уже тогда выглядело штампом: коммунист Бруно Винавер – автор польского перевода «Рабочей марсельезы» – написал комедию «Доктор Пшибрам», где с большим юмором изобразил приключения такого изобретателя, столкнувшегося с миром финансов. О том же повествует сатирическая повесть Яна Карчевского «Бацилла». Ежи Хулевич, поэт-экспрессионист, написал скандальную повесть «История Утана» о гибриде человека и обезьяны, где совместил мотивы «Франкенштейна» и «Острова доктора Моро». Появились три антиутопии: «Миранда» Антония Лянге (имевшая много случайных параллелей с написанной тогда же повестью «Люди как боги» Герберта Уэллса и где-то предвосхитившая «Альтруизин» Лема), «Город света» и «Свадебное путешествие господина Гамильтона» Мечислава Смолярского. Две последние оказались до того похожи на вышедший восемь лет спустя «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли, что Смолярский обвинил британца в плагиате.

Хорошо расходились произведения о катастрофах, в том числе космического масштаба. Но если в массовом чтении это, как правило, была обратимая Катастрофа, либо такая, от

---

³⁰⁶ Tako rzecz... S. 63.

³⁰⁷ Tako rzecz... S. 70–71.

которой удавалось спасти лучших представителей человечества (исключение – «Последний на Земле» Вацлава Незабитовского), то в большой литературе данное направление приобрело формы гротеска, о чем свидетельствуют «Ненасытимости» Виткацы (соединившая мотив столкновения цивилизаций с темой сенсационного изобретения), сборник рассказов Александра Вата «Безработный Люцифер», «S.O.S» Ялу Курека (который, кстати, возглавлял краковский Кружок молодых авторов в дни, когда туда ходил Лем). Самым необычным произведением этого типа стал роман «Когда Луна умирает. Фантастическое описание жизни обитателей другой планеты» политика-хадека Ежи Брауна (после войны последнего делегата эмигрантского правительства в стране), являвшийся литературным переложением «Заката западной цивилизации» Освальда Шпенглера. Ответной реакцией на катастрофизм стал роман коммуниста Бруно Ясенского «Я жгу Париж», который можно считать ранним образцом постапокалипсиса. Поэт Антоний Слонимский, которого жизнь сталкивала и с Лемом, и с Хемаром, также оставил после себя два фантастических произведения: «Торпеда времени», в которой он высмеял любителей исправлять прошлое, между делом упредив «И грянул гром» Брэдбери, и «Два конца света» – аллегория наступающего тоталитаризма, поданная в духе бульварных историй о безумных злодеях, жаждущих подчинить себе мир (эта вторая вышла в 1937 году и больше не переиздавалась). Пользовались успехом сочинения о спиритах, магах, всякого рода мистика. К этому направлению принадлежали чтимый Лемом Грабиньский, упоминавшийся уже Ежи Хулевич и дипломат Станислав Балиньский. Одним из самых плодотворных авторов научной фантастики в чистом виде был Феликс Бурдецкий, описывавший технологические достижения будущего. В романе 1931 года «Вавилон» он предрек орбитальные полеты, высадку на Луне, объединение Европы и овладение атомной энергией. Однако книги Бурдецкого не обладали художественными достоинствами – это были главным образом описания технических достижений и ничего больше. Бурдецкий дожил до 1991 года, но все послевоенные годы провел в эмиграции, так как при немцах стал коллаборационистом и призывал к союзу с Третьим рейхом против Советов. После освобождения страны все его книги были запрещены, а творчество забылось. Но самый известный фантастический роман, написанный поляком, появился не в межвоенное двадцатилетие, а куда раньше, в 1903 году, и вышел он во Львове. Это «На серебряной планете. Рукопись с Луны» поэта-декадента Ежи Жулавского. Позднее Жулавский продолжил свой роман, превратив его в трилогию, а много позже внучатый племянник писателя, режиссер Анджей Жулавский, снял новаторский фильм «На серебряной планете»³⁰⁸.

Наконец, в первые послевоенные годы в Польше, кроме произведений Лема, успели выйти еще несколько вещей в фантастическом жанре: «Схрон на Замковой площади. Роман о Варшаве в 1980 году» 66-летнего дипломата и экономического журналиста Анджея Земенцкого; «Биржа прекращает работу» 29-летнего журналиста паксовской прессы Зыгмунта Штабы и «Внимание! А.Р.7. Роман об атоме» 65-летнего театрального деятеля Казимира Врочиньского, который еще в Российской империи на пару с Лесьмяном стоял у истоков Артистического театра, а потом в независимой Польше помогал Слонимскому, Тувиму и Бжехве организовывать польское авторское общество ZAiKS. «Схрон» и «Биржа» вышли в 1947-м, «А.Р.7» – в 1948 году. Первый описывал эффект Рипа Ван Винкля, два других – чудесные изобретения. Причем «Схрон» в 1951 году попал в список запрещенной литературы, хотя удовлетворял критериям соцреализма: там без конца описывались технические диковины будущего, но вот действие происходило отнюдь не при коммунизме, а в кооперативной республике, возникшей после очередной мировой войны³⁰⁹. Та же судьба постигла «Людей атомной эры» 40-летнего журналиста Романа Гайды: написанные в 1948 году, они прорвались через сито цензуры лишь

³⁰⁸ Долемовская фантастика, созданная поляками, не ограничивается, конечно, перечисленными именами. Некоторые из них обогатили этот жанр и в России. Например, «Три толстяка» Юрия Олеши, «Ученое путешествие на Медвежий остров» Осипа Сенковского и четвертая глава из романа «Клуб убийц букв» Сигизмунда Кржижановского.

³⁰⁹ Niewiadomski A., Smuszkiewicz A. Leksykon polskiej literatury naukowofantastycznej. Poznań, 1990. S. 232–233.

десять лет спустя... чтобы получить разнос от критиков³¹⁰. Наконец, в один год с «Астронавтами» вышло дебютное произведение 31-летнего писателя Мариана Леона Белицкого «Бактерия 0,78» об опасности бактериологической войны. Все эти произведения, включая и ранние лемовские, не привлекли к себе особенного внимания. Куда больший успех ждал изданную в 1946 году «Академию пана Кляксы» признанного мастера Яна Бжехвы. Но это была все же детская сказочная фантастика, хотя и имевшая некоторые черты научной. Важным событием должен был стать выход антологии польской фантастической новеллы, составленной Юлианом Тувимом³¹¹. Но в первом томе, изданном в 1949 году, упор делался на произведения рубежа XVIII–XIX веков, а второй уже не увидел света.

Лем был не единственным, кто обратился тогда к теме межпланетных путешествий. Напротив, это был скорее тренд и чуть ли не общественный заказ. Еще в 1948 году были созданы сразу два произведения о полете на Венеру: «Внеземные миры» Уминьского и «На пасмурной звезде» 48-летнего журналиста Мечислава Кшепковского. Но первое зарубила цензура (оно вышло лишь спустя восемь лет), а второе, написанное по лекалам Жюль Верна, даже для того времени выглядело слишком архаичным³¹². В 1952 году на страницах журнала *Horizonty Techniki* («Горизонты техники») публиковались фрагменты романа «Луна в первый раз» авторства Леонарда Жицкого – 54-летнего журналиста и писателя, автора книг для юношества в довоенной Польше. Жицкого, однако, подвело пренебрежительное отношение к науке, из-за чего его произведение так и не было издано отдельной книгой и кануло в Лету. Через год увидела свет первая часть космической трилогии 30-летнего ветерана АК Кшиштофа Боруна и его ровесника Анджея Трепки «Погубленное будущее» о полете к Проксиме Центавра. Но их роман сильно проигрывал «Астронавтам» художественностью: персонажи оказались слишком ходульными, а сюжет – абсурден и примитивен.

Вот так и получилось, что именно Лем задал стандарт польской фантастики. Спустя двадцать лет одна из исследовательниц польской литературы напишет: «<...> Его творчеству не предшествовала практически никакая польская традиция, к ней неприменимы читательские навыки и привычки. Неприменимы потому, что в сознании читателей единственным предшественником Лема был Ежи Жулавский со своей известной только по заголовку, но не читанной никем „лунной трилогией“, а особенно ее первым томом – „На серебряной планете“»³¹³.

Может показаться странным, что директор издательского концерна не только согласился побеседовать с неизвестным автором, но и подписал с ним договор. Гаевская предполагает, что встреча была организована кем-то из друзей Лема, у которого заканчивался срок кандидата в члены СПЛ и которому грозила служба в армии³¹⁴. Быть может, так и было. А может, Лем просто попал в струю. Сам по себе заказ начинающему литератору не был чем-то из ряда вон выходящим: например, 26-летний Тырманд, издав в 1947 году один-единственный сборник рассказов, спустя семь лет, помыкавший по разным газетам, точно так же – по заказу «Чительника» – создал криминальный роман «Злой», который принес автору славу.

В разговоре с Бересем Лем поведал, что признался Паньскому в увлечении творчеством Уэллса, Верна, Уминьского и Грабиньского³¹⁵. Последними двумя не исчерпывалось его знание польской фантастики. В работе «Фантастика и футурология» он также обнаружил знакомство с трилогией Жулавского и «Торпедой времени» Слонимского. Но как они могли помочь в напи-

³¹⁰ Ibid. S. 68.

³¹¹ Polska nowela fantastyczna. Zebrał Julian Tuwim. T. 1. Warszawa, 1949.

³¹² Mazurkiewicz A. O wyimku z prasowej dyskusji i autokomentarzu... do Astronautów Stanisława Lema (z historii kształtowania się w Polsce teorii literatury fantastycznonaukowej po drugiej wojnie światowej) // *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis*. FOLIA 337. Studia Poetica. 2021. 9. S. 24.

³¹³ Goreniova A. Proza fantastyczna – naukowa Stanisława Lema // *Tygodnik Kulturalny*. 25.04.1971.

³¹⁴ Gajewska A. Stanisław Lem... S. 229–230.

³¹⁵ Tako rzecz... S. 54.

сании фантастического произведения, подходящего требованиям Народной Польши? Никак. Поэтому Лем воспользовался опытом советской литературы, уже выработавшей схемы для научной фантастики, и в качестве ориентира использовал роман Григория Адамова «Изгнание владыки», опубликованный в Польше в 1950 году³¹⁶.

«Астронавты» увидели свет уже на следующий год, причем сразу и на страницах прессы (в органе Союза польской молодежи *Sztandar Młodych* («Штандар молодых»/«Знамя молодых»)), и отдельным изданием. Успех был неописуемый, тем более что подписка на «Штандар молодых» для польских «комсомольцев» была обязательна, а значит, роман Лема прочла огромная часть молодежи. Все это можно было бы считать прорывом, но на самом деле он наступил раньше: 17 апреля 1951 года театр в Ополе осуществил предпремьеру спектакля по драме Лема и Хуссарского «Яхта „Парадиз“». Они написали ее для фестиваля современной польской драматургии, куда были приглашены опять же Паньским, входившим в жюри конкурса³¹⁷.

Хуссарского можно считать добрым гением Лема: он был первым его другом в Кракове (вдвоем они собирали в окрестностях этого города запчасти от военной техники, чтобы построить электромобиль); жена Хуссарского подарила Лему собаку Раджу, а пейзаж за окном квартиры Хуссарских пригодился Лему для описания ландшафта в «Больнице Преображения». И вот теперь их совместная пьеса прорвалась на театральные подмостки. Творение друзей было, с одной стороны, шаблонно (стереотипные рабочие и стереотипный слуга-негр свергают власть стереотипных американских деляг и стереотипного вояки-генерала); с другой же – не лишено драматических эффектов и убедительности. В том же месяце Лема с Хуссарским упомянул Путрамент, делая доклад на тему «Задачи польской литературы в период выполнения шестилетнего плана и борьбы за мир». По словам выступавшего, оба автора относились к числу тех, в чьем творчестве «элементы социалистического реализма начинают заметно преобладать»³¹⁸. В июне «Нова культура» сообщила, что секции драматургии и сатиры еженедельника провели два объединенных заседания, на которых обсудили среди прочих пьесу Лема и Хуссарского, в том же месяце их творение поставили в Лодзи на Фестивале современной польской драматургии³¹⁹, но лавров оно не снискало. Вряд ли Лем забивал себе этим голову. 17 июля его роман «Астронавты» поступил на рассмотрение цензуры – вот что его заботило прежде всего. Рассматривали роман полгода и, наконец, в декабре дали добро.

«Яхтой „Парадиз“» же на следующий год внезапно заинтересовался щецинский Театр современности, который, правда, настоял на некоторых изменениях. 7 ноября пьесу в скорректированном виде поставили на щецинской сцене, и она неожиданно имела успех – было дано шестьдесят спектаклей! На премьеру театр пригласил авторов, те согласились... и прилетели на самолете, уверенные, что расходы им компенсирует принимающая сторона (в этом их заверил директор Центрального театрального управления, каковым в то время был знакомый Лему Паньский). Молодые пажоны не только совершили перелет, но и ни в чем себе не отказывали в самом Щецине, из-за чего потом Лем имел длительную переписку с директором щецинского театра, который просто не мог возместить ему расходов, так как у театра не имелось таких фондов. В итоге Лем и Хуссарский добились лишь выплат за текст для афиши, где они расписывали кроваво-жидкий американский империализм, а потраченного на билеты и на все прочее им никогда так и не вернули. Наверняка Лем был страшно раздосадован этим: мало того что он потерял много денег, так еще и накануне собственной свадьбы. Впрочем, его последнее письмо

³¹⁶ *Mazurkiewicz A.* Op. cit. S. 1.

³¹⁷ *Tako gzezce...* S. 59. Лем то ли запамятовал, то ли намеренно путал следы, когда заверял Береса, что написал пьесу после издания «Астронавтов». Все было наоборот.

³¹⁸ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2352. Л. 71.

³¹⁹ Там же. Л. 26, 41.

директору щецинского театра, отправленное 13 января 1953 года, выдержано в вежливом тоне, хотя предыдущие послания Лема отмечены поистине мрожековским сарказмом³²⁰.

Звездная болезнь простибельна. В 1951–1952 годах Лем взлетел так высоко, что некоторое головокружение было неизбежно. Его пьеса шла в трех театрах, в 1951 году ее издали отдельной книгой; его роман наконец-то обратил на себя внимание критиков и вызвал полемику; он начал писать для самого солидного литературного издания «Нова культура»; ему покровительствовал могущественный Паньский, а не менее могущественный Путрамент пригласил его в Союз литераторов, лично встретившись с Лемом в Кракове. Лем вспоминал, что в разговоре с ним Путрамент сокрушался об отсутствии в Польше собственной Сибири: «<...> Можно было бы туда выслать весь антиправительственный и антикоммунистический мусор, это бы очистило атмосферу». Позднее, когда Лем начал писать для «Новой культуры», Путрамент старательно уснащал его статьи цитированием вождей: «Как верно заявил Маленков» и тому подобными³²¹.

Роман Лема стал поводом для критиков, наконец, обсудить задачи, которые ставит перед фантастикой польская действительность. Эта дискуссия случилась во время кампании по преодолению схематизма в соцреалистической литературе, поэтому критики несколько разошлись в оценках, хотя Лем считал, что коммунистические догматики просто разнесли его³²². Такое мнение было верно, пожалуй, только в отношении Зофьи Возьницкой – 28-летней выпускницы филфака Варшавского университета и свежееиспеченной журналистки органа Главного правления Союза польской молодежи «По просту» (а еще выжившей в Холокосте еврейки и крестной матери будущего президента Польши – Леха Качиньского). Возьницкая действительно раскритиковала Лема за то, что он написал роман с общегуманистических позиций, никак не выделив гуманизма коммунистического. А вот 22-летний выпускник философского факультета Варшавского университета и литературный критик «Новой культуры» Людвик Гженевский упрекнул Лема в отсутствии художественной глубины и слишком подробном описании техники в ущерб психологии человека коммунистической эры³²³. Наконец, Анджей Трепка похвалил произведение Лема как новаторское, но высказал ему претензии за использование «опровергнутой советскими учеными» теории Ляпунова и Казанцева о Тунгусском метеорите как корабле пришельцев; за то, что герои светлого будущего почему-то не знают обращения «товарищ»; за слишком пессимистичный взгляд на темпы развития межпланетных перелетов и за «космический империализм» (если люди расселятся по Вселенной, как они поступят с инопланетянами?), при случае помянув замученного церковниками Джордано Бруно и заявив, что растительность на Марсе – доказанный факт³²⁴. Наконец в июле 1953 года в краковских «Проблемах» (научно-популярном журнале, где после переезда «Жича науки» в Варшаву публиковался и Лем) «Астронавтов» разгромил за пренебрежение законами физики 63-летний изобретатель и научный писатель Евстахий Бялборский (кстати, уроженец Львова)³²⁵. Лем язвительно возразил ему, что те же претензии можно высказать и классикам научной фантастики, но внезапно получил отповедь... от редакции тех же «Проблем», которые и опубликовали всю полемику: «Размещая у себя юмористический ответ С. Лема, редакция полагает нужным указать, что не считает правильным его отношение к критике научных неточностей,

³²⁰ *Wojtyła K.* Szczecińska historia w nieznanym listach opisana // На сайcie polona.pl – URL: <https://polona.pl/item/lem-paradise-szczecińska-historia-w-nieznanym-listach-opisana,MzQxNzQyMDQ/0/#info:metadata> (проверено 24.01.2022).

³²¹ *Tako rzeczy...* S. 58. Так утверждал Лем. Но ни в одной его статье в «Новой культуре» Маленков не упоминается. Зато есть ссылка на Маленкова в статье «O jednym zmyśle dwudziestowiecznego kapitalizmu» («Об одном из мифов капитализма в XX веке»), опубликованной в № 36 «Жиче литературе» за 1953 год.

³²² *Świat na krawędzi...* S. 64–65.

³²³ *Mazurkiewicz A.* Op. cit. S. 26.

³²⁴ *Trepka A.* Sonda w przyszłość // *Wiś.* 13.07.1952.

³²⁵ *Białoborski E.* Powieść fantastyczno-naukowa? // *Problemy.* 1953. № 7.

содержащихся в „Астронавтах“. Прежде всего, ссылка на ошибки других авторов фантастических романов не оправдывает собственных. Во-вторых, следует оценивать вес этих ошибок с учетом состояния науки в то время, когда данная книга была написана: то, что не бросалось в глаза в эпоху Верна, сегодня могло бы считаться недопустимым. В-третьих, важной чертой писателя-фантаста является научный такт, позволяющий ему отличать научную фантазию от явного противоречия законам природы, коротко говоря – от научного нонсенса»³²⁶

---

³²⁶ *Lem S. W sprawie «Astronautów» // Problemy. 1953. № 10.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.